

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Бессчетнова О. В.** Становление института приемной семьи в отечественной и европейской социальной практике 5
- Кошелев А. А.** Проблема взаимодействия печатных изданий и властных структур по продвижению имиджа Саратовской области: региональный аспект (по материалам Форума «Права журналиста и права читателя: пути развития гражданской журналистики», г. Хвалынский 2013 г.) 12
- Уфимцева Е. И.** Роль семьи в религиозном воспитании в оценках мусульманской молодежи 15
- Могилевич Б. Р.** Социальные проблемы языка 22
- Нечаева И. В.** Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства 24
- Великий П. П., Бочарова Е. В.** Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи 30
- Бочарова Е. В., Дакирова С. Т.** Проблемы и направления развития самозанятости в сельской местности 37
- Валиахметов Р. М., Лавренко Н. М.** Социально-модернизационный потенциал управления человеческим развитием Башкортостана 42
- Ручин А. В., Смолина Е. С.** Доверие и сфера предпринимательства: современные зарубежные исследования 46
- Шахматова Н. В., Огурцова Н. Н.** Социальная защищенность работающих студентов Саратовского региона 51
- Гегедюш Н. С.** Структурирование гражданского общества: традиции и современность 54

Слово молодым социологам

- Нагимов Р. М.** К вопросу о региональных особенностях функционирования системы государственного заказа 59
- Шавров А. В.** Общество потребления риска: проблема дефиниции и методологические основы 63
- Качур Н. В.** Социологическая трактовка счастья саратовской молодежи в образовательном контексте 65
- Шилкина Н. Е.** Особенности социального взаимодействия студенческой молодежи в академической среде (результаты социологического исследования) 68

Политология

- Вилков А. А.** Возвращение к смешанной избирательной системе на выборах в Государственную думу: извлечены ли политические уроки? 74
- Данилов М. В.** Модели политизации общественных отношений 80
- Ефанова Е. В., Панкратов С. А.** Обеспечение стабильности функционирования политической системы Российской Федерации в условиях модернизационного прорыва 83
- Россошанский А. В.** Российские СМИ как «агенты»: новые аспекты традиционного конфликта медийных и властных структур 88
- Карипов Б. Н.** Либералы России: к анализу концепции равновесия и взаимодополнения в отношениях между гражданским обществом и государством 91
- Горбачев М. В.** Кризис августа 1998 года: цивилизационные варианты объяснения и модели преодоления (в официальном дискурсе Ельцина Б. Н.) 95
- Богданов А. В.** Модернизационные и традиционные ценностные политические ориентации молодежи в современной России 98
- Асадов Б. Р.** Международная молодежная дипломатия как инструмент формирования имиджа страны в современных условиях 102
- Казаков А. А., Шестов Б. Н.** Количественные методы оценки «справедливости» выборов: возможности и ограничения 107
- Зверева Н. И.** Политические эффекты социального предпринимательства 111

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология.
Психология. Религия»
Журнал выходит 4 раза в год.

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 21.03.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,72 (14,75).
Тираж 500 экз. Заказ 10.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в раздел Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

- Besschetnova O. V.** Features of Foster Care Functioning in Russian and European Social Practice 5
- Koshelev A. A.** The Problem of Interaction of Printed Media and Power Structures to Promote the Image of Saratov Oblast: the Regional Aspect (According to the Materials of the Forum «The Rights of Journalists and Rights Reader: Ways of Development of Citizen Journalism», Hvalynsk 2013) 12
- Ufimtseva E. I.** The Role of the Family in Religious Upbringing in Assessments of Muslim Youth 15
- Mogilevich B. R.** Language Social Problems 22
- Nechayeva I. V.** Social Resources of Development of Agrarian Entrepreneurship 25
- Velikiy P. P., Bocharova E. V.** Dynamics of Forming the Multy-channelity of Sources of a Rural Family Surviving 30
- Bocharova E. V., Dakirova S. T.** Challenges and Ways of Development of Self-employment in Rural Areas 37
- Valiahmetov R. M., Lavrenyuk N. M.** Social-control Modernization Potential Human Development Bashkortostan 42
- Ruchin A. V., Smolin E. S.** Trust and Business Sector: Modern Foreign Research 46
- Shahmatova N. V., Ogurtsova N. N.** Social Protection of Working Students in Saratov Region 51
- Gegedyush N. S.** Structuring of Civil Society: Traditions and Modernity 54

A Word to Young Sociological Scientists

- Nagimov R. M.** Revisiting Regional Specific Features on System Operation of State Order 59
- Shavrov A. V.** Risk Consuming Society: the Problem of Definition and Methodology 63
- Kachur N. V.** The Sociological Point of View on Happiness Interpretation of Saratov Youth in the Field of Education 65
- Shilkina N. E.** Characteristics of College Students' Communicative Adaptation for an Academic Environments (Results of Sociological Research) 68

Politology

- Vilkov A. A.** Turning Back to the Mixed Electoral System for the State Duma Elections: Have Political Lessons Been Drawn? 74
- Danilov M. V.** Models of Politicization of the Social Relations 80
- Efanova E. V., Pankratov S. A.** Ensuring Stability of Functioning of Political System of the Russian Federation in the Conditions of Modernization Break 83
- Rosshansky A. V.** Russian Mass Media as «Agents»: New Aspects of Traditional Conflict between Media and Power Structures 88
- Karipov B. N.** Russian Liberals: to Analyze the Concept of Balance and Complementarily Between Civil Society and the State 91
- Gorbachev M. V.** Crisis of August 1998: Civilizational Variants of Explanations and Models Overcoming (in the Official Discourse of Yeltsin B. N.) 95
- Bogdanov A. V.** Modernization and Traditional Values and Political Orientations of Youth in Modern Russia 98
- Asadov B. R.** International Youth Diplomacy as Tool of Formation Image of the Country in Modern Conditions 102
- Kazakov A. A., Shestov B. N.** Quantitative Methods of Evaluation of Election «Fairness»: Opportunities and Limits 108
- Zvereva N. I.** Political Effects Of Social Entrepreneurship 111

Information about the Authors

116

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

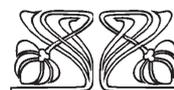
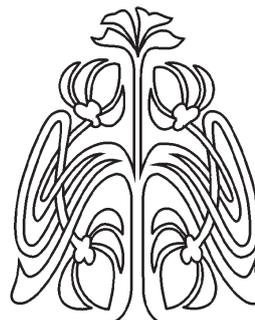
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

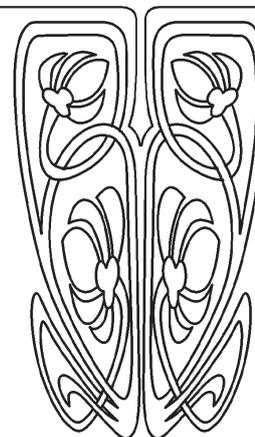
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

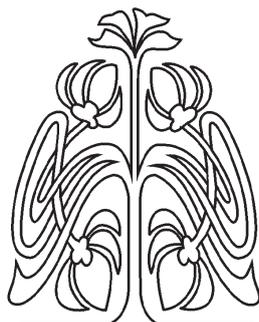
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

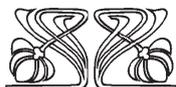
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования

(Белград, Республика Сербия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

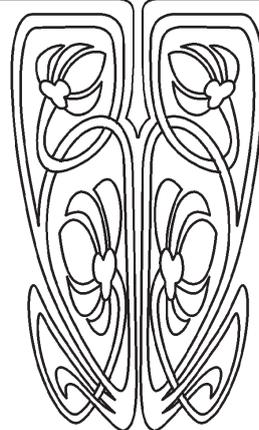
Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 364.24

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

О. В. Бессчетнова

Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета
E-mail: sharon_oksana@rambler.ru

В статье рассматриваются модели организации приемной семьи в странах Западной и Восточной Европы и России; анализируется процедура набора, профессиональной подготовки и лицензирования кандидатов в приемные родители на основе сравнительного анализа; изучаются основные виды социальных услуг, предоставляемых приемным семьям в отечественной и европейской социальной практике.

Ключевые слова: приемная семья, дети, оставшиеся без попечения родителей, Восточная и Западная Европа, Россия, профессиональная подготовка.

Features of Foster Care Functioning in Russian and European Social Practice

O. V. Besschetnova

The article dwells to the models of foster care organization in Western and Eastern Europe and Russia. The article analyses the recruitment procedure, training and licensing of prospective foster parents, based on the comparative analysis, discusses the main types of social services provided to foster families in Russian and European social practice.

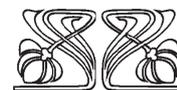
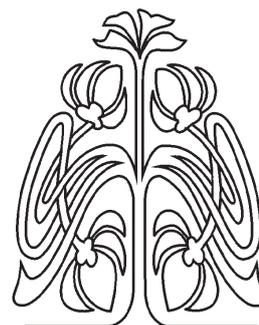
Key words: foster care, children left without parental care, Western and Eastern Europe, Russia, professional training.

В настоящее время увеличение числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является общемировой тенденцией. Об этом свидетельствуют как официальные данные национальных мониторингов, так и результаты исследований отдельных ученых.

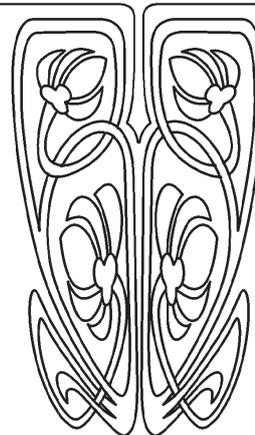
По официальным данным, в Австралии в 2012 г. были зарегистрированы 39621 ребенок-сирота и дети, оставшиеся без попечения родителей, проживающие вне своей биологической семьи. По сравнению с 2011 г. этот показатель увеличился на 5,24% (37648)¹. Количество сирот в Англии в 2009 г. составляло 60 900 человек, что на 25% больше, чем в 1995 г. За тот же период в Шотландии количество сирот достигло 15 288, а в Уэльсе 4941, что на 50% выше данных 1997 г.² В 2010 г. в США насчитывалось 463 000 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время идет тенденция к снижению числа детей, передаваемых в приемные семьи (523 000 в 2002 г., 463 000 в 2008 г.) в связи с улучшением качества социального обслуживания семей, находящихся в социально-опасном положении, и в целом семей группы риска³.

В России в настоящее время насчитывается около четырех миллионов беспризорных детей, 760 000 детей-сирот, 95% из которых – социальные сироты. Согласно статистике Министерства образования и науки РФ, из 100 000 ежегодно выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей, 70% передаются на воспитание в семьи, 30% – в детские интернатные учреждения⁴.

Сиротство как фактор разрушает эмоциональные связи ребенка с окружающей его социальной средой, с миром взрослых и сверстников

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

и вызывает глубокие вторичные нарушения физического, психического и социального развития⁵.

Как правило, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, изымают из неблагополучных семей в результате алкоголизма, наркомании, аморального и асоциального поведения их биологических родителей, что, несомненно, приводит к формированию негативных черт личности детей, смещению ценностных ориентаций, искажению представлений о социально одобряемом, морально-нравственном поведении⁶. «Дети, воспитывающиеся в интернатных учреждениях, в своем большинстве отстают от сверстников в психофизическом развитии. Они позже начинают ходить и говорить, чаще болеют, хуже учатся. Только 20% воспитанников сиротских учреждений могут учиться по программам массовых школ»⁷.

В Европе и США большинство сирот, изъятых из кровной семьи, помещают в фостерные (приемные) семьи, реже в систему институционального воспитания. По статистике, чем дольше ребенок остается вне дома, тем сильнее он испытывает негативное влияние на свое физическое и психоэмоциональное развитие, тем более длительным будет период его реабилитации. Исследования, проведенные зарубежными учеными в Южной Австралии, выявили, что 20% приемных детей имели опыт проживания в 3–5 приемных семьях, 18% сирот сменили 6–9 мест, 24% – 10 и более семей после изъятия их у биологических родителей⁸. Средняя продолжительность пребывания ребенка в приемной семье в США за последние годы снизилась с 20,5 месяца в 1998 г. до 15,8 месяца в 2008 г.⁹

В России, к сожалению, система институционального воспитания продолжает оставаться одной из основополагающих форм жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В нашей стране действуют 422 дома ребенка для 35 тысяч детей, 745 детских домов для 84 тысяч детей, 237 школ-интернатов для 71 тысячи детей¹⁰.

В европейских странах институт приемной семьи формировался в течение длительного времени, продолжая совершенствоваться и сегодня. В 2011 г. на территории стран Западной и Восточной Европы было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 12 стран – Австрия, Босния и Герцеговина, Венгрия, Италия, Нидерланды, Польша, Сербия, Словения, Финляндия, Франция, Швеция, Шотландия. Исследование осуществлялось методом экспертного опроса, в котором участвовали представители различных министерств и ведомств, непосредственно работающие с приемной семьей. Анкета состояла из 11 вопросов открытого типа¹¹.

Анализ показал, что в настоящее время в Европе существуют следующие типы приемной семьи: 1) приемные семьи, состоящие в родстве с ребенком (так называемая родственная забота), т. е. уход и воспитание ребенка, оставшегося без

попечения родителей, осуществляют бабушки/дедушки, совершеннолетние дееспособные братья/сестры и другие родственники, знакомые, крестные, люди, которые известны ребенку; 2) традиционные приемные семьи, обеспечивающие содержание и воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей, с нормальным психосоциальным развитием; 3) специализированные (терапевтические) приемные семьи, прошедшие специальную подготовку и способные осуществлять уход за детьми с серьезными эмоциональными, умственными или физическими отклонениями в развитии, а также с нарушениями поведения; 4) профессиональные приемные семьи, которые обладают знаниями и компетенциями в таких областях, как социальная работа, социальная педагогика, психология, медицина, либо имеют профессиональное образование в данных областях, либо прошли специальную обучающую подготовку и имеют сертификат (лицензию) на осуществление своей профессиональной деятельности; 5) кризисные приемные семьи, представляющие собой семьи, которые обеспечивают временную заботу о ребенке во время кризисной ситуации в его биологической семье до конца выхода из кризиса, установления контроля над семейной ситуацией до возвращения ребенка к кровным родителям; 6) приемные семьи, оказывающие кратковременную помощь (на выходные, праздничные дни, каникулы) семьям, имеющим в своем составе лицо с ограниченными возможностями здоровья, требующее постоянного ухода и наблюдения; 7) приемные семьи, обеспечивающие информационную, эмоциональную, инструментальную помощь и поддержку биологическим родителям приемного ребенка, которые находятся в трудной жизненной ситуации, создающей угрозу для функционирования семьи и препятствующей нормальному развитию ребенка; 8) «частные» приемные семьи, принимающие ребенка непосредственно от его биологических родителей, минуя социальные службы и органы опеки и попечительства. В некоторых случаях, в зависимости от сроков пребывания ребенка/детей в приемной семье, им вменяется в обязанность уведомить об этом компетентные органы.

Приемные семьи, состоящие в родстве с ребенком, существуют в большинстве стран Европы, за исключением Боснии и Герцеговины, Италии и Франции. Профессиональные приемные семьи отсутствуют в Боснии и Герцеговине, Словении, Швеции. Кризисные приемные семьи характерны для Австрии, Нидерландов, Сербии и Словении. Наиболее редкими типами семей в Европе по праву можно считать традиционные приемные семьи (Венгрия, Польша, Швеция), семьи, осуществляющие кратковременный уход за инвалидами (Сербия, Словения, Шотландия), а также частные приемные семьи (Шотландия)¹².

Помимо общеизвестных типов приемной семьи существуют и менее распространенные,

например, приемные семьи, которые принимают не только ребенка, но и его биологическую мать (Сербия), а также предусматривают как добровольное помещение ребенка, так и принудительное, по решению суда (Италия).

В зависимости от сроков пребывания ребенка приемные семьи делятся на кратковременные (несколько дней, выходные, праздники, каникулы), которые характерны для Нидерландов, Сербии, Швеции и Шотландии, и долговременные (вплоть до совершеннолетия ребенка), наиболее популярные в Нидерландах, Франции и Шотландии.

В восьми странах – Боснии и Герцеговине, Венгрии, Сербии, Польше, Финляндии, Франции, Швеции, Шотландии – помимо приемной семьи для несовершеннолетних сирот, существуют семьи, оказывающие услуги взрослым совершеннолетним гражданам. В Швеции в таких семьях проживают наркозависимые, в Финляндии и Шотландии – престарелые и лица с ограниченными возможностями, что позволяет дать передышку родственникам, осуществляющим уход за ними. В Венгрии и частично в Боснии и Герцеговине в них в основном находятся приемные дети старше 21 года, которые не могут жить самостоятельно либо если они учатся по очной форме обучения, но не старше 25 лет.

В одиннадцати странах, за исключением Швеции, существует институт профессиональной приемной семьи. Официально осуществление обязанностей по воспитанию приемных детей в Швеции не считается профессией. Приемным родителям не выплачивается заработная плата, а только вознаграждение в виде налоговых льгот. В Нидерландах, наоборот, приемные родители имеют право на заработную плату, пенсию, пособие на покрытие издержек по содержанию приемных детей, прохождение обучения каждые шесть недель, а также ежегодный отпуск. Во Франции и Польше приемным родителям выплачивается заработная плата, предоставляется социальный пакет, отпуск, возможность отдыха в праздничные дни. В Словении приемным родителям, осуществляющим свою деятельность на условиях полной занятости, помимо заработной платы полагаются пенсия, медицинская страховка по болезни, нетрудоспособности, инвалидности, пособие по безработице, не облагаемое налогом. В Шотландии все категории приемных родителей получают пособие на покрытие расходов по содержанию приемного ребенка, размер которого зависит от возраста ребенка, срока его пребывания в приемной семье, профессионального опыта приемных родителей. В Италии приемные семьи имеют право на возмещение стоимости расходов на содержание ребенка, налоговые льготы, юридическую поддержку, материнский и отцовский отпуск, больничный лист по уходу за больным ребенком. В Сербии, несмотря на то что приемные родители не получают заработной платы, а только вознаграждение за работу, они имеют право на со-

хранение стажа (1 год выполнения обязанностей приемных родителей приравнивается к 3 месяцам профессионального стажа), а те, кто воспитывает детей до 5 лет, могут претендовать на оплачиваемый отпуск, но не ранее чем через 8 месяцев работы. В Финляндии размер вознаграждения зависит от состояния здоровья приемного ребенка.

Кандидаты в приемные родители должны отвечать особым требованиям, которые имеют свою специфику в каждой отдельно взятой стране. Например, в Финляндии, хотя бы один из родителей должен обладать специальными знаниями относительно развития, здоровья, образования приемного ребенка. В Польше приемные родители обязаны иметь, по крайней мере, среднее профессиональное, желательно высшее, образование.

В Словении приемные родители должны быть старше 18 лет, постоянно проживать на территории страны, иметь законченное профессиональное образование, не быть ограниченными или лишенными родительских прав, дееспособными. Им дано право самостоятельно определять, осуществлять ли им обязанности по воспитанию приемных детей на основе полной или частичной занятости, т. е. как дополнение к основной работе. Количество детей в приемной семье по законодательству Словении не должно превышать трех.

В Нидерландах и Шотландии требования к кандидатам в приемные родители включают: удовлетворительное состояние физического и умственного здоровья, полная дееспособность, понимание и умение удовлетворять потребности приемного ребенка. Разрешение на открытие приемной семьи могут получить как лица, не состоящие в браке, так и пары, состоящие в браке, в том числе гомосексуальные.

Законодательство Венгрии допускает к отбору кандидатов, отвечающих следующим требованиям: возраст не моложе 24 и не старше 45 лет, наличие полной юридической дееспособности, отсутствие криминального прошлого, разница в возрасте с приемным ребенком не менее 18 лет, документ о прохождении специальной долицензионной подготовки по программе обучения приемных родителей, удовлетворительное состояние здоровья.

В Сербии приемные родители не должны быть лишены родительских прав, быть полностью дееспособными, не находиться под следствием, не привлекаться за преступления против жизни и здоровья, в том числе за домашнее насилие, не иметь физических и умственных отклонений, обладать хорошими жилищными условиями, продемонстрировать знания в области приемного родительства.

Таким образом, в большинстве стран Европы основной акцент при подборе кандидатов в приемные родители делается на возрасте, удовлетворительном состоянии здоровья, отсутствии криминальных наклонностей, полной дееспособности, наличии профессионального образования.

Возможность быть приемным родителем предоставляется как лицам, состоящим в браке, в том числе и однополым парам, так и незамужним/холостым. Характерной особенностью является отсутствие особых требований, предъявляемых к финансовому состоянию кандидатов и их занятости, за исключением Австрии, законодательством которой предусматривается обязательное наличие источника собственного дохода.

Большинство стран Европы не предъявляет особых требований к квалификации приемных родителей, при необходимости им предоставляется различного рода обучение и широкий спектр социальных услуг для овладения необходимыми компетенциями. Швеция, Финляндия и некоторые части Австрии не требуют от приемных родителей заполнения отчетов о своей деятельности, в то время как в Нидерландах, Франции, Боснии и Герцеговине это требование является обязательным. Венгрия и Сербия занимают промежуточную позицию, поскольку не требуют отчетов от приемных родителей, за исключением тех, кто является официальным опекуном ребенка. Все страны обязывают приемных родителей тесно сотрудничать с социальными службами, учреждениями и организациями, занимающимися решением проблем приемных семей, местными органами власти, проводящими мониторинг и отслеживающими состояние и функционирование приемных семей. Как правило, приемные родители осуществляют свою деятельность на основе договора (контракта), заключенного с местными органами власти, некоммерческими организациями или частными службами.

Процедура набора, подготовки и лицензирования приемных семей широко варьируется в странах Западной и Восточной Европы. Это касается различных аспектов деятельности приемных семей, во-первых, категории детей (например, в Польше, приемные родители, осуществляющие уход за новорожденными, обязаны пройти дополнительное обучение в детских интернатных учреждениях и/или больницах); во-вторых, наличия/отсутствия родства с приемным ребенком (в некоторых частях Австрии, в Польше, Шотландии приемные родители, состоящие в родстве с ребенком, освобождаются от обязательной профессиональной подготовки и лицензирования, но остаются объектами мониторинга со стороны специализированных служб. В отличие от них в Боснии и Герцеговине, Венгрии, Сербии, Словении и Швеции требования едины для всех категорий приемных родителей); в-третьих, возмездного/безвозмездного характера приемной семьи (во Франции семьи, осуществляющие свою работу на добровольной основе, освобождаются от прохождения обучения по программе подготовки приемных родителей); в-четвертых, состояния здоровья приемного ребенка (в Нидерландах специальную подготовку обязаны пройти приемные родители, осуществляющие уход и воспитание детей с от-

клонениями в развитии; тем, кто выполняет свои обязанности только в выходные дни, следует посетить краткосрочные курсы). В Венгрии и Франции все категории приемных семей должны пройти 300-часовое обучение, сдать экзамен, а для получения лицензии на осуществление профессиональной деятельности предусмотрено дополнительное обучение в объеме 60 часов.

Лицензирование приемных родителей предусматривается в 8 странах из 12, за исключением Боснии и Герцеговины, Италии, Нидерландов и Швеции. Подготовку кандидатов осуществляют социальные службы, частные агентства, муниципалитеты, местные органы власти, неправительственные организации, специализированные центры.

Опыт европейских стран показывает, что процесс подготовки приемных семей может быть разделен на две основные части: 1) обязательное долицензионное (предварительное) обучение кандидатов, позволяющее оценить степень их готовности, личностный и семейный потенциал; 2) обязательную постлицензионную подготовку во время функционирования приемной семьи¹³. Единственной страной, где обязательное обучение не вменяется в обязанность приемным родителям, является Босния и Герцеговина. Добровольное обучение осуществляется некоммерческими организациями в сотрудничестве с Центрами социальной работы, а интенсивность и содержание программы зависят от потребностей и интересов ее участников.

В Финляндии основной программой для подготовки приемных родителей является «Прайд» (PRIDE), которая состоит из 8 групповых занятий общей продолжительностью 24 часа и обязательна для всех категорий кандидатов. В Шотландии обучение потенциальных приемных родителей занимает несколько месяцев, кроме того, предусмотрено дополнительное обучение, в рамках которого выявляются новые образовательные потребности при проведении ежегодных опросов участников. В Польше лицензирование приемных родителей осуществляется Министерством труда и социальной политики, занятия проводят тренеры, имеющие профессиональную подготовку. Наиболее популярными обучающими программами являются PRIDE и британская программа «Choosing the Foster» («Выбирая приемную семью»).

В Австрии отсутствует единая национальная программа подготовки приемных родителей, вместо этого в каждой из девяти федеральных земель существуют свои программы. Профессиональная подготовка обязательна для всех категорий приемных родителей, она включает 7 модулей длительностью 3 часа каждый, трехдневный интенсивный курс обучения и 3 специальных модуля по основам медицины в объеме 50 часов. Общая продолжительность обучения составляет от 3 до 6 месяцев.

В Словении программы подготовки приемных родителей существуют как на национальном, так и на местном уровне. Приемные родители обязаны посещать занятия каждые пять лет, иначе их лицензия может быть отозвана. Обучение длится 20–25 часов и включает лекции, семинары, обмен опытом. На национальном уровне процесс обучения регулируется Ассоциацией Центров социальной работы, на местном уровне Центры социальной работы организуют краткосрочные обучающие курсы не реже одного раза в год.

В Сербии наибольшее распространение получили две обучающие программы – PRIDE и «Safe steps to foster care» («Безопасные шаги к приемной семье»), которые предусматривают регулярное обязательное и ежегодное дополнительное обучение в объеме 10 часов, осуществляемое посредством семинаров. Кроме того, обязательное обучение должны пройти и те, кто намерен усыновить ребенка, согласно Закону о семье, принятому в 2005 г. План обучения приемных родителей включается в рабочий план учреждения, который составляется специалистами совместно с приемными родителями с учетом их потребностей и интересов.

Таким образом, подавляющее большинство стран Восточной и Западной Европы предусматривает обязательную профессиональную подготовку приемных родителей как на стадии создания приемной семьи, так и на стадии ее функционирования. Одни страны используют одну-две программы подготовки, которые действуют на всей территории страны (Сербия, Польша, Финляндия), другие дают возможность местным органам власти и специализированным службам регулировать их содержание и объем по своему усмотрению.

За профессиональной подготовкой кандидатов в приемные родители следует процедура лицензирования приемной семьи. В Шотландии все приемные семьи подлежат обязательной регистрации и осуществляют свою деятельность на основе контракта, который заключается с местными органами власти, некоммерческими организациями или частными агентствами. Кроме того, приемные родители должны иметь не менее двух рекомендаций от людей, которые могут быть проинтервьюированы сотрудниками агентства. Помимо прочего, проводится детальное изучение каждого члена приемной семьи, достигшего возраста восемнадцати лет (совершеннолетия).

Франция предоставляет лицензию кандидатам после проведения собеседования и оценки жилищно-бытовых условий семьи. Лицензия выдается сроком на пять лет с возможностью ее дальнейшего продления, однако наличие лицензии еще не говорит о том, что с приемной семьей будет немедленно подписан контракт.

В Польше процесс лицензирования включает организацию компании по привлечению потенциальных кандидатов; проведение вводных индивиду-

альных и групповых встреч; групповое обучение (не менее 12 занятий по 4 часа каждое); индивидуальное консультирование в доме потенциальных приемных родителей; проведение оценки потенциала кандидатов; создание генограмм, семейного плана; учет мнения психолога и других специалистов; взаимодействие с социальным работником; вынесение решения Семейного суда; проведение одновременной работы с приемными и биологическими родителями; совместная разработка индивидуального плана работы с приемным ребенком.

В Словении лица, выражающие желание стать приемными родителями, связываются с местным Центром социальной работы, где получают всю необходимую информацию. На втором этапе они заполняют заявление в качестве кандидатов в приемные родители. На третьем этапе Центр проверяет все предоставленные данные, оценивает их соответствие требованиям. Министерство труда, семьи и социальных дел Словении определяет ежегодную потребность в создании новых приемных семей, ограничивая прием заявлений от граждан в сентябре каждого года. На четвертом этапе отобранные кандидаты проходят обучение в объеме 10–12 часов два раза в неделю. На заключительном этапе, после успешного завершения обучения, министерство выдает лицензию и регистрирует приемных родителей. Лицензия пересматривается каждые два года, а в случае нарушения условий договора проводится дополнительное расследование.

Австрия, Босния и Герцеговина и Нидерланды не предусматривают лицензирования приемных родителей, несмотря на это, специализированные некоммерческие организации имеют право контролировать их деятельность.

Что касается оказания социальной помощи и поддержки приемной семьи, то следует отметить наличие широкого спектра предоставляемых ей услуг, формы и виды которых сильно отличаются не только между странами, но и в различных частях одной страны.

В Швеции основным специалистом, с которым тесно сотрудничают приемные родители, является социальный работник, связь с которым доступна в течение рабочего дня; вечером, ночью, в выходные и праздничные дни консультация возможна только по вызову; некоторые виды круглосуточной помощи оказываются частными службами.

Финляндия предусматривает следующие виды социальной поддержки приемной семьи: ежегодное дополнительное обучение приемных родителей, помощь специалистов, супервизия, шефство со стороны опытных приемных родителей, создание групп по интересам. Кроме того, каждый приемный ребенок имеет закрепленного за ним собственного социального работника, с которым он может связаться в любое время.

В Нидерландах, Сербии, Франции и Шотландии помощь приемной семье оказывается кругло-

суточно, невзирая на выходные и праздничные дни, семь дней в неделю. Каждая приемная семья имеет список телефонов социального работника и других специалистов, которым в случае необходимости они могут позвонить.

В Польше виды и доступ к социальным услугам разнятся внутри страны. В отличие от столицы, провинции могут получить социальную помощь от Центров поддержки приемной семьи. Согласно новому польскому законодательству, всем региональным Центрам вменяется в обязанность создать специализированные команды специалистов и назначить координаторов каждой приемной семье.

В Венгрии сотрудник, представляющий организацию, с одной стороны, оказывает необходимую социальную поддержку приемной семье, а с другой, контролирует ситуацию. За одним специалистом закреплено не более 45 приемных детей или 30 семей, он работает 40 часов в неделю. При необходимости приемные родители могут получить консультацию специалистов других профилей (социальных педагогов, психологов, неврологов).

В Австрии, Боснии и Герцеговине, Словении поддержка приемной семьи не выделяется в отдельную категорию, а осуществляется в рамках общего обслуживания семей с детьми (семейное консультирование, телефон доверия, кризисные центры и др.).

В Российской Федерации проблема подготовки кандидатов в приемные родители стала предметом дискуссий относительно недавно, а легитимный характер приобрела с принятием Постановления Правительства РФ «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» от 18 мая 2009 г. № 423, в котором, в частности, были прописаны Правила подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных установленных семейным законодательством Российской Федерации формах¹⁴.

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», были внесены поправки в указанные статьи¹⁵.

В частности, в ст. 127 СК РФ «Лица, имеющие право быть усыновителями» был введен п. 4, который запрещает «лицам, не прошедшим подготовку, кроме близких родственников ребенка, а также лицам, которые являются усыновителями, в отношении которых усыновление не отменено» быть усыновителями¹⁶.

Статья 146 СК РФ «Опекуны (попечители) детей» предусматривает запрет на осуществление опеки/попечительства «лицам, не прошедшим

подготовку, за исключением близких родственников детей, лиц, которые являлись или являются опекунами (попечителями) детей, которые не были отстранены от исполнения своих обязанностей».

В статье 271 Гражданско-процессуального кодекса РФ «Документы, прилагаемые к заявлению об усыновлении» устанавливается перечень обязательных документов, среди которых – свидетельство о прохождении подготовки лиц, желающих взять на воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей, за исключением мачехи/отчима, близких родственников, усыновителей, в отношении которых усыновление не отменено¹⁷.

Важность обязательной подготовки приемных родителей, опекунов/попечителей, усыновителей одинаково осознается всеми странам. В соответствии с федеральным законодательством Российской Федерации граждане, выразившие желание стать усыновителями, опекунами/попечителями, приемными родителями или патронатными воспитателями, обязаны пройти психолого-педагогическую и правовую подготовку и предоставить документ о ее прохождении в органы опеки и попечительства.

В нашей стране организация подготовки кандидатов в приемные родители возлагается на органы опеки и попечительства, а при отсутствии необходимых условий может осуществляться образовательными и медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные услуги, в том числе организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основе договора, заключенного с органами опеки и попечительства (например, на базе детских домов, социально-реабилитационных центров, центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей). Подготовка кандидатов в приемные родители осуществляется на безвозмездной основе, а ее финансирование производится из собственных средств учреждения, внебюджетных средств, других легитимных источников, а также бюджетов субъектов РФ¹⁸.

Основными задачами подготовки кандидатов в приемные родители являются: подготовка граждан к приему на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; формирование у них воспитательных компетенций и родительских навыков для содержания и воспитания ребенка, в том числе для охраны его прав и здоровья, создания безопасной среды, успешной социализации, образования и развития; оказание помощи кандидатам в приемные родители в определении своей готовности к приему на воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей, в выборе формы устройства ребенка на воспитание в семью, в осознании реальных проблем и трудностей, с которыми им предстоит столкнуться в процессе воспитания приемного ребенка; ознакомление кандидатов в приемные родители с основами законодательства в сфере

защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей, правами и обязанностями приемных родителей.

В соответствии с п. 4 ст. 127 Семейного кодекса РФ программа и порядок подготовки кандидатов в приемные родители осуществляются органами исполнительной власти субъектов Федерации, которые обязаны обеспечить подготовку на основе принципов регулярности, доступности, целесообразности.

Органы исполнительной власти определяют содержание разделов и трудоемкость программы, требования к уровню подготовки кандидатов в приемные родители, форму и методы подготовки. Вместе с тем, согласно федеральному законодательству России, общая трудоемкость программы должна составлять не менее 30 и не более 80 академических часов (из которых не менее 70% отводится на практические занятия (тренинги), включая итоговую аттестацию¹⁹), длиться не более трех месяцев, а срок ожидания начала проведения курсов не должен превышать двух месяцев.

Объектами подготовки кандидатов в приемные родители в Российской Федерации могут являться социальные педагоги, специалисты социальной работы, юристы, психологи, медицинские работники, специалисты, имеющие базовое профильное высшее образование, опытные приемные родители.

Таким образом, решение проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должно осуществляться через систему государственной социальной политики на трех уровнях: микроуровне (минимизация дисфункции семьи), макроуровне (устранение пробелов в нормативно-правовой базе, повышение эффективности мер социальной политики), институциональном уровне (улучшение состояния инфраструктуры, повышение квалификации специалистов), что позволяет определить, на каких стадиях наиболее эффективно может осуществляться профессиональное вмешательство²⁰.

По данным опроса ВЦИОМ (n=1600), проведенного 26–27 января 2013 г., наибольшее одобрение получили следующие инициативы Президента РФ В. В. Путина по решению проблем детей, оставшихся без попечения родителей: повышение зарплаты приемным родителям (90%); предоставление налоговых льгот лицам, усыновившим ребенка, и увеличение единовременного пособия при передаче ребенка на воспитание в семью (по 88%); усовершенствование системы медицинской помощи детям, оставшимся без попечения родителей (91%); ведение работы по расширению доступа граждан к информации о детях-сиротах; формирование семейных ценностей (82%)²¹.

В связи с этим следует отметить, что необходимость продвижения семейных форм заботы о детях, лишенных родительского попечения,

осознание важности и обязательности специальной подготовки кандидатов в приемные родители получили широкое признание как в зарубежной, так и в отечественной социальной практике, что, на наш взгляд, позволит снизить количество детей, проживающих в интернатных учреждениях, обеспечить им гарантированное государством право жить и воспитываться в семье, повысит их шансы на социальную адаптацию и интеграцию в общество, создаст условия для их полноценного развития.

Примечания

- 1 См.: Children in Care. Australian Institute of Family Studies. Official site. URL: <http://www.aifs.gov.au/cfca/pubs/factsheets/a142092/index.html> (дата обращения: 10.07.2013).
- 2 См.: The Scottish Government Statistics Publication Notice – Children Look After, 2010. URL: <http://www.scotland.gov.uk/Resource/Doc/342028/0113798.pdf> (дата обращения: 15.06.2013).
- 3 См.: Jolly R., Russell-Miller M. Foster Parent retention and satisfaction // SOU McNair Scholars Journal. Fall 2012. Vol. 9. P. 9–20.
- 4 См.: Министерство образования и науки РФ: [сайт]. URL: <http://минобрнауки.рф/> (дата обращения: 11.06.2013).
- 5 См.: Макеева И. А. Музей как фактор повышения инновационного потенциала детского дома в социализации детей-сирот // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Красноярск: Научно-инновационный центр. 2010. № 4 (04). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2010/no4.html> (дата обращения: 15.06.2013).
- 6 Волкова О. А., Дурасанова Т. П. Профессиональное самоопределение детей-сирот // Социальное служение в интересах детей : сб. ст. / общ. ред., сост. О. В. Пишкова, Н. В. Полякова, А. Ф. Радевич, А. Г. Стащенко. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2004. С. 178–191.
- 7 Донина О. И., Вагина Е. Е. Характеристика современных технологий социально-психологической работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Красноярск : Научно-инновационный центр, 2011. № 4 (08). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2010/no4.html> (дата обращения: 15.06.2013).
- 8 См.: Rubin D., O'Reilly A., Luan X., Localio A. The impact of placement stability on behavioral well-being for children in foster care // Pediatrics. 2007. № 119 (2). P. 336–344.
- 9 См.: Freundlich M. Legislative strategies to safely reduce the number of children in foster care, 2010. URL: http://www.ncsl.org/documents/cyf/strategies_reducing_the_number_of_children_in_foster_care.pdf (дата обращения: 19.06.2013).
- 10 См.: Волкова О. А., Дурасанова Т. П. Указ. соч.
- 11 См.: Laklija M. Foster care models in Europe – results of a conducted survey. Zagreb, October, 2011. URL: www.

- udomiteljizadjecu.hr/.../Foster%20care%2 (дата обращения: 20.06.2013).
- ¹² См.: Project «Children's rights to a family : foster care under the lens» (JLS/2008/FRAC/AG/1419) – Specific Program «Fundamental rights and citizenship» 2007–2013 or «Foster care under the lens – Protecting the rights of children in alternative care», 2011. URL: http://www.eurochild.org/en/events/details/index.html?tx_ttnews%5BpS%5D=1391024651&tx_ttnews%5Bttnews%5D=1784&tx_ttnews%5BbackPid%5D=287&cHash=aaab4fc8a8a96587dfc1f3cc2767c72f (дата обращения: 10.07.2013).
- ¹³ См.: *Hantrais L.*, *Social Policy in the European Union*, 3rd edn. Basingstoke and N. Y. : Palgrave Macmillan and St Martin's Press, 2007.
- ¹⁴ См.: Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан : постановление Правительства РФ от 18.05.2009 г. № 423. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142169/ (дата обращения: 7.06.2013).
- ¹⁵ См.: О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон № 351 (принят Гос. Думой 30.11.2011). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122460/ (дата обращения: 10.06.2013).
- ¹⁶ См.: Семейный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 48, ст. 6582.
- ¹⁷ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. ФЗ-138 от 14.11.2002 г. (в ред. от 03.12.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 46, ст. 4532.
- ¹⁸ См.: О подготовке лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей : письмо Министерства образования и науки Рос. Федерации от 24.08.2012 года № ИР-713/07. URL: www.usynovite.ru/documents/federal/regulations/.../opodgotovke/ (дата обращения: 12.06.2013).
- ¹⁹ См.: Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей : приказ Министерства образования и науки Рос. Федерации от 20.09.2012 г. № 623. URL: http://минобрнауки.рф/пресс-центр/.../13.03.20-Перечень_НПА_2012.pdf (дата обращения: 12.06.2013).
- ²⁰ См.: *Лыгина М. А.* Социальные сироты и теоретические основы социальной работы с ними // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 12 (16). С. 18–25.
- ²¹ См.: Проблемы сирот в России. Граждане – об инициативах Президента. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113597> (дата обращения: 19.06.2013).

УДК 316.013

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ И ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР ПО ПРОДВИЖЕНИЮ ИМИДЖА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (по материалам Форума «Права журналиста и права читателя: пути развития гражданской журналистики», г. Хвалынский 2013 г.)

А. А. Кошелев

Саратовский государственный университет
E-mail: koshelev76@mail.ru

Статья посвящена проблемам взаимодействия власти и средств массовой информации в процессе конструирования имиджа области на федеральном и международном уровне.

Ключевые слова: власть, средства массовой информации, имидж, форум, газеты, семинары.

The Problem of Interaction of Printed Media and Power Structures to Promote the Image of Saratov Oblast: the Regional Aspect (According to the Materials of the Forum «The Rights of Journalists and Rights Reader: Ways of Development of Citizen Journalism», Hvalynsk 2013)

A. A. Koshelev

The article is devoted to the problems of interaction between authorities and media in the process of constructing the image of the region on Federal and international level.

Key words: power, media, image, forum, newspapers, seminars.

Проблематика взаимодействия власти и СМИ является одной из актуальных на пути конструирования социально-экономических условий современного российского общества. Не случайно данная тематика является предметом пристального изучения социальных и гуманитарных наук, а также острым вопросом дискуссий и семинаров. На данный момент имеет место тенденция утраты доверия как к СМИ в целом, так и к печатной прессе в частности, и этот тренд стал находить отражение еще в начале нового века. Б. Б. Багиров и М. М. Ковалева считают, основываясь на ответах респондентов в ходе политических кампаний начала века по выборам в Госдуму, что свыше половины их не доверяют никому, по шесть процентов доверия имеют церковь и СМИ¹. В различных источниках все чаще находят отражение мнение, что пресса становится «социально опасной» для общества, она ориентирована на власть (государственную, финансовую, политическую) и обслуживает ее интересы, а не интересы общества. Рекомендуются даже правила «информационной

безопасности», смысл которых состоит в блокировании информации и публичного представления бенефициария того либо иного СМИ. Более того, внешняя проблема постепенно переходит в непонимание, а порой в открытую конфронтацию между СМИ и властными структурами.

Предмет конфликта внешне прост: печатные издания, учитывая постепенное падение тиражей, а следовательно, и аудитории все больше нуждаются в финансировании. Особенно это касается районных газет и журналов, не имеющих четкого понимания рыночного взаимодействия, а именно получения доходов за счет рекламы или развития альтернативных каналов дистрибуции. В то же время некоторые независимые издания, пользуясь сильными позициями на рынке, пытаются шантажировать властные структуры в случае уменьшения инвестиций в совместные социально-экономические, политические или культурные проекты. В свою очередь, власть выстраивает систему «блокирования» неудобной информации (в лучшем случае), либо открыто объявляет о снижении финансирования тех изданий, чье мнение расходится с официальной точкой зрения. И та, и другая позиции в целом не решают проблемы взаимодействия власти и СМИ и не способствуют развитию принципов гражданской журналистики.

В качестве удачного примера решения подобных противоречий можно назвать первый совместный форум печатных СМИ и властных структур «Права журналиста и права читателя: пути развития гражданской журналистики», прошедший 28–29 августа 2013 г. в г. Хвалынске Саратовской области. Организаторами мероприятия выступили региональное министерство информации и печати, администрация Хвалынского района, а также Саратовское отделение Союза журналистов России. Форум объединил в работе более 70 представителей центральных и районных изданий. В качестве экспертов выступили В. Л. Касютин, секретарь СЖР, главный редактор журнала «Журналистика и медиарынок», а также В. С. Блащенко, директор по развитию консалтинговой компании «Конкретика», эксперт в области разработки и продвижения брендов территорий.

Главной целью форума стала проблема совместного решения проблем по продвижению имиджа Саратовской области как привлекательного региона для внешних инвестиций и туристической деятельности. Предварительно консалтинговой компанией «Конкретика» было проведено социологическое исследование по вопросам взаимодействия власти и СМИ на региональном уровне. В качестве метода использовался экспертный опрос, объем выборочной совокупности составил более 70 человек – специалисты в области информационного обеспечения деятельности региона. Результаты позволили выявить, что проблемы актуальны и требуют пристального и всестороннего изучения.

Среди наиболее важных выводов проведенного исследования эксперты отметили, что основными претензиями власти к СМИ являются группа проблем, связанных с достоверностью, искажением информации, а также использование ярких заголовков с негативным окрасом, транслирующих провокационный характер воздействия на аудиторию. Кроме того, экспертами была выявлена ситуация, при которой журналисты не всегда обращаются за комментариями к официальным источникам, что влечет за собой «передергивание» и спекуляцию информационными потоками и приводит к публикациям заведомо непроверенных данных. В ином случае представители СМИ устанавливают весьма короткие сроки ответов на запросы по тем или иным событиям, что не позволяет властным структурам конструктивно прокомментировать сложившуюся ситуацию. Усугубляет обозначенную проблему отсутствие у журналистов специальных знаний в той или иной отрасли, а также недостаточный опыт в подготовке тех или иных публикаций. Более того, использование в конфликтных ситуациях референтных лиц (спортсменов, тренеров, культурных деятелей) приводит к самым непредсказуемым последствиям. Остается актуальным вопрос соблюдения СМИ законодательства РФ в сфере трансляции коммерческой тайны и фактора защиты персональных данных. Трансформация контента ряда изданий в сферу доминирования криминальных и «таблоидных» информационных потоков также, по мнению властных структур, отрицательно влияет на конструирование нового коммуникационного пространства взаимодействия СМИ и различных отраслей в соответствии с принципами гражданской журналистики. Достаточно часто среди ответов респондентов встречалось мнение о стремлении региональных СМИ к бюджетной либо иной поддержке (например, оппозиционных структур) и нежелании использовать коммерческие формы достижения финансовых результатов за счет увеличения читательской аудитории и получения доходов от рекламы.

Иными словами, властные структуры отмечают стремление саратовских СМИ к беспочвенному критиканству, использование непроверенных источников и предлагают схемы взаимодействия, которые предполагают, осознание журналистами специфики деятельности того либо иного министерства и ведомства, соблюдение законодательно установленных сроков получения официальных комментариев, а также тщательную проверку материалов на предмет актуальности и достоверности.

Результаты исследования поставили ряд требующих тщательного научного осмысления групп проблем встречных претензий региональных СМИ к органам власти. Среди наиболее часто упоминающихся разногласий представители СМИ отмечают недостаточную глубину трактовки властными структурами тех или иных

социально значимых позиций региона, отсутствие конкретики в комментариях чиновников, закрытость, а также низкую оперативность. Кроме того, чиновникам часто ставят в вину стремление обойти острые темы, а также отсутствие системности в генерировании и транслировании информации, связанной с чрезвычайными ситуациями и социальными катаклизмами. Более того, в сложные периоды представители СМИ отмечают труднодоступность первых лиц, их сознательное уклонение от комментариев и общения с населением.

Актуализация данных проблем сформировала ряд острых вопросов, которые были обсуждены в дальнейшем участниками форума в рамках круглого стола, на котором обсуждались проблемы и перспективы решения проблем продвижения имиджа Саратовской области как инвестиционно привлекательного региона. Среди наиболее интересных выводов, следует отметить определение участниками адресата программ по продвижению имиджа Саратовской губернии. По их мнению, подобные мероприятия необходимы для следующих социальных групп:

- культурная и творческая общественность;
- жители соседних регионов;
- население других регионов страны;
- лидеры мнений и СМИ;
- научные сообщества;
- неправительственные организации;
- дети и молодежь;
- туристы, спортсмены;
- правительство области.

Но в первую очередь программы по формированию положительного имиджа региона должны быть адресованы его жителям, которые выступают ретрансляторами социальных ценностей Саратовской губернии.

Безусловно, формирование положительного имиджа региона, по мнению участников круглого стола, привлечет внимание федеральных и зарубежных инвесторов, а именно специалистов в сфере развития агропромышленного комплекса области, меценатов, представителей ключевых коммерческих структур, ориентированных на создание производства. В этой связи необходимо формировать жесткую позицию в отношении предприятий, имеющих в своем уставном капитале государственное участие. Для этого полномочия и бюджеты регионов должны быть значительно шире, чем есть в настоящее время.

Также участники круглого стола обратили внимание, что деятельность в сфере продвижения имиджа региона положительно скажется на взаимодействии с федеральными органами власти: Минэкономразвития, Минсельхозом, Минрегионразвития, Минкомсвязью, Россельхознадзором, ФСТ России.

По результатам форума были сформированы практические рекомендации, направленные на совершенствование региональной политики, среди которых наиболее актуальными, на наш взгляд, являются следующие:

– информирование читателя о деятельности ряда предпринимателей, обеспечивающих развитие социально-экономической сферы региона, создание рабочих мест с достойной заработной платой;

– описание и рекламирование туристических маршрутов региона с акцентом на преимущества отдыха на Волге;

– систематизация информации о социокультурных событиях в области: фестивали, спортивные соревнования и т. д.;

– создание и обеспечение доступности мультипликационных и документальных фильмов, основанных на исторических и современных особенностях региона;

– информационное сопровождение участия областных коллективов в различных мероприятиях, фестивалях всероссийского и международного уровня;

– разработка более тесных механизмов взаимодействия с соседними регионами, выступление первых лиц на различных конференциях, форумах, где они могут продвигать положительный опыт Саратовской области в той или иной сфере;

– генерирование и совершенствование информационных программ для сельхозтоваропроизводителей, предпринимателей, одаренных детей и спортсменов;

– инициирование оригинальных инфоповодов с участием СМИ и властных структур в формате совместных реализаций социально значимых акций;

– разработка информационно-публицистических программ о жизни и проблемах удаленных районов области;

– регулярное информирование читателя или зрителя в формате серии репортажей с участием специалистов в том или ином секторе производственно-коммерческой деятельности.

Подводя итог, необходимо отметить, что подобный форум проводился на уровне региона впервые и позволил обозначить ряд проблем, требующих тщательного рассмотрения. Безусловно, все проблемы не решить в кратчайшие сроки. В то же время следует отметить инициативу Министерства информации и печати Саратовской области по сближению интересов СМИ и власти и устранению недопонимания в тех или иных аспектах взаимодействия.

Примечания

¹ Багиров Б. Б., Ковалева М. М. Журналистика и политика // Социс. 2001. № 8. С. 68.

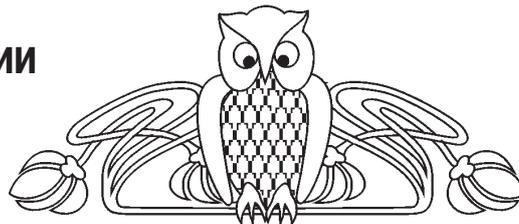

УДК 316. 74:2

РОЛЬ СЕМЬИ В РЕЛИГИОЗНОМ ВОСПИТАНИИ В ОЦЕНКАХ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. И. Уфимцева

Саратовский государственный университет
E-mail: ufim75@mail.ru

Статья посвящена анализу значения и роли семьи в процессе религиозной социализации мусульманской молодежи в современном российском обществе. В работе проводится теоретико-методологический анализ процесса формирования религиозности. Осуществляется обзор социологических исследований семейных практик религиозного воспитания. Описываются результаты эмпирического исследования семейных практик религиозной социализации мусульманской молодежи г. Саратова.

Ключевые слова: мусульманская молодежь, религиозная социализация, формирование религиозности, семейные практики религиозного воспитания.

The Role of the Family in Religious Upbringing in Assessments of Muslim Youth

E. I. Ufimtseva

This article analyzes the significance and role of the family in the process of religious socialization of the young Muslims in the modern Russian society. The paper provides a theoretical and methodological analysis of the income formation process of religiosity. The article includes the review of social research of families practices religious upbringing and the describes the results of the empirical study family practices of religious socialization of the young Muslims in Saratov.

Key words: Muslim youth, religious socialization, formation of religiosity, family practice of religious upbringing

Семья, как базовый институт социализации, выполняет ключевую роль в воспитании подрастающего поколения, в том числе в религиозном воспитании. Именно в семье, через своих родных и близких, человек становится социальным. В семье закладываются фундаментальные ценности, способы восприятия окружающего мира. Те ценности и та картина мира, которую ребенок усвоил в детстве через свою семью, во многом определяют траекторию его жизненного пути и стратегию его социального участия. Отношение личности к феномену религии, к явлениям религиозной сферы, к религиозным общностям и к религиозным традициям является частью системы ценностей. Отношение к священному и сверхъестественному также формируется с детства, как и отношение к людям, природе, себе. Оно определяет направленность личностного мировоззрения. В то же время сформированное в детстве отношение личности к религии не остается неизменным, оно меняется в течение жизни. Одни люди, в детстве воспитываемые в глубоко атеистической атмосфере, в зрелом возрасте посвящают свою жизнь религиозному служению, другие, напротив, воспитываемые в

духе религиозного благочестия, становятся воинствующими атеистами, третьи – в течение жизни развивают, углубляют то мировоззрение, которое интериоризировали в семье. В каждом из этих случаев семья по-своему влияла и определяла особенности формирования мировоззрения личности. Изучение характера религиозного влияния современной семьи на молодое поколение, мотивов, способов этого влияния в современных условиях возрождения в российском обществе религиозных традиций и религиозных практик, становится актуальным. В Приволжском федеральном округе, в состав которого входит и Саратовская область, вследствие того, что часть коренного населения исповедует ислам, особую значимость приобретают исследования мусульманской религиозности и особенностей ее формирования. Изучению значения и роли института семьи в процессе формирования религиозности современной мусульманской молодежи города Саратова было посвящено эмпирическое исследование, проводимое в рамках выпускной квалификационной работы в апреле 2013 г. под руководством автора.

Объектом исследования значения и роли института семьи в процессе формирования религиозности современной мусульманской молодежи была выбрана мусульманская молодежь г. Саратова, а предмет исследования составили семейные практики религиозной социализации.

В качестве основного метода был выбран анкетный опрос. В связи с тем, что генеральная совокупность исследования имеет вероятностный характер, выборочная совокупность формировалась целевым способом методом «снежного кома». Выборочную совокупность составили молодые люди в количестве 70 человек, идентифицирующие себя как мусульмане.

Особенности процесса формирования религиозности личности достаточно подробно изучены как в зарубежной, так и в отечественной социологии. В зарубежной научной практике данная проблема анализировалась в работах Ф. Шлейермахера, В. Трилльхааза, Д. Бэтсона, Л. Вентиса, А. Олланда, В. Хайна и др. В отечественной социологии методологическую базу изучения процесса формирования религиозности составляют, прежде всего, социологические исследования советского периода В. Р. Букина, Д. М. Угриновича, М. Г. Писманика, Ю. Н. Сафронова, В. В. Павлюка, В. Г. Пивоварова, А. А. Лебедева. К сожалению,

в современной отечественной социологии религии проблема процесса формирования религиозности личности мало изучается. Можно назвать только несколько работ, тем или иным образом освещающих данную проблему, а именно, исследования В. Г. Безрогова, Л. П. Ипатовой, В. Б. Исаевой, Я. Б. Моравицкого, Г. А. Сабировой, Т. В. Склярской, Е. И. Уфимцевой, В. Ф. Чесноковой.

Обсуждая проблему формирования религиозности, исследователи пытаются ответить на вопрос: каковы значение и роль социального фактора в данном процессе? Так, согласно Ф. Шлейермахеру, «человек рождается с религиозными задатками, как со всеми иными задатками, и если только его восприятие последней глубины своего собственного существа не подавлено насильственно и не загромажено общением между ним и первосуществом... то эти задатки неизбежно должны были бы своеобразно развиваться в каждом»¹. Препградой к естественному развитию религиозных задатков он считает атеистическое воспитание. Подобной позиции придерживается У. Кларк, который полагает, что главный и первичный источник религии находится в индивидуальной психике, социальные же влияния носят вторичный характер. В зарубежной науке существует и противоположное мнение относительно значения и роли социальных условий в процессе формирования религиозности. Так, В. Трильхааз полагает, что самое важное для религиозной веры человек приобретает «извне»: через традицию и вероучение, обычаи и привычки. По мнению Д. Бэтсона и Л. Вентиса, индивидуальная религиозность «приходит из общества через механизмы социального влияния». Подобный вывод делают А. Олланд и В. Хайн, согласно которому главную роль в формировании религиозного экстаза у пятидесятников играют не физиологические и не психологические, а социально-культурные факторы. А. Олланд отмечает, что в формировании экстатических состояний пятидесятников важнейшую роль играет процесс «научения», то есть приобщения вступившего в общину к верованиям и эмоциональным стереотипам, которые в данной общине практикуются. К этому же выводу приходит В. Хайн: «Мы видели, что подавляющее большинство пятидесятников, практикующих глоссологию, „получили этот дар“ под влиянием религиозной группы, как часть более широкой совокупности образцов поведения и идеологических формул»².

В советской религиоведческой школе преобладала методологическая позиция, согласно которой индивидуальная психика содержит только предпосылки и возможности формирования религиозности, а складывается религиозность под определяющим воздействием социальной среды. Наиболее подробно данное положение разработано Д. М. Угриновичем, который отмечал, что все содержание психики индивида есть порождение и отражение его взаимодействия с окружающим миром, в том числе с социальной средой. Вера в

сверхъестественное – один из элементов психики, а потому не отличается от других феноменов сознания. «Она формируется в процессе социализации индивида, в ходе влияния на него как социально-психологических (воспитание в семье, воздействие религиозной общины и т. п.), так и идеологических факторов (чтение религиозной литературы и т. п.)»³. Подобной точки зрения придерживается В. Р. Букин, считая, что человек по своей природе не является ни материалистом, ни идеалистом, ни верующим, ни атеистом. Тем или иным его делает социальная обстановка, предписывающая ему как материальное, так и духовное развитие. По мнению исследователя, движущей силой возникновения и развития религиозных переживаний является социальная действительность: «Вне действия социальных причин религиозные переживания не могут ни складываться, ни функционировать. Личность приходит к религиозным переживаниям будучи побуждена к этому состоянием общественной психологии, сформированной эпохой»⁴.

Механизм формирования религиозности личности подробно рассмотрен в исследовании В. В. Павлюка⁵. Он указывает, что каждый верующий, находясь в системе разносторонних связей, испытывая воздействие первичных социальных макро- и микрогрупп, которые прививают ему свои взгляды нормы и ценности, контролируют их реализацию, вынужден делать выбор среди этих норм и ценностей. Этот выбор, считает исследователь, обуславливается преимущественно уже сформированными ранее установками. Под влиянием непосредственного окружения, системы социальных связей, вербальной информации у личности формируется религиозная установка – целостное состояние верующей личности, определяющее склонность и готовность к осуществлению действий, соответствующих ее мировоззренческим позициям и направленных на удовлетворение возникающих духовных потребностей в религиозной сфере. Путем внушения или путем собственного примера религиозные родители, родственники, близкие формируют у человека определенные религиозные установки на религиозное поведение. В качестве главных факторов формирования религиозности В. В. Павлюк выделяет семью, наследование, проповедническую деятельность активистов церкви, общение верующих в религиозной группе.

А. А. Лебедев в качестве факторов, способствующих обращению к религии, выделил: религиозное воспитание в семье, посещение церкви (молитвенного дома), общение с верующими, личное несчастье, болезнь, материальные затруднения, влияние священнослужителя, чтение религиозной литературы⁶. Д. М. Угринович описывает две группы условий, определяющих особенности процесса формирования религиозности личности:

– социально-психологические качества личности;

– социальное окружение: воспитание в семье, микросреда и непосредственное окружение человека, влияние религиозных родственников и знакомых, проповедников или служителей культа, некритическое чтение религиозной литературы.

Подобной позиции придерживается М. Г. Писманик, различая объективные и субъективные факторы формирования религиозности. В качестве субъективных факторов исследователь выделяет поиск психологической поддержки, компенсацию одиночества, стремление преодолеть страх смерти, сложность преодоления болезни, поиск утешения в беде, потребность в красоте и зрелищности, в развлечении и самовыражении, потребность в нравственном императиве⁷. К объективным факторам формирования религиозности М. Г. Писманик относит религиозную среду, семью, религиозную общину, влияние религиозного проповедника (священника), а также религиозный опыт и религиозный стаж личности. Значимость фактора религиозного стажа отмечает В. Г. Пивоваров. На основе анализа результатов эмпирических исследований, он приходит к выводу, что по мере увеличения длительности связи с церковью возрастает абсолютное число верующих, а также людей, колеблющихся, но близких к религии. И наоборот, сокращение или отсутствие таких связей ускоряет процесс секуляризации⁸.

В формировании и воспроизводстве группового религиозного сознания активную и весьма значительную роль играют лидеры и активисты общины. Как правильно отмечает М. Г. Писманик, судьба многих общин и их эволюция зависят от наличия энергичного и влиятельного лидера, которым чаще всего является формальный руководитель общины (священник или пресвитер). Потеряв лидера, многие общины распадаются. И напротив, если в общине есть яркий и активный религиозный лидер, то, как правило, это ведет к оживлению ее деятельности, к притоку в нее новых членов⁹.

Ю. Н. Сафронов обращает внимание на то, что важную роль в процессе формирования религиозности личности играет степень авторитетности для нее ее религиозного окружения. Исследователь указывает, что, находясь в точке пересечения различных мнений, индивид воспринимает разнообразную информацию, поступающую к нему от контактных групп, членом которых он является¹⁰. Более веским будет мнение той общности, которая наиболее значима для данного индивида.

Поскольку процесс социализации личности происходит не изолированно, а в контексте макросоциологических условий, то закономерно, что исследователи обращают внимание и на эту группу факторов, одним из которых выступает степень соответствия характера религиозности микросоциального окружения и макросоциального окружения. Так Д. М. Угринович отмечает, что следует учитывать, что в одних странах, таких

как США, религиозное воздействие семьи не противоречит, а, как правило, сочетается с религиозным воздействием других факторов социальной микросреды ребенка: школы, средств массовой информации, соседей и т. п. Иная ситуация была в СССР, когда в системе социальной макросреды ребенка обязательно присутствовали факторы, оказывающие атеистическое влияние.

Таким образом, обобщая результаты рассмотренных выше как зарубежных, так и отечественных исследований процесса формирования религиозности, можно сделать следующие выводы. Процесс формирования религиозности представляет собой процесс выбора личностью ее религиозной идентичности, то есть такой идентичности, система ценностных ориентаций которой отличается доминированием в сознании идеи сверхъестественного. Факторы, которые влияют на выбор личностью религиозной идентичности, можно подразделить на три группы: социально-психологические, микросоциальные, макросоциальные. Социально-психологические факторы – особенности социально-психологической структуры личности (пол, возраст, национальная принадлежность, уровень образования, семейное положение, профессиональная занятость, особенности характера и т. д.). Микросоциальные факторы – особенности взаимодействия в первичных социальных группах (семья, родственники и знакомые, дружеские компании, рабочие коллективы). Макросоциальные факторы – особенности религиозно-государственных отношений, главенствующая в обществе культурная идеология, социальный статус религиозной организации и т. д.). К основным средствам формирования религиозности личности относятся: институт семьи, институт религиозного лидерства (священства), институт религиозной обрядовости, институт религиозной общины. В данном исследовании мы подробнее рассмотрим институт семьи в контексте анализа его значения и роли в процессе формирования религиозности личности.

Семья как агент социализации выполняет значительную функцию в религиозном воспитании подрастающего поколения. С самого момента рождения человек становится социальным, так как его окружают родители, родственники и т. д. по возрастанию этапов социализации. Именно в семье закладываются фундаментальные ценности, способы восприятия окружающего мира во всем многообразии его граней. Значительную часть в мировосприятии играет воспитание. То, что в ребенка заложили в детстве, в значительной степени будет отражаться на его дальнейшей жизни. К одному из аспектов воспитания относится формирование отношения к сверхъестественному, духовному плану бытия, то есть формирование религиозности/безрелигиозности индивида.

Зарубежные религиоведы признают, что семья играет чрезвычайно важную роль в процессе формирования религиозности ребенка. В. Триллхааз

указывает, что религиозные впечатления, полученные ребенком в рамках семьи или через ее посредство, «имеют для последующей религиозной жизни основополагающее значение»¹¹. М. Аргайл и Б. Бейт-Халлами считают, что религиозные установки родителей – один из наиболее важных факторов формирования религиозности новых поколений. Они приводят данные опросов студентов в США, в ходе которых те указывали, что наиболее сильное влияние на становление их религиозности оказали родители. О воздействии родителей на религиозные верования детей свидетельствует также тот факт, что большинство детей сохраняет конфессию родителей. Например, по данным американского социолога В. Старка, в 1963 г. 85% молодых католиков, 71% молодых протестантов и 65% молодых последователей иудаизма в США сохранили вероисповедание своих родителей.

Результаты отечественных исследований советского периода подтверждают первостепенную значимость института семьи в процессе формирования религиозности индивида. Так, сообразно результатам опроса, проведенного В. С. Соловьевым в Марийской АССР в середине 1970-х гг., 78,5% всех отцов опрошенных верующих и 85,7% всех матерей были религиозными¹². Аналогичное исследование в 1984 г. провел М. Г. Писманик и получил следующие данные: в Пермской области религиозны с детства 83% верующих, в Узбекистане – 85%, в западных областях Белоруссии – 93%, в Молдавии – 96%. Е. К. Дулуман отмечает, что среди опрошенных граждан СССР в 1968 г. 82,7% людей из числа верующих восприняли религию с детства, приобщились к ней через семейное воспитание¹³.

Как зарубежные, так и отечественные исследователи осуществляют поиск внутриинституциональных факторов формирования религиозности индивида, среди которых, прежде всего, выделяется уровень религиозности самой семьи. Как было установлено, религиозное влияние на детей в семье может исходить либо от обоих родителей (тогда оно наиболее сильно), либо от одного из них, либо от кого-то из других членов семьи. В связи с этим советскими социологами предприняты попытки выделить различные типы семей. Украинские исследователи, например, различают: полностью нерелигиозные семьи; частично религиозные, в которых лишь некоторые члены семьи – верующие; религиозные, где верующими являются все члены семьи. Наиболее высокий уровень религиозности демонстрируют те индивиды, у которых оба родителя были религиозны. По мнению М. Г. Писманика, в частично религиозной семье безрелигиозность одних может мирно существовать с религиозностью других. Возможны случаи, когда нерелигиозные члены семьи стараются уберечь ребенка от влияния религиозных родственников. Религиозные и нерелигиозные влияния на ребенка сопутствуют друг другу, а иногда соперничают.

Подобные исследования проводились не только отечественными, но и зарубежными учеными. Например, С. Нанн провел специальное исследование, выявляющее связь между воспитанием в семье и религиозными верованиями детей. Он разделил все исследованные им семьи на четыре типа: первый тип – семьи, в которых оба родителя учат детей, что Бог накажет их, если они ведут себя плохо; второй – где только мать воспитывает детей в этом духе; третий – где подобное воспитание исходит только от отца; четвертый – никто из родителей не учит детей бояться Божьего наказания за проступки. Оказалось, что 73% детей старшего возраста и 84% младшего из семей первого типа твердо верят в то, что нужно бояться «Божьей кары» за любой проступок. В то же время в семьях четвертого типа доля соответствующих групп детей – лишь 53 и 61%¹⁴.

Представляют интерес данные исследования Н. С. Василевской за 1972 г. о том, какие именно семьи преобладают среди семей религиозного типа. Согласно результатам ее исследования, проведенного в г. Ярославле в 1970 г., одна треть религиозных семей – это семьи, в которых представлены три поколения, т. е. не только родители, но также дедушки и бабушки. С другой стороны, почти 15% религиозных семей составляют неполные семьи, в которых чаще всего мать воспитывает детей без отца. В исследовании Н. С. Василевской выявлена отчетливая зависимость религиозности членов семьи от религиозности главы семьи. В 68,4% семей, где глава семьи – верующий, религиозны в той или иной степени все остальные¹⁵.

Сравнивая степень влияния каждого из родителей на формирование религиозности, многие ученые обнаруживают большее влияние матери, причем на дочерей воздействие матери еще сильнее. Анализ показывает, что в тех семьях, в которых кто-то из родителей не придерживается религиозных взглядов, дети менее религиозны, но если они и наследуют систему религиозных воззрений, то чаще верования матери.

В советский период, согласно результатам исследования В. Г. Безрогова, первостепенная роль в религиозном воспитании в семье также принадлежала бабушкам¹⁶. Они представляли собой связующую нить между Церковью и домом, между поколениями. Религиозные традиции передавались через поколение: от бабушек к внукам, минуя родителей. Некоторые респонденты, как указывает исследователь, связали свою безрелигиозность с отсутствием дедушек и бабушек в их семьях.

Значимость роли бабушки в процессе религиозного воспитания некоторых советских поколений россиян В. В. Семенова объясняет через специфику макросоциологических факторов¹⁷. Она отмечает, что в советский период процесс воспитания и образования полностью контролировался государством, у семьи были отняты ее социализирующие функции, мать занята

производственным процессом, а семья была вытеснена с позиции базового социализирующего института. В условиях сохранения расширенной семьи, когда родители оказались вытеснены из процесса социализации, их функцию взяло на себя прародительское поколение. Согласно результатам опросов, одна треть поколения, родившегося в 1965–1967 гг. в Москве, на момент 70-х годов проживала с бабушками (1900–1915 г. р.), а 45% были с ними в постоянном контакте. Многие респонденты называли бабушку в качестве более близкого человека в детстве, чем мать.

М. Ф. Нехорошков отмечает, что религиозное влияние родителей на своих детей имеет место как в детстве, так и в старшем возрасте. При этом оно может быть как неосознанным, так и сознательным, целенаправленным¹⁸. В детском возрасте родители формируют у ребенка представление о Боге как о реальной личности, которая отвечает на его поступки. Взрослых детей родители принуждают к сохранению в доме икон, исполнению религиозных обрядов (крещение внуков, освящение дома венчание детей). В качестве основных средств влияния пожилых верующих на своих детей исследователь называет родительский авторитет. На значимость сознательного религиозного воспитания в семье указывают результаты исследований, проведенных Е. К. Дулуманом, Б. А. Лобовиком, В. К. Танчером. М. Г. Писманик в качестве основных способов формирования религиозности личности отмечает, прежде всего, родительский авторитет, личный пример религиозных родителей или родственников, а также беседы с детьми на религиозные темы, осуществление контроля за предметом чтения и ближайшего круга общения, хранение дома икон и других предметов религиозного культа, религиозных книг.

Итак, семья как один из основных институтов религиозной социализации индивида играет важную роль в процессе формирования его ре-

лигиозности. Значимыми факторами семейной религиозной социализации являются:

- уровень религиозности семьи в целом и каждого из членов семьи в частности (религиозное влияние на детей в семье может исходить либо от обоих родителей, либо от одного из них, либо от кого-то из других членов семьи);
- характер взаимодействия индивида с религиозными членами семьи;
- степень авторитетности религиозных членов семьи;
- степень религиозности главы семьи;
- степень религиозности матери;
- характер религиозности прародительского поколения и степень его участия в воспитании индивида.

В рамках нашего исследования молодые мусульмане отметили, что в наибольшей степени их религиозной социализации способствовали следующие факторы: общение с верующими (70,0%), посещение мечети (58,6%); проповедь священнослужителя (54,3%), чтение литературы (31,4%), пример друзей (24,3%), воспитание в семье (15,7%), личное несчастье, болезнь, материальные затруднения (1,4%) (рис. 1).

К совершенно незначимым факторам респонденты отнесли: паломничество (87,1%), переживание сверхъестественного опыта (81,4%), воспитание в образовательном учреждении (80,0%), личное несчастье, болезнь, материальные затруднения (62,9%). Воспитание в семье было отнесено респондентами к важному, но не самому значимому фактору (55,7%). Примечательно, что мнения респондентов о значимых факторах религиозной социализации разнятся в зависимости от степени их религиозности (рис. 2).

Анализ влияния фактора возраста, с которого респонденты стали верить, и степени их религиозности показал, что большинство из них, отличающихся слабой степенью, стали верующими

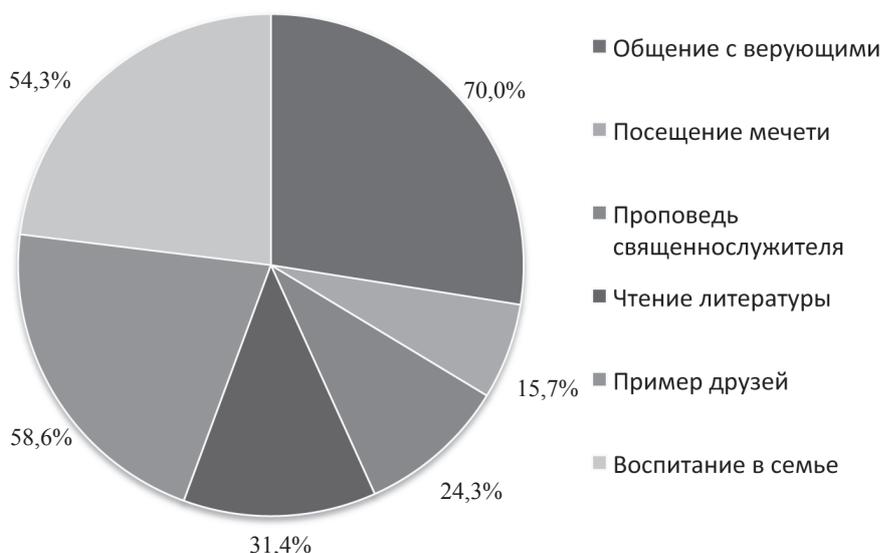

Рис. 1. Значимые факторы религиозной социализации

Рис. 2. Незначимые факторы религиозной социализации

с детства (81,8%), в то время как большая часть респондентов средней степени религиозности указали на более поздний возраст 17–23 года (43,9%) (таблица).

Влияние стажа религиозной социализации на степень религиозности респондента

Степень религиозности	Возраст, с которого респондент начал верить (частота, %)				Итого
	С детства	С 10–16 лет	С 17–23 лет	С 24–30 лет	
Средняя ориентация	1628,1	1424,6	2543,9	23,5	57100,0
Слабая ориентация	981,8	218,2	00,0	00,0	11100,0
Итого	2536,8	1623,5	2536,8	22,9	68100,0

Анализ связи между степенью религиозности современной мусульманской молодежи и степенью религиозности их ближайших родственников показал следующие результаты:

- 34,3–40,0% и 42,9–47,1% респондентов не смогли определить степень религиозности своих дедов-бабушек по линии отца и по линии матери соответственно. Незнание данного аспекта жизни своих дедушек и бабушек обусловлено недостаточностью взаимодействия с ними (совсем не общаются с дедушками – 37,1 и 48,6%, бабушками – 25,7 и 45,7%) по различным причинам. Те респонденты, которые смогли идентифицировать степень религиозности своих прародителей, отметили большую степень религиозности бабушек (верующие – 35,7 и 30,0%) по сравнению с дедушками (верующие – 31,4 и 22,9%);

- степень религиозности родителей оценивается респондентами преимущественно как «колеблющиеся» (отец – 40%, мать – 40%) и «верующие» (отец – 25,7%, мать – 32,9%);

- замужние или женатые респонденты отметили более высокую степень религиозности своих супругов (верующие – 42,9%), чем родителей;

- дедушки (57,1 и 67,1%) и бабушки (51,4 и 68,6%) в наименьшей степени принимали участие в религиозном воспитании внуков; в 30% ответов отмечено, что отец совершенно не способствовал

религиозному воспитанию; большинство указали на значительное религиозное влияние со стороны матери (37,1%);

- к наиболее распространенным элементам религиозного воспитания респонденты отнесли беседы о вере (60,0%), научение религиозным обрядам (48,6%), наставления, как можно и как нельзя поступать с точки зрения религиозной нравственности (42,9%) (рис. 3).

В меньшей степени религиозная социализация в семье осуществлялась через совместное чтение Корана (95,7%), личный пример веры (82,9%), приучение к посту (80,0%), обсуждение сложных жизненных ситуаций (80,0%), совместная домашняя молитва (78,6%) (рис. 4).

Таким образом, как показали результаты эмпирического исследования значения и роли семьи в процессе религиозной социализации современной мусульманской молодежи, современная семья, сохраняя значимый статус в процессе религиозной социализации, утратила в нем свою главенствующую роль. Сохранение религиозного влияния и традиций религиозного воспитания в семье осуществляется преимущественно матерью. Степень религиозности отцов достаточно низка, так же как их участие в семейном воспитании. Прародительское поколение, отчасти сохранившее религиозную веру, оказывается социально

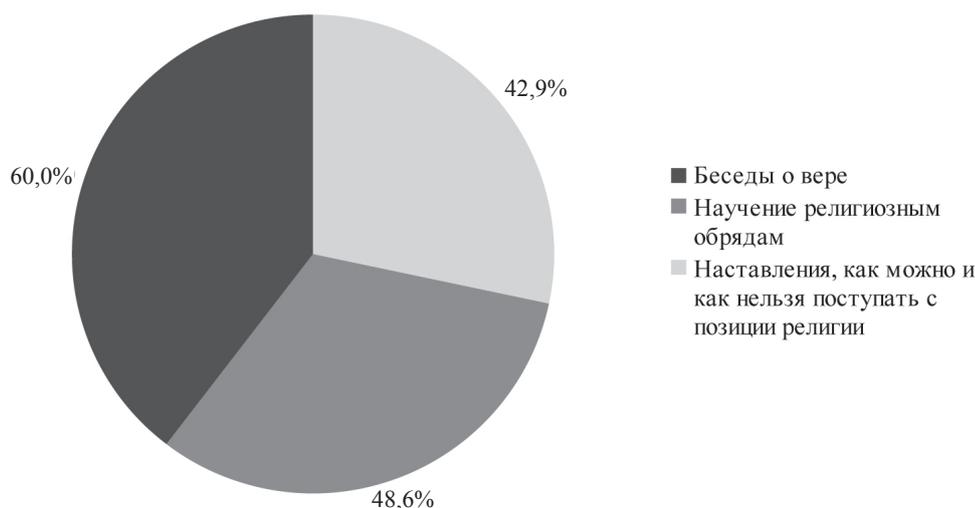

Рис. 3. Значимые семейные практики религиозной социализации

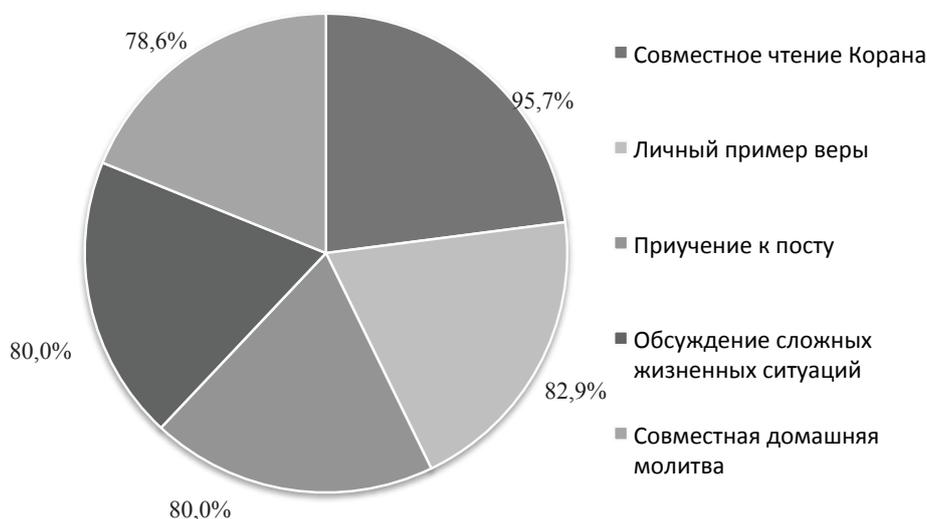

Рис. 4. Незначимые семейные практики религиозной социализации

недоступным для современной мусульманской молодежи, прежде всего, по причине отсутствия с ним регулярного взаимодействия. Трансляция мусульманского мировоззрения и религиозного опыта в современной семье осуществляется через устные наставления и приобщение к мусульманской обрядовости.

В контексте данных семейных практик религиозная социализация современной мусульманской молодежи осуществляется преимущественно в двух направлениях: выбор «формальной религиозности» и выбор «подлинной религиозности». Тип «формальной религиозности» среди респондентов представлен в меньшей степени. Он отличается слабой степенью доминирования религиозной установки. Молодые люди этого типа отчасти считают себя верующими, отчасти – колеблющимися между верой и неверием. Они разделяют идею

существования единого Бога и Его пророка Мухамеда, но в их отношении к религиозным обрядам, мусульманским нормам поведения, в их образе жизни эта идея не находит выражения. Их религиозность носит формальный характер, так как является формальным следствием их этнической принадлежности. Тип «подлинной религиозности» преобладает среди респондентов. Он характеризуется средней степенью доминирования религиозной установки. Ему присущи религиозная самоидентификация и стремление в повседневной жизни следовать нормам мусульманской веры. Данный тип является следствием осознанного выбора личности. Этот выбор осуществляется уже в молодом возрасте, когда главным институтом религиозной социализации становится религиозная община. Можно предположить, что если бы подлинная религиозная социализация начиналась в семье,

то имел бы место третий тип религиозности, отличающийся высокой степенью доминирования религиозной установки.

Примечания

- 1 Цит. по: Букин В. Р. Психология верующих и атеистического воспитания. М. : Мысль, 1969. С. 37.
- 2 Цит. по: Угринович Д. М. Психология религии. М. : Политиздат, 1986. С. 70.
- 3 Там же. С. 17.
- 4 Там же. С. 93.
- 5 См.: Павлюк В. В. Психология современных верующих и атеистического воспитания. Социально-психологическое исследование. Львов : Вища школа, 1976. С. 69–72.
- 6 См.: Лебедев А. А. Конкретные исследования в атеистической работе. М. : Политиздат, 1976. С. 10.
- 7 См.: Писманик М. Г. Личность и религия. М. : Наука, 1976. С. 50–76.
- 8 См.: Пивоваров В. Г. Структура религиозной общины. Грозный : Чечено-ингушское изд-во, 1970. С. 30–31.
- 9 См.: Писманик М. Г. Индивидуальная религиозность и ее преодоление. М. : Мысль, 1984. С. 22.
- 10 См.: Сафронов Ю. Н. Человек в мире религиозных

традиций и общественного мнения // Человек, общество, религия / под редакцией А. С. Иванова и др. М. : Мысль, 1968. С. 50–93.

- 11 Цит. по: Угринович Д. М. Указ. соч. С. 93.
- 12 См.: Соловьев В. С. Атеизм и формирование нового человека. Йошкар-Ола : Марийск. изд-во, 1979. С. 83.
- 13 См.: Дулуман Е. К. Воспроизводство религии // Наука и религия. 1968. № 7. С. 51.
- 14 См.: Угринович Д. М. Указ. соч. С. 93.
- 15 См.: Василевская Н. С. Опыт конкретно-социологического исследования отношения к религии в современной городской семье // Вопросы научного атеизма. 1972. Вып. 13. С. 386–392.
- 16 См.: Безрогов В. Г. Между Сталиным и Христом : религиозная социализация детей в советской и постсоветской России // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 130–162.
- 17 См.: Семенова В. В. Бабушки : семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей : Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / отв. ред. В. Семенова, Е. Фотева. М. : ИСПАН, 1996. С. 326–354.
- 18 См.: Нехорошков М. Ф. Семья и религия. Йошкар-Ола : Марийск. изд-во, 1967. С. 42.

УДК 316.347

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Б. Р. Могилевич

Саратовский государственный университет
E-mail: mogilevich@sgu.ru

В статье представлены некоторые проблемы, связанные с ролью языка в процессе социализации. Исследовано влияние рисков глобализации на социальные проблемы языка, в частности, связи между рисками глобальных трансформаций и использованием языка в качестве механизма адаптации членов социума к изменениям окружающей действительности. Особое внимание уделено феноменам филогенетической и онтогенетической социализации. **Ключевые слова:** социализация, риски глобализации, социальная трансформация, культура речи, языковая норма.

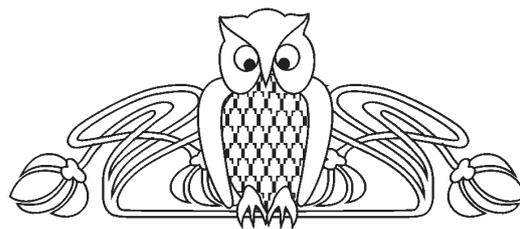
Language Social Problems

B. R. Mogilevich

The article deals with some problems connected with language role in the course of socialization. The influence of globalization risks on social language problems, in particular, the relationship between global transformation risks and language usage as a means of society adaptation to social transformation is investigated. Particular attention is paid to the phenomena of phylogenetic and ontogenetic aspects of socialization.

Key words: socialization, globalization risks, social transformation, speech culture, language norm.

Лингвистический поворот в социологических исследованиях обусловлен наличием множества

причин, прежде всего глобализацией, несущей с собой бурные трансформации в сфере коммуникаций. Являясь основным механизмом общения, язык актуализируется через речь в окружающую социальность. По мнению Э. Гидденса, «язык имеет фундаментальное значение для социальной науки»¹. Интеграционные процессы, возникающие при взаимодействии глобальной и локальной культур, представляют собой определенные риски унификации или забвения локальных языков. Возникает опасность утери идентичности их носителей, изоляции и отеснения на периферию. Все эти сложные и противоречивые эндогенные и экзогенные процессы демонстрируют социальную специфику языка как самостоятельной социальной системы. Языковая социальность обеспечивает и отражает экономическую, политическую и социокультурную динамику различных социумов. Как утверждает М. Хайдеггер, «язык есть просветляюще-утаивающее явление самого бытия»². «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек»³. При утере своего языка этносы теряют «свой дом».

Становление социального в человеке осуществляется, главным образом, через язык, обе-

спечаивающий включение индивида в социальные отношения, овладение социальными ролями и воздействие социума на индивида. Социализация индивидов предполагает следующие этапы: структурирование и упорядочение когнитивных процессов в социально-семантическом аспекте; формирование системы мировидения; определение и оценка формата и целей социальных действий в прошлом, настоящем и будущем. Социализация как явление может быть представлена в двух аспектах – филогенетическом и онтогенетическом. Если первый аспект предполагает развитие индивида как родового существа, то второй отражает специфику включения индивида в уже установившиеся социальные связи⁴. Таким образом, филогенетическая социализация предполагает диалектическое взаимодействие эволюции человека и эволюции языка. Это проявляется в корреляции социальных трансформаций с развитием языковых структур. Например, многоязычие, развитые синтаксические и морфологические формы, категории и функции, семантическое и стилистическое разнообразие, богатство терминологии характерны для развитых постиндустриальных обществ. И наоборот, сравнительно ограниченный набор лексических, морфологических, синтаксических и стилистических структур присущ менее развитым в индустриальном аспекте цивилизациям.

Онтогенетическая социализация осуществляется в рамках филогенетической и предполагает овладение индивидом лексико-семантической и синтаксической структурами родного языка в процессе познания предметно-логических связей, уже имеющих место в данном социуме.

Несомненно, что языковые аспекты социальной природы представляют большой интерес для социологической науки. Наглядным примером может служить феномен культуры речи. Социологический подход к языковой норме как основному понятию культуры речи предполагает возможность сознательного воздействия общества на развитие языка. В этом контексте языковая норма предстает в виде исторически развивающегося социального явления. Особое значение приобретают общекультурный и речевой уровни развития социума. Правильная речь является признаком гражданской зрелости, свидетельством сознательного социального поведения и даже добродетелью. В этой связи особую важность приобретает исследование факторов, разрушающих языковую норму, а также взаимовлияние языковой личности и социальной действительности. Социально-исторический подход обращает особое внимание на связь изменений в социальной структуре общества с нарушением языковых норм.

Понятие «культуры речи» является чисто советским феноменом, появившемся в Советском Союзе в 20-е гг. XX в. Гносеологическое значение этого термина отражает национальную и социальную специфику. Социальные предпосылки возникновения этого термина отражали

враждебное отношение революционного населения к буржуазной культуре, включая язык. Изменился социальный статус всего населения, что повлекло отмену многих культурно-языковых норм. Главным стало не *как* сказано, а *кем* сказано и *что* сказано. Именно в это время появился «советский новояз» как механизм идеологического воздействия тоталитарного общества.

Отчуждение языка от его носителей и разрушение смысла речевого высказывания проявились в феномене «новояза». Характерным явлением стали аббревиатуры и сокращение слов – *помгол, комбед, ликбез, Коминтерн, комсомол, Моссельпром, МОПР, РККА*. Отклонения от языковых норм и языковое опрощение произошли на всех уровнях языка. В сфере социальной фонетики появились новые тенденции произношения – *диалектные шо* вместо *что*, *прынцип* вместо *принцип*, *начать* вместо *начать*. Социальная грамматика «новояза» характеризовалась несогласованием в роде, числе, падеже, особенно при употреблении числительных, а в плане социального синтаксиса появились такие фразы, как *изучить о том, что* вместо *изучить то, что*.

Социально-культурный слом привел к тому, что нарушение нормы стало нормой. Наглядными примерами в области лексики стали нарушение в словоупотреблении и смешение стилей (например: *первый среди равных, выйти на проблему, определиться по отношению*). Еще одной особенностью «новояза» было присутствие большого количества военизированной лексики – *преданный борец, трудовая вахта, бойцы невидимого фронта, готовый к борьбе*. Военизированная лексика отражала командно-директивные формы социального взаимодействия на межличностном, межгрупповом и государственном уровнях. Утвердившиеся в 30-е гг. XX в. антигуманные характеристики тоталитарной системы способствовали возрастанию несоответствия словарных значений с окружающей действительностью. Академик И. П. Павлов считал, что главным свойством ума является умение правильно использовать слова для обозначения явлений и предметов действительности. В 1918 г. в своей публичной лекции он говорил: «Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни»⁵.

Культурная правильная речь оказалась невосребованной, в результате чего произошло резкое снижение культурного уровня нации. Воспитание культуры речи как условия социализации стало социальной задачей общества. Эта задача могла быть решена только в результате ликвидации неграмотности. До 1936 г. существовало общество «Долой неграмотность!». Обучение населения грамоте означало создание социалистической культуры, основанной на социалистической идеологии. Именно социалистическая культура могла дать народным массам доступ к достижениям мировой цивилизации. К сожалению, ликвидация неграмотности не приобщила население к подлин-

ной культуре. Большое количество людей, преимущественно жителей провинции, было оторвано от национальной культуры и нравственных устоев и не приобщились к ценностям европейской культуры, что и стало причиной общего упадка культурного уровня, языковой культуры в частности. Появившиеся после революции малограмотность и полуграмотность стали причиной социального и нравственного упадка. Уничтожение социально-культурного слоя образованных людей в процессе массовых репрессий означало уничтожение культуры. Представители многих областей знания осознавали последствия разрушения культуры, поэтому в послереволюционный период появились исследования по культуре речи. Ученые обращали особое внимание на поиски ее критериев. В основу исследования были взяты структуры: речь – язык; речь – социальная действительность; речь – мышление, что означало нормативно-оценочный подход к изучению проблемы. Большое внимание уделялось языковой норме культурной речи, как социальному ограничению языковой системы. С. И. Ожегов развивал социологический подход к языковой норме, заключающийся в том, что отбор языковых средств осуществляется «в процессе социальной, в широком смысле слова оценки»⁶.

«Новояз» существует в настоящее время в речах политиков и в средствах массовой информации. Смена модели социального устройства общества – приоритет рыночных отношений во всех видах социального взаимодействия, усиление роли СМИ, развитие Интернета – привели к раскованности в речевом употреблении, ослаблению самоконтроля, привычке употреблять рекламные слоганы и дефициту правильной речи. Стремление отвергнуть советский образ жизни отразилось в резком снижении норм литературной речи: в употреблении «фени», «мата», диалектных и жаргонных слов (*по новой, давеча,*

обалденный), заполнении пауз (*в смысле, как бы, понимаешь, типа*), неправильной расстановке ударений (*начать, договор, осужден*), неправильном использовании слов (*причастие* вместо *причастность, нелицеприятный* вместо *неприятный*). Снижение нормы речевого употребления характерно не только для населения, но и для представителей всех ветвей власти.

Нынешняя деградация речевой культуры свидетельствует о социокультурной опасности, грозящей российскому социуму. Представляется, что причина заключается в сломе цивилизационных основ, не только российского, но и мирового сообщества. Засилие криминальной и ненормативной лексики, жаргонизмов и вульгаризмов свидетельствует об ослаблении коммуникации, возрастании отчужденности, примитивизации в социальных отношениях и неадекватности социальных действий. Можно утверждать, что в языке аккумулируется конфликтность бытия человека. Выход из этого положения видится в становлении полноценной коммуникации во всех аспектах социокультурной жизнедеятельности народов и, следовательно, в очищении «жилища человека» от засорения и небрежения.

Примечания

- ¹ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 99.
- ² Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 199.
- ³ Там же. С. 192.
- ⁴ См.: Рахманин В. С. Социальные проблемы языка в современном мире // Эссе о социальной власти языка / под ред. Л. И. Гришаевой. Воронеж, 2001. С. 16.
- ⁵ Павлов И. П. Динамическая стереотипизация высших отделов головного мозга // Павлов И. П. Полн. собр. соч. : в 6 т. 2 изд., доп. Т. 3. Кн. 2. М. ; Л., 1951. С. 17.
- ⁶ См.: Ожегов С. И., Шведова М. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений : изд. 4-е. М., 1999. С. 6.

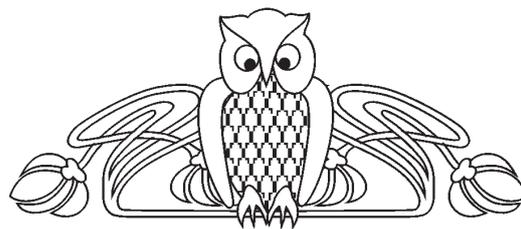
УДК 316.334.23

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

И. В. Нечаева

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: irnech89@mail.ru

В статье предпринята попытка исследовательской разработки структуры комплексного изучения социоресурсной основы развития предпринимательских практик в аграрной сфере. Аналитически очерчен ряд внешних ресурсных факторов развития аграрного предпринимательства, оказывающих воздействие на становление данного вида деятельности. Рассматривается ряд проблем ресурсной поддержки сельскохозяйственного предпринимательства

путем сравнения параметров потребности и доступности необходимых ресурсов. Анализируется и оценивается степень влияния внешних ресурсов и личностных ресурсных возможностей индивидов на развитие сельскохозяйственного предпринимательства.

Ключевые слова: аграрная сфера, методологический подход, социальные ресурсы, внешние социальные ресурсы, личностный потенциал субъекта, аграрное предпринимательство.

Social Resources of Development of Agrarian Entrepreneurship

I. V. Nechayeva

This study develops the structure of comprehensive research of the social-resource basis of evolution of entrepreneurial practices in the agrarian sphere. The author analytically outlines the range of the external resource factors of development of agrarian entrepreneurship that affect the process of formation of this activity, addresses some issues of resource support to agrarian entrepreneurship by comparing the parameters of the needs and availability of the resources required. The author also analyzes the influence of external resources and personal resource capabilities of individuals on the development of agrarian entrepreneurship.

Key words: agrarian sphere, methodological approach, social resources, external social resources, personal potential of an individual, agrarian entrepreneurship.

Обеспечение продовольственной безопасности настоятельно требует решения задачи наращивания сельскохозяйственного производства через развитие предпринимательской инициативы населения. Поэтому особую актуальность в современный период имеет исследование социальных ресурсов, влияющих на развитие предпринимательских практик в инициативных группах сельского социума. Важность анализа и оценки имеющегося социоресурсного потенциала, возможность его применения в предпринимательских стратегиях также обусловлена тем, что они должны оказывать существенное влияние на приемлемость управленческих решений, направленных на развитие аграрного предпринимательства.

Отраслевая структура предпринимательского сектора показывает, что сельскохозяйственное производство в ней занимает достаточно скромную нишу. Так, количество действующих средних и малых предприятий в аграрной сфере составляет 4%, а количество индивидуальных предпринимателей лишь 7% предпринимательского сектора. Для сравнения – в сфере оптовой торговли и ремонта действуют 38% предприятий и 53% индивидуальных предпринимателей соответственно¹. Процентные показатели выручки малых и средних предприятий в РФ в сопоставлении с деятельностью частных предприятий аграрной сферы так же показывают, что последние имеют незначительный удельный вес по отношению к предпринимательскому сектору РФ. Частный сектор в сфере сельского хозяйства слабо представлен в предпринимательском профиле страны, а предпринимательский потенциал аграрной сферы, по сути, продолжает оставаться незадействованным ресурсом развития сельского социума.

Парадокс российского варианта освоения новых ниш экономической активности заключается в том, что потенциал социально активных групп остается невостребованным в силу неактуализированной приоритетности предпринимательских

устремлений, что приводит к поиску и встраиванию акторов в существующие социальные структуры посредством адаптивно-пассивного поведенческого стереотипа. Объяснение данной тенденции, с одной стороны, заключается в том, что современное рыночное пространство предлагает неосвоенные способы получения материальных благ, которые содержат в себе большую долю неясных для индивида долгосрочных последствий, значительный элемент социального риска и требуют от него определенных мировоззренческих позиций и специальной мотивации; а с другой стороны, логично возникает необходимость анализа ресурсного основания, необходимого для развития частной инициативы субъектов.

В процессах социальных изменений ресурсное основание имеет первостепенное значение, так как в конечном итоге предопределяет содержание, направление и темпы изменений. Среди российских исследований привлекают внимание работы А. В. Дятлова, в которых обосновывается ресурсный аспект социальных изменений, влияющий на развитие и саморазвитие социальных структур². В общепринятой трактовке социальные ресурсы понимаются как совокупный потенциал индивида или социальной группы, связанный со становлением социально-инновационного поведения, который может использоваться для изменения социального статуса через освоение новых социальных норм и видов деятельности³. Таким образом, в ресурсном потенциале индивидов определяющее значение имеют те социальные ресурсы, использование которых позволяет изменить положение субъекта в иерархии социальной системы. В этой связи необходима методологическая опора на первоисточник данных изменений, который представлен социокультурным направлением, рассматривающим процессы перемен и развитие социально-инновационных видов деятельности через призму мотивации деятельности, видоизменения мировоззренческих позиций, ценностных приоритетов и социальной психологии индивидов. Данные социокультурные изменения считаются фундаментальными изменениями, поскольку в итоге предопределяют всю дальнейшую социально-экономическую динамику общества.

Теоретико-методологические основания подобных подходов нашли свое отражение в исследованиях П. А. Сорокина о социальной и культурной динамике общества. Взаимосвязь развития предпринимательства с социальными основаниями жизни социумов и теоретическое осмысление социальных ресурсов данных изменений отражена в трудах Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Э. Дюркгейма. Наиболее значимы в этом плане работы М. Вебера, где анализируются социальные механизмы видоизменения экономической жизни социума под влиянием внешних и внутренних социокультурных ресурсов. Значимая роль социокультурных ресурсов, формирующих тенденции

существующей и будущей общественной трансформации, отчетливо прослеживается в трудах Л. Ионина, Н. Лапина, Ю. Левады, А. Пригожина, В. Староверова, П. Штомпки, В. Федотовой.

Данный теоретический подход к анализу социальных ресурсов, дополняется и более конкретными теоретическими разработками, которые не противоречат кардинальной линии рассмотрения, а скорее, носят уточняющий характер. Так, Д. Александер, П. Бурдые считают, что существующая социальная структура определяет возможности в воспроизводстве и распределении социальных ресурсов. Разработчики деятельностного подхода к развитию социальных систем (М. Арчер, А. Турен, Ю. Хабермас, У. Бек) в качестве исходного понятия для характеристики социальных процессов рассматривают ресурс человеческой активности, двумя сторонами которой выступают деятельность и поведение. Концепция «динамического поля» П. Штомпки, может рассматриваться как компромиссный вариант, интегрируя деятельностный и структурный подходы.

Учитывая социальную специфику аграрной сферы, методологически значимыми явились исследования, посвященные различным аспектам формирования и использования человеческого потенциала российского села (А. А. Хагуров, Г. И. Бондаренко, И. Е. Ильин) и работников сельского хозяйства (Ю. С. Баландин, В. Ф. Бондарев, В. И. Машенков, Е. С. Строев, В. Г. Новиков), комплексному изучению жизнедеятельности сельских сообществ в современных условиях (П. П. Великий, В. В. Папиорковский, З. И. Калугина, Т. Г. Нефедова, В. И. Староверов, О. П. Фадеева и др.), развитию социальной инициативы и сельского предпринимательства, состоянию социально-трудовой сферы села (Л. В. Бондаренко, В. А. Богдановский, А. И. Афанасьева, А. Б. Бедный, Р. Р. Салахутдинова).

В зависимости от социальных оснований, положенных в основу анализа социальных ресурсов, существует множество довольно разнообразных их классификаций. В отечественной методологической традиции достаточно подробно рассматриваются основные структурные характеристики и различные аспекты функционирования социальных ресурсов. Однако на сегодняшний день существуют исследовательские пробелы в выяснении комплексного, интегративного характера воздействия ресурсных оснований на формирование и развитие определенных социальных процессов. В связи с этим в статье предпринимается попытка осуществить комплексную оценку социальных ресурсов на процесс развития аграрного предпринимательства.

В российских исследованиях ресурсной основы развития общественных систем методологически важным является положение о том, что стремления и ориентации акторов объективируются при опоре на наличные социальные ресурсы, обуславливающие возможности их

социальной самореализации. При этом ведущим является доминирование эндогенных (внутренних) социальных ресурсов развития в контексте структурных изменений⁴. С данной точки зрения, предпринимательски ориентированные индивиды рассматриваются как субъекты самостоятельного личностного самоопределения и саморазвития. Но, с другой стороны, индивиды сами являются объектом воздействия разнообразных социально-институциональных структур. Таким образом, социоресурсная основа деятельности индивида в комплексе объединяет внешние, объективные ресурсы социальной среды и субъективные социальные диспозиции личности, которые при воздействии (отсутствии воздействия) ресурсов государственной политики способны приобрести вектор самостоятельного либо стимулируемого развития предпринимательских стратегий. Поэтому основная цель изучения социальных ресурсов применительно к развитию инициативных видов деятельности заключается в определении и системной оценке социальных ресурсов, оказывающих влияние на формирование предпринимательского поведения субъектов. При анализе социальных ресурсов развития частной инициативы предполагается использовать методологию нового исследовательского подхода, состоящего в признании первичности и приоритетности в преобразованиях субъектной деятельности индивидов. С данных позиций новизна исследования определяется:

- обоснованием влияния социальных ресурсов на самореализацию личности в социальной среде;
- социологической интерпретацией и анализом параметров социальных ресурсов внешней среды, личностных ресурсов индивидов, имеющих предпринимательские ориентации в проекции их применимости для развития аграрного предпринимательства.

Аналитическое конструирование модели исследования на основе антропоцентристского принципа предполагает помещение в центр исследовательской конструкции индивида-актора, который, обладая и оперируя личностным ресурсным потенциалом, взаимодействует с внешними ресурсными факторами, которые рассматриваются в качестве возможностей, способствующих его развитию в избранном направлении, либо в качестве барьеров-угроз, препятствующих этому процессу. Под ресурсами внешней предпринимательской среды понимается совокупность внешних факторов и условий, прямо или косвенно влияющих на становление и развитие предпринимательства⁵.

Внешняя среда по отношению к индивидам, имеющим предпринимательские устремления, является средой объективной. Из ресурсов внешней предпринимательской среды в современный период наибольшее значение имеют ресурсы государственной системы регулирования и развития предпринимательства и ресурсы институционально-организационной инфраструктуры, обеспечи-

вающие возможность взаимодействия акторов с представителями рыночного пространства. Данные ресурсные возможности регулируются не только посредством прямых подзаконных актов, но и опосредованно – в любой современной программе социально-экономического развития страны, региона отдельно выделена сфера сельскохозяйственного предпринимательства с предполагаемыми целевыми ориентирами поддержки и развития⁶.

Анализ «Доклада о состоянии, проблемах и перспективах развития малого и среднего предпринимательства в Саратовской области по итогам 2011 года» свидетельствует о слабом присутствии в государственных инициативах сферы сельскохозяйственного предпринимательства⁷. Так, в рамках финансовой поддержки сельскохозяйственного частного сектора, предусматривающего возмещение части лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), в 2011 г. было подано 103 заявки, одобрено 58 заявок на общую сумму субсидий 65,9 млн руб. При этом на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей было отпущено 15,3 тыс. руб. По данному направлению финансовую поддержку смогли получить только 17 субъектов предпринимательства в сфере сельского хозяйства. На получение грантов по уплате первого взноса по договорам лизинга оборудования было подано 66 заявок, одобрено только 37 из них. Практически аналогичное состояние и по другим направлениям поддержки сельскохозяйственного предпринимательства. Из общего количества поданных заявок финансируется только половина.

Несмотря на то что, по оценкам экспертов, среди всех рассматриваемых элементов внешней среды поддержки российского предпринимательства наиболее развитыми оказались отношения лизинга, он все еще малодоступен для начинающих фермеров, если отсутствует государственная поддержка. Анализ результатов социологических опросов представителей российского малого предпринимательства говорит о том, что в среде предпринимателей нет должной информации о возможностях системы лизинга⁸. Лишь один из пяти респондентов не увидел особых препятствий к получению оборудования по лизингу. Поэтому в целом получение техники по лизингу является малодоступным ресурсным фактором развития аграрного предпринимательства.

Финансовые инструменты в виде «Гарантийного фонда для субъектов малого предпринимательства Саратовской области» (Гарантийный фонд) и Фонда микрокредитования, созданных для облегчения доступа предпринимателей области к кредитным ресурсам, также слабо сфокусированы на частной сельскохозяйственной сфере. Услугами Гарантийного фонда в 2011 г. пользовались предприниматели только 11 муниципальных образований области. Подавляющее число поручительств (около 80%) было предоставлено предпринимателям г. Саратова, Саратовского

и Энгельского районов области. Фонд микрокредитования, оказывающий финансовую поддержку начинающему и действующему бизнесу посредством предоставления предпринимателям микрозаймов на возвратной и платной основе (сроком на 1 год в размере до 1,0 млн руб. под 10% годовых), также основное внимание сосредоточил на несельскохозяйственной сфере. Сфера сельскохозяйственного предпринимательства составляет 19% от выданного объема кредитов. Наибольший же объем займов предоставлен предпринимателям, осуществляющим торговую и производственную деятельность. Таким образом, явно просматривается тенденция, которая заключается в достаточно слабом присутствии сельскохозяйственного направления в работе финансовых инструментов, регулирующих развитие частного сельскохозяйственного сектора областной экономики.

Наибольшая проблемность в развитии предпринимательских практик состоит в отсутствии материально-финансовых средств на уровне локального сельского поселения. Несмотря на то что в области создан ряд институтов по финансовой поддержке предпринимательства области, на муниципальном уровне ощущается острая нехватка финансовых средств для поддержки подобных начинаний. Лишь в половине районов области (в 26 из 41) разработаны и действуют свои муниципальные программы по поддержке малого и среднего предпринимательства. При этом финансирование из местного бюджета в объеме от 2 до 540 тыс. рублей имели 12 муниципальных программ. Из-за небольшого объема или полного отсутствия финансирования муниципальных программ развития предпринимательства в большинстве районов области в 2011 г. поддержка субъектов предпринимательства осуществлялась путем оказания информационно-консультационных и образовательных услуг⁹.

Ресурсы сферы информации и предпринимательского образования также продолжают оставаться слабо развитым сегментом внешнего ресурсного окружения. Опросы показывают лишь умеренную заинтересованность представителей малого предпринимательства в информационных услугах¹⁰. Опросы выявили рост потребностей малого предпринимательства в правовой информации. Другие виды информации (о новых технологиях, источниках и условиях кредитования, организации производства, обучении) занимают более низкие места в рейтинге. Основным барьером, препятствующим доступу предпринимателей к информации, являются финансовые ограничения.

В ходе исследования выявлена тенденция возрастающего социального запроса на получение качественного бизнес-образования. По результатам исследований лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Института аграрных проблем РАН,

около 40% предпринимательски ориентированных респондентов испытывают потребность в дополнительном обучении для перехода к фермерству¹¹. По другим аналитическим оценкам, почти 70% предпринимателей в возрасте до 35 лет считают, что им необходимы дополнительные знания в области предпринимательской деятельности. Так, в опросе, проведенном по заказу Национального фонда подготовки кадров, от 40–50% руководителей малых предприятий считают, что им необходимы дополнительные знания по управлению финансами, сбыту продукции, маркетингу; от 23 до 29% – в управлении производственным процессом, планировании и управлении. Получить необходимое и качественное образование в основном мешают финансовые ограничения и недостаточная спецификация структуры предпринимательского образования.

Учитывая необходимость развития предпринимательского образования, в 2011 г. на базе Саратовского государственного социально-экономического университета были проведены бесплатные обучающие семинары для представителей малого и среднего бизнеса области, осуществлен проект «Школы начинающего предпринимателя». Значимость данного проекта состоит не только в образовательном статусе, но и работает на идею распространения и популяризации занятия бизнесом среди молодежи. Наряду с инициативами по созданию социальной базы будущего предпринимательства предлагались образовательные курсы «Организация бизнеса в инновационной сфере», «Управление экономикой и финансовый менеджмент малого и среднего предприятия», «Государственный заказ как фактор развития предпринимательства в Саратовской области».

Несмотря на развитие сферы предпринимательского образования, оно лишь формально отвечает возрастающим потребностям. Также его содержание и структура нуждаются в существенной спецификации и коррекции. При потребности в оперативном правовом образовании, образовании, охватывающем специфику ведения дела в сфере сельскохозяйственного производства, предлагаются узкоспециализированные направления по инновациям и государственному заказу. В данной связи предлагается осуществлять оперативный мониторинг образовательных и информативных потребностей потенциальных и действующих предпринимателей, работающих в сфере сельскохозяйственного производства, и на его основании формировать структуру и конкретное содержание образовательных программ для развития данной сферы. Основным барьером получения качественного бизнес-образования является его слабая территориальная и финансовая доступность, так как неразвитыми остаются системы дистанционного обучения, обучения с индивидуальными программами, что крайне необходимо для сельскохозяйственных видов предпринимательской деятельности.

Основным условием развития рыночных видов деятельности является наличие в структуре социума группы акторов, обладающих социальной активностью и инициативными характеристиками. По результатам исследования¹², на селе дифференцирована группа респондентов, отдающая предпочтение индивидуальным стратегиям жизнедеятельности. Ее размеры составляют 14% от общего количества опрошенных. Социально-экономические характеристики данной группы значимо отличают ее от основной массы респондентов и выражаются в инициативном поведении ее представителей. Респондентам, входящим в эту группу, присущи социальная и экономическая инициатива, осознание возможности использования в своей жизни новых перспектив, которые явились следствием реформ.

Анализ демографического потенциала представителей данной группы показал, что пол, возраст и уровень образования имеют разную степень влияния на формирование предпринимательских ориентаций субъекта. Двумерное распределение по признаку пола показало, что он не оказывает определяющего влияния на наличие желания респондента иметь собственное дело. Однако возраст и состояние здоровья определяющим образом влияют на возможность субъектов иметь предпринимательские предпочтения. По данным лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, с повышением возраста респондента снижается степень вероятностной возможности обращения к предпринимательским стратегиям. В возрастной группе респондентов до 25 лет «да» возможному предпринимательству ответили около 60% группы, тогда как в возрастах старше 45 лет – только 30%. Сравнение желания иметь собственное дело и уровня образования показывает, что между данными показателями нет четкой взаимозависимости. Но респонденты, имеющие высшее и средне-специальное образование, имеют больше реальных возможностей овладеть предпринимательской деятельностью.

Анализ личностно-ресурсного потенциала сельских респондентов, имеющих предпринимательские ориентации, показал, что он явно недостаточен для самостоятельного освоения предпринимательской деятельности (таблица). У большинства представителей группы практически отсутствует финансовая основа предполагаемых проектов. Лишь 4% респондентов имеют финансовые ресурсы, необходимые для организации собственного дела. Только пятая часть предпринимательски ориентированной группы считает, что обладает необходимыми знаниями для ведения предпринимательской деятельности. Необходимыми социально-психологическими качествами обладает третья часть группы. Общая слабость социальных позиций представителей сельского социума, имеющих предпринимательские ориентации, делает проблематичным самостоятельный переход к предпринимательским практикам.

**Личностно-ресурсный потенциал сельских респондентов, имеющих предпринимательские ориентации
(% от опрошенных)**

Вопросы	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Не интересует предпринимательская деятельность	Итого
Обладаете ли Вы необходимыми знаниями и навыками для ведения предпринимательской деятельности	20,2	34,0	25,5	20,3	100
Есть ли у Вас качества, необходимые для предпринимательской деятельности	35,1	25,5	23,4	16,0	100
Есть у Вас необходимые материальные средства для организации собственного дела	4,3	75,5	–	20,2	100

Явная недостаточность личностно-ресурсного потенциала инициативных субъектов позволила выделить ряд основных причин, сдерживающих предпринимательскую инициативу сельских респондентов. Так, отсутствие стартовых финансовых средств обуславливает приоритетность получения кредита. Второе место среди барьеров развития предпринимательства занимает неуверенность в собственных силах, тогда как недостаточность государственной поддержки аграрного предпринимательства стоит только на третьем месте приоритетов. Таким образом, в группе респондентов, имеющих предпринимательские ориентации, четко просматривается вектор практической направленности, в отличие от «не предпринимателей», у которых отсутствие государственной поддержки сопрягается с неуверенностью в своих силах, тогда как практические аспекты получения кредита стоят на третьем месте приоритетов.

Контекст формирования и развития тенденций предпринимательского поведения в сельском социуме во многом определяется наличием и доступностью необходимых для этого социальных ресурсов. Социальные ресурсы в виде индивидов, обладающих определенным человеческим потенциалом, являются первичным элементом всей имеющейся ресурсной среды, без которых невозможно использовать все остальные имеющиеся виды социальных ресурсов. В результате проведенных исследований установлено, что в современном сельском сообществе присутствует инициативный слой индивидов, имеющих предпринимательские ориентации, который в перспективе может являться социальной основой аграрного предпринимательства и именно на его потребности и запросы необходимо ориентироваться в проведении модернизационных программ села.

Интенсификация аграрной экономики невозможна без использования социальных ресурсов, способствующих формированию предпринимательского поведения, анализ которых, их качественные и количественные параметры имеют принципиальное значение для развития аграрного предпринимательства. По результатам проведенного анализа явно просматривается тенденция, которая заключается в достаточно слабой внешней ресурсной поддержке, а также недостаточном

присутствии сельскохозяйственного направления в работе организационно-институциональных инструментов, регулирующих развитие частного сектора экономики. Костатация, характеризующая ситуацию с использованием внешних социальных ресурсов, заключается в недостаточной степени их освоения и использования на разных социоструктурных уровнях и их слабом влиянии на развитие предпринимательства в сфере аграрного производства.

Таким образом, основные проблемы внешней ресурсной поддержки развития сельскохозяйственного предпринимательства заключаются:

- в недостаточности и малодоступности получения внешней ресурсной поддержки (лишь 8% предпринимательски ориентированных респондентов рассчитывают на помощь государства в организации аграрного дела);
- в отсутствии финансовой поддержки сельскохозяйственных инициатив на муниципальном уровне;
- в недостаточном личностно-ресурсном потенциале индивидов, имеющих предпринимательские ориентации.

Для коррекции создавшейся ситуации предлагается:

- ввести обязательную сельскохозяйственную квоту на получение ресурсов, предназначенных для развития сельскохозяйственного предпринимательства и сельских территорий во всех инструментах и программах поддержки предпринимательства и социального развития;
- повысить доступность кредитов для начинающих сельскохозяйственных товаропроизводителей, учесть в них специфику сельскохозяйственного производства, предусмотрев полную компенсацию кредитной ставки.

Примечания

- ¹ См.: Федеральное статистическое наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства. 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/pred_itog.htm (дата обращения: 15.03.2012).
- ² См.: Дятлов А. В. Социальные ресурсы в контексте «динамического поля». URL: <http://www.teoria-practica.ru/-1-2008/sociology/dyatlov.pdf> (дата обращения: 14.02.2013).

- 3 См.: Краткий словарь по социологии. М. : Политиздат, 1988. С. 282–283.
- 4 См.: Ланушта М. Г. Предпринимательство. М. : ИНФРА-М, 2008.
- 5 См.: Внешние ресурсы предпринимательской среды. URL: http://www.e-college.ru/xbooks/xbook067/book/index/index.html?go=part-004*page.htm (дата обращения: 05.06.2013).
- 6 См. например: Целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в Саратовской области на 2012–2015 гг.». URL: <http://saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/the-development-of-businesses.php> (дата обращения: 04.06.2013) ; Проекты программ «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Саратовской области на 2013–2020 гг.» ; «Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 г.». URL: <http://docs.cntd.ru/document/977400942> (дата обращения: 10.09.2013).
- 7 См.: Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития малого и среднего предпринимательства в Саратовской области по итогам 2011 г. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/pred/sub.php> (дата обращения: 03.06.2013).
- 8 См.: Tacis Project Smerus 9501 «Техническое содействие в создании ресурсного центра малого предпринимательства. Анализ внешней среды развития предпринимательства». URL: <http://www.smb.ru/analytics.html?id=avsrp> (дата обращения: 21.05.2013).
- 9 См.: Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития малого и среднего предпринимательства в Саратовской области по итогам 2011 г. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/pred/sub.php> (дата обращения: 03.06.2013).
- 10 См.: Tacis Project Smerus 9501 «Техническое содействие в создании ресурсного центра малого предпринимательства. Анализ внешней среды развития предпринимательства». URL: <http://www.smb.ru/analytics.html?id=avsrp> (дата обращения: 21.05.2013).
- 11 Результаты социологического исследования лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий (ИАГП РАН). Саратовская область. Квотная выборка. 2011 г. (n = 332).
- 12 Там же.

УДК 316.356.2+316.334.55

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОКАНАЛЬНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ВЫЖИВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

П. П. Великий, Е. В. Бочарова

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: iagpran@mail.ru

В статье рассматривается динамика изменения ресурсов жизнеобеспечения сельского населения. Используя исследовательский прием «идти за актором», авторы показали, как менялись ориентиры и формы деятельности разных групп сельских жителей по получению необходимых материальных благ за последние два десятилетия. Делается вывод, что сформировались практики многоканальности получения необходимых ресурсов, в основе которых лежит самодетельность.

Ключевые слова: самозанятость, домашнее хозяйство, рыночный обмен, социальные ориентиры, коридор возможностей.

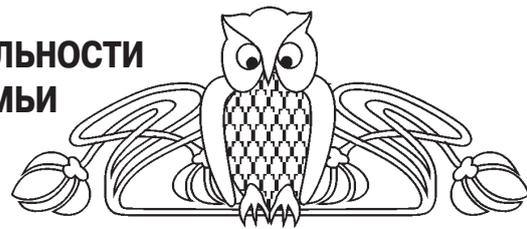
Dynamics of Forming the Multy-channelity of Sources of a Rural Family Surviving

P. P. Velikiy, E. V. Bocharova

In the article the dynamics of changing the resources of rural people vitality is considered. Applying the research method “follow the actor” the authors showed how orientations and forms of activities of different groups of rural people concerning their welfare have being changed during the last twenty years. The conclusion is made that practices of multy-channelity of getting necessary resources based on spontaneous activity have been formed.

Key words: self-employment, household, market exchange, social orientations, corridor of possibilities.

После ликвидации колхозов и совхозов, бывших не только местом работы, но и страховым

институтом, который брал на себя груз вспомоществования семье или индивиду, попавшим в кризисную ситуацию, сельская семья в связи с ослаблением и даже отсутствием субъекта (органа власти, хозяйственной или социальной организации) вошла в рискованную среду – социальную и природную. Несчастный случай, неожиданная болезнь или смерть человека на первых этапах реформирования производственной и социальной сфер села не могли разрешаться в общепринятом, «колхозном», формате, когда все (руководители хозяйства, местной муниципальной власти, соседи и односельчане) приходили на помощь.

Современное социально-экономическое состояние агросферы и села оценивается с двух почти не совпадающих позиций.

Первая позиция присуща кадрам официальных органов, признающих ситуацию в сельском хозяйстве вполне благополучной, позволяющей превратить зерновой фонд в еще один устойчивый ресурс экспорта наряду с нефтью и газом. Многочисленные сигналы (в том числе и показатели статистики) государственных органов об уровне оплаты в АПК, самом низком среди всех отраслей, закрытии учреждений инфраструктуры, обезлюдении села воспринимаются без какой-либо тревоги и попыток кардинально изменить ситуацию.

Другую позицию представляют ученые: экономисты, социологи, географы. Они единодушны в оценках последствий аграрной реформы, в ходе которой 8 из 10 млн трудоспособных жителей села лишились рабочих мест, были отпущены в свободное плавание по лабиринтам рыночного устройства большей части общественных отношений¹. То, что эти миллионы не пополнили рядов нищих, не умерли с голоду, а некоторая часть даже приблизилась к среднему классу *вне системы*, т. е. созданных крупхозов, актуализирует осмысление каналов обеспечения их выживания и благополучия.

В понятие «многоканальность источников выживания» мы вкладываем совокупность определенных ниш добывания ресурсов, необходимых для удовлетворения основных, непреложных потребностей: в пище, одежде, содержании жилища, обучении детей, преодолении разного рода угроз социоприродного характера. При нахождении эффективных каналов происходит переход на более высокий уровень притязания на состав и величину материальных и социальных благ. Канал источников – это и коридор возможностей, взятых как в темпоральном, так и субъектном срезе. Если, например, житель села нашел работу в областном центре, то она станет предзаданным фактором его трудового режима, необходимости через день-два прodelывать неблизкий путь от дома до работы.

Субъектный аспект заключается в предопределенности относительно небольшого перечня специальностей, на который будет допущен житель села. Если он использует областной город, то чаще всего его удел быть охранником разных объектов, если в дальних городах, стройках Сочи или Подмоскovie, то его ждут работы низкой квалификации – строительные или отделочные.

Однако при регулярном, из года в год, выезде человек может несколько повысить свой статус (например, стать бригадиром рабочей группы), но не менеджером или специалистом-технологом. Субъектный аспект приверженности к тем или иным каналам получения ресурсов определяется и степенью свободы и потенциалом к действию конкретных индивидов. Собственное здоровье и здоровье близких людей, мера устремленности на решение целей разного масштабирования, ситуативные препятствия определяют выбор доступного канала или их сочетания (многоканальности). Почему возник этот феномен сельской жизни? Почему новые крупхозы (сельскохозяйственные организации новых рыночных укладов хозяйствования) не заменили тот уровень охвата людей оплачиваемым трудом и социальной заботы, который был присущ колхозам? Ответы лежат в сущности либеральной философии безразличия хозяйствующего субъекта к среде, в которой он расположен территориально.

На сельские реалии переносятся модели взаимодействия предприятий городов с социальной средой, в которых нет и намек на моральную

ответственность перед средой своего базирования, где даже действует право выкупа квот для нанесения вреда природе выбросами веществ, сопутствующих производству. Другими словами, менеджмент крупхозов и фермеры ограничиваются заботой о небольшой доле сельских сообществ, которой посчастливилось получить работу, и они входят в производственный персонал. Современный крупхоз очень мал и по масштабам производства, и по числу занятых – не более вчерашней колхозной бригады или отделения совхоза.

Люди, оставшиеся вне вновь созданной системы (напомним, 8 из 10 млн, ранее имевших рабочие места), должны были позаботиться о себе сами, находить каналы источников выживания. Прошедшие 20 лет с момента ликвидации колхозов содержат немало свидетельств, позволяющих судить о динамике этого процесса.

Обратимся к фактам, носящим хотя и локальный характер, но важным и вполне репрезентативным в осмыслении избранной темы. Учитывая, что «локальное знание представляет собой перманентный процесс формирования и переформирования картины мира <...> Местное население рассматривается как полноценный социальный актор, участвующий в процессе выработки знания о “месте” и для “места”, в том числе как партнер исследователей в процессе научного производства. <...> Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: “Следуй за актором”»².

Полностью соглашаясь с оценкой О. Н. Яницкого, что обыденное знание имеет столь же весомый статус, как и знание научное, профессиональное³, последуем за видением проблем деревни и АПК отдельной семьи, начиная с 1992 г.⁴

Более чем 20-летний срок отражения в сознании и повседневности определенной семьи реалий сельской жизни, несомненно, обладает не меньшей эвристической значимостью, чем количественные сопоставления на макроуровне или нарративы по отдельным случаям, ныне весьма распространенным инструментом конкретной социологии.

Приведенные описания своего бытия и оценки актора с позиции обыденного сознания происходящих перемен свидетельствуют, во-первых, о долго сохраняющейся вере в то, что государство вспомнит о крестьянах и внесет порядок в деятельность хозяйственных организаций (которые предоставят рабочие места всем трудоспособным, пусть «умеренную», но зарплату и хоть какую-то социальную защиту).

Во-вторых, отсутствие мировосприятия, характерного для исключенных, социально изолированных, бедных категорий населения. Хотя исчезли привычные источники получаемых ранее за труд в коллективном хозяйстве, но «мы будем, пока можем, для себя держать коровку и выращивать все, что нужно к столу. Дети наши ... тоже все свое имеют» (1992 г.).

В-третьих, по мере иссякания надежд, что социальная и хозяйственная ситуации в локале их обитания будут улучшаться, начинает усиливаться поиск новых каналов добычи ресурсов выживания (ориентируясь на новые рыночные институты). *«Из твораго я варю сыр, дочь ездит в районный центр (расстояние 20 км) на продажу. Продаем масло и сметану. Для поездок туда и обратно кооперируются..., собираются 4 человека, отдают водителю по 60 рублей и едут»* (2003 г.).

В-четвертых, к началу первого десятилетия XXI в. упрочивается сознание, что выживание за счет опоры исключительно на собственные силы – это окончательно и бесповоротно. *«В колхозе меняют только названия, то АОО, то СПК, а дела все хуже, люди там работают, а платить не платят. Зять (Сергей, механизатор, – П. В.) получил за 5 месяцев 2500 рублей и все»* (2003 г.).

В-пятых, наблюдается живой отклик на любую инициативу внешних контрагентов, если она (даже с минимальной выгодой) ориентирована на кооперацию. *«Продажей мы перестали заниматься: и некому, и невыгодно, лучше сдать молоко. Сейчас подъезжают к дому – сдал, и деньги через неделю привозят (по 9–10 рублей за литр)»* (2010 г.).

«От колхоза ничего не осталось, разобрали ток, столовую, контору. Если закроют школу, учительницы будут заниматься домашним хозяйством. Тут у них семьи. Работы нет нигде, а куда ехать? В нашем селе еще 30 семей, которые протянут лет 10, может, и больше, но дети не хотят возвращаться из города» (2010 г.).

Итак, весь человеческий деятельностный потенциал этого села, в котором не менее 100 дворов, ограничивается 30 семьями, а с учетом того, что все дети мигрировали в города (или еще несовершеннолетние), людей в активном трудовом возрасте еще меньше. Каковы каналы самообеспечения благополучия этой, можно сказать продвинутой, конструктивной группы?

Сельские семьи вновь обратились к семейному хозяйству как ресурсу, который может давать результаты и вне поддержки его в колхозной версии, т. е. в условиях исключения возможности получать корма из фондов коллективного хозяйства. Благодаря сдаче в аренду земельных паев потребности в фураже для домашних животных покрываются только частично. Семьям, решившим расширить хозяйство, приходится усиливать как рыночный обмен, так и физические нагрузки по обеспечению животных кормами. Новым стало внимание к тягловым средствам облегчения труда: в хозяйствах семей стали появляться мотоблоки, доильные аппараты, автомобили для перевозки грузов, иногда лошади.

«Зерно уже получили, сухое. Сергей мелет на крупорушке и кормит скотину. У нас две коровы, телка стельная, три теленка, три поросенка, 13 гусей, 15 курей. Всех надо накормить, напоить и убраться навоз, это все Сергей делает. Он не

работает, и многие поуходили с работы, стали мало платить и не вовремя, многие уезжают в Сочи на заработки. Многие держат по 5–6 коров, молоко сдают, вот этим и живут. Вот племянник мой Михаил завел 6 коров, аппарат и доят коров. Быков сдал, купили пластиковые окна» (сентябрь 2013 г.).

Каналы источников выживания бывают основными и дополнительными. Наличие животных на подворье, огород – это основной источник, его уменьшение допускается, как правило, лишь в случаях наступления физической немощи членов семьи. Близок к основному и такой вид, как трудовое отходничество.

Второстепенным можно считать ресурс, получаемый от родственников, живущих в городах, что связано со схожими проблемами ресурсообеспечения городского населения.

Наиболее распространенной формой неформальной самозанятости по-прежнему выступает личное подсобное хозяйство. Среди опрошенных самозанятых сельских жителей 20,7% заняты в собственном домашнем хозяйстве, которое подвержено многочисленным рискам. Владельцы семейных хозяйств не всегда могут продать произведенную продукцию из-за удаленности от рынков сбыта, трудностей с получением разрешительной ветеринарной документации, отсутствия свободного доступа на сельскохозяйственные ярмарки. Кроме того, под давлением демпингового импорта резко занижаются цены на продукцию отечественных сельхозтоваропроизводителей. Информационная некомпетентность по вопросам оформления документов, производства и сбыта продукции является серьезной проблемой для самозанятых в собственном домашнем хозяйстве.

«Содержание одной коровы обходится минус три тысячи рублей в год», подсчитал информант, но ее наличие все равно влияет на стабильное самочувствие сельской семьи. Чтобы заменить продукт, который семья получает от нее, в его разнообразии и качестве, на селе нужна совсем другая социальная инфраструктура, которой там нет и никогда, вероятно, не будет. Сейчас, с учетом низкого уровня жизни сельского населения, рыночные структуры доставляют туда самые дешевые, малоценные по питательным качествам продукты.

Однако нельзя считать наличие животных на подворье (у одних меньше, у других больше) общим правилом.

Сельские семьи, дифференцированные по возрасту, числу членов и квалификации, обладают неодинаковым потенциалом, чтобы успешно адаптироваться к переменам, пришедшим с аграрной реформой в сельскую повседневность. Большая часть подворий возделывают от 0,15 до 0,40 га земли. Здесь присутствует самый примитивный ручной труд, и выращенная продукция в основном потребляется семьей, потому что либо у нее есть другой источник существования, либо

владельцы ЛПХ физически не в состоянии обрабатывать участок. Это и есть затухающий корпус семейного хозяйства, который уже ничем нельзя реанимировать, что является большой утратой для АПК и общества, поскольку речь идет о подавляющем числе семей (83% всех владельцев семейных хозяйств). Мельчайшие ЛПХ сегодня – это артефакты подручного и страхового источника питания крестьянской семьи общины XIX в. и всей истории колхозной действительности.

Хозяйственная деятельность этого слоя аграрников строится на небольших участках. Между тем сельская семья имеет гораздо большие земельные наделы (паи), которые сданы в аренду либо крупхозу, либо фермеру (20–30 га) за очень небольшую арендную плату.

Что представляют собой остальные 17% семейных хозяйств? По расчетам А. Т. Абрашовой и Р. У. Гусманова⁵, величина земельного участка, приходящегося на одного владельца ЛПХ, приближается к участкам мелких фермеров, об этом свидетельствует то, что мелкие фермеры (их сегодня 90 % от числа ферм, имеющих землю) обрабатывают 6,3 млн га, а семейные хозяйства выделенного типа – 4,2 млн га. Если сюда добавить владельцев земельных участков в составе ЛПХ от 0,41 до 1 га (их более 2 млн), то площадь возделываемой ими земли возрастает до 5 млн га.

Хозяйственная активность выделенного слоя крепких хозяев (17 %) наряду с официальными мелкими и средними фермерами – исключительно важный фактор аграрного производства сегодня и в будущем, потому что они уже накопили солидный багаж предприимчивости, трудолюбия и способности к риску и, кроме того, поддерживают в большей или меньшей степени агрокультуру сельского хозяйства.

Многие сельские жители выработали приемы соединения рыночных возможностей сбыта выращенного и частично переработанного с мобильностью и делают вызов устоявшимся традициям прикреплённости к месту. Работа в Сочи – это реанимация трудового отходничества, которое использовалось крестьянами, прежде всего, в Европейской части России в XIX в. и в основном в зимние месяцы, когда работа на земле приостанавливалась.

Повышение роли и распространение неформальной самозанятости явилось следствием новых возможностей для реализации имеющихся социальных ресурсов сельских жителей и одним из основных направлений адаптации к новым социально-экономическим условиям значительной части сельского населения.

Итак, после многих лет поиска способов выживания, которые ограничивались и плохо оплачиваемой работой в крупхозе, и торговлей сельскохозяйственной продукцией, жители села стали больше внимания обращать на всю панораму возможностей в локальном и макромасштабе (пока не выходящим за границы страны).

В период экономических преобразований сформировались характерные черты самозанятых. Такие работники инициативны, мобильны, не только способны самостоятельно выполнять какие-то работы или оказывать услуги, но и имеют возможность и желание организовать себя. Самостоятельная занятость открывает широкие горизонты для выбора сфер деятельности, а также способ планировать и распределять рабочее время. Однако успехи достигаются зачастую путем наращивания объемов тяжелого, малоквалифицированного труда, особенно в сфере сельскохозяйственного производства. Затраты труда самозанятых, как правило, значительно выше, чем у наемных работников⁶.

По результатам опроса, из общего количества самозанятых сельских жителей мужчины составляют 68%. Женщин в данной категории обследованных значительно меньше (32%), они предпочитают выбирать более защищенное место работы, не требующее определенных рисков и затрат. Основную часть самозанятых (75%) составляют сельские жители в возрасте 25–54 лет.

Образование также влияет на выбор типа занятости. Наибольшее количество самозанятых работников в неформальном секторе имеют начальное профессиональное образование (35%); среднее специальное – 22%; среднее общее – 27%; неполное среднее – 8%. Среди этой категории жителей высшее образование имеют 5% опрошенных. С ростом образовательного уровня вероятность быть занятым в формальном секторе экономики увеличивается. Наличие у индивида высшего образования служит весомым аргументом для перевода его в категорию занятых в формальном секторе экономики. Немаловажным аргументом при выборе формальной или неформальной самозанятости выступает гарантия будущего пенсионного обеспечения.

Неоотходничество как канал самообеспечения сельских жителей недостаточными ресурсами (деньгами) в постсоветское время утратило связь с ритмами трудовых нагрузок в сельском хозяйстве. Член семьи может уехать на заработки в любое время года, лишь бы обнаружилось доходное место. Чаще всего это происходит в летние и осенние месяцы, когда активно ведется строительство разных объектов и требуются рабочие руки.

Несет ли неоотходничество положительный или отрицательный смысл? С точки зрения потребности сельского хозяйства в нем есть отрицательный момент. А с точки зрения удовлетворения потребностей самого населения – пусть это нелегкий путь, но он позитивно влияет на социальное благополучие людей, которые не по своей воле оказались не у дел, на обочине хозяйственной жизни села.

На вопрос, оказала ли выездная работа положительное влияние на жизнь семьи, лишь 11,2% мужчин дали отрицательный ответ. Еще меньше отрицательных оценок у их жен, матерей, сестер

– 6,9%. Зато 38,6% всех респондентов сказали, что семья стала жить материально намного лучше, а 13,6% мужчин указали на такой положительный аспект, как приобретение делового опыта, теперь им легче найти заработок. Многие приобрели автомобиль, бытовую технику, одежду. Однако выездная работа на длительные сроки несет с собой ряд издержек. Прежде всего, угроза здоровью: 22% мужчин, а по оценке их жен – 24,2%, полагают, что ухудшилось здоровье из-за очень высокой трудовой нагрузки; 11% мужчин и 17% их жен отметили, что ухудшились семейные отношения, а 5,6% мужчин вообще указали на распад семьи⁷.

Коллективные хозяйства новых укладов сохранили все признаки отчуждения работника, а теперь и всего сельского сообщества, от средств производства и труда. Поэтому время отъезда на заработки лишь частично ограничено общественными интересами, а в основном – заботой о своем подворье (вовремя вспахать огород, посадить картошку, овощи). Заготовка кормов для скота на подворье – тоже исчезнувшая озабоченность: вернешься с деньгами – корма приобретешь. Следовательно, важно предложить свои услуги городу в сроки наиболее высокой потребности в рабочей силе (время строительства загородных домов, отпусков в коммунальном хозяйстве и т. д.).

Определенная часть сельских жителей активного трудового возраста работает в областных центрах и на производствах, находящихся за его пределами, но тоже удаленных от места жительства. По нашим наблюдениям, расстояние, которое

согласны преодолевать сельские маятниковые мигранты до рабочего места, составляет примерно 80–100 км. За этими пределами местное отходничество замещается более дальним – Москва, Сочи, энергетические промыслы Крайнего Севера.

Человек, отважившийся оставить на время свою семью, подворье, село и возвратившийся с хорошими (они могут быть и небольшими, но достаточными по сельским меркам) деньгами, уже по своим ориентирам становится *несельским*. Он скорее предпочтет риски по поиску мест работы в разных местах, чем возвращаться к традиционному крестьянскому труду.

Государство пытается придать самозанятости организационную и финансовую институализацию.

В среднем по РФ в 2011 г. 31% всех занятых в сельской местности были задействованы в неформальном секторе, что более чем в два раза превышает аналогичный показатель для города (14,4%). За период с 2002 по 2011 г. неформальная занятость сельского населения увеличилась с 28,6% до 31,0%⁸. В 2011 г. сельскохозяйственную деятельность осуществляли 55,8% жителей, занятых в неформальном секторе, а несельскохозяйственными видами работ были заняты 44,2% респондентов (рисунок). В 2012 г. количество сельчан, занятых сельскохозяйственными работами в неформальном секторе экономики, сократилось до 53,4%. Уровень занятых несельскохозяйственной деятельностью в неформальном секторе, наоборот, вырос до 46,5%⁹.

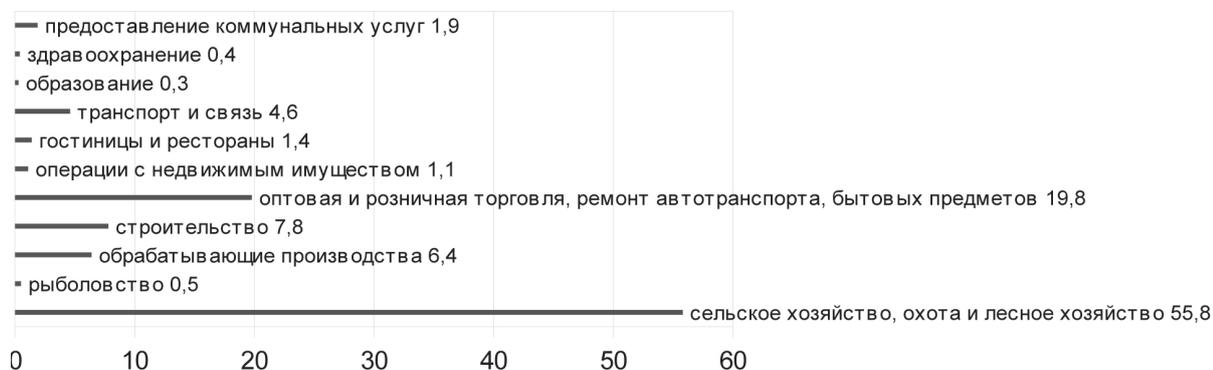

Рис. 1. Занятое сельское население в неформальном секторе по видам экономической деятельности. 2011 год¹⁰

Проблема развития альтернативной занятости в сельской местности была впервые поставлена на национальном уровне в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы»¹¹. В 2009 г. была разработана «Программа самозанятости» по оказанию финансовой помощи безработным гражданам, представившим эффективный бизнес-план на развитие малого бизнеса. Безработному выделяется единовременная субсидия в размере 58 800 рублей на открытие собственного

дела, а также дополнительных рабочих мест для других безработных. В 2010–2011 гг. субсидию на организацию предпринимательской деятельности в сельской местности получили 177,1 тыс. человек. Основные направления деятельности – создание личных подсобных хозяйств, крестьянских (фермерских) хозяйств, оптово-розничная торговля, оказание бытовых услуг, производство и реализация строительных материалов, организация ремонтных мастерских по обслуживанию сельскохозяйственной техники, создание предприятий потребкооперации и т. д.¹².

В настоящее время программа финансируется властями некоторых регионов, где размер субсидии определяется по-разному. Например, в 2012 г. такие программы действовали в Нижегородской области для жителей, проживающих в районах с высоким уровнем безработицы. В Татарстане субсидия предоставлялась при условии вложения личных денежных средств в начало собственного дела в размере 5%. В Саратовской области на получение субсидии в размере 58 800 руб. на открытие собственного дела имели право граждане, обладающие статусом безработного и предоставившие грамотно составленный бизнес-план.

Насколько эффективны предложенные государством формы поддержки? На наш взгляд, оценить их можно также с позиции «следуй за актором», т. е. исходя из того, что возможно, живя на селе, открыть, какие виды деятельности допускает, поддерживает или, наоборот, делает бесперспективными сельская среда.

Обратимся снова к рисунку 1. Мы видим, что, если исключить самую нижнюю строку – «Сельское и лесное хозяйство» (и неоправданно включенную туда охоту), которые протекают в формальных организациях, то ведущим видом самозанятости останется торговля, поскольку другие виды – ремонт автотранспорта, бытовых предметов – делаются сельскими умельцами для односельчан попутно с основной работой и зачастую бесплатно. Создание новых ЛПХ – тоже сомнительное предложение, оно применимо только для ремигрантов, семей, переселяющихся в село из других мест.

Малому предпринимательству в РФ вообще трудно себя проявить в том формате, который существует в странах Запада и успехи которого завораживают многих из идеологов и организаторов современного хозяйствования.

Например, институт субсидий в начало собственного дела. На какой базе? За рубежом это, в основном, изделия для комплектования продукции, выпускаемой на крупных предприятиях. Что может производить сельский житель, удел которого либо торговать, либо быть кустарем-одиночкой. Рассчитывать на серьезную производственную работу он не может.

Обратимся к специальному выпуску журнала «Эксперт», где в редакционной статье отмечается: «Упростившаяся и одичавшая за драматические 1990-е и так толком не восстановившаяся за тучные 2000-е хозяйственная система мстит за наплевательское отношение к собственной индустрии <...> Ни в одной стране мира идея постиндустриальной экономики не была реализована в такой мере, как в последние двадцать лет в России. Сначала нам говорили, что нам нечего бояться разрушения производства, потому что мы все можем купить на глобальном рынке. Потом уверяли, что не надо давать экономике денег, потому что будет инфляция. Потом нам начали поднимать налоги, чтобы платить пенсии, но не давали денег, чтобы

реконструировать жилищный и коммунальный комплекс. Потом сказали, что нужно скакнуть в инновационный мир, но не собирались инвестировать в науку. Потом сказали, что экономику будет вытягивать потребительский рынок, но не хотели строить дороги, по которым можно перевозить товары. Потом захотели построить в России мировой финансовый центр, но не захотели осуществлять в стране размещение акций крупных компаний. Как результат, через четверть века после начала перестройки мы почти ничего не производим, у нас осталось совсем мало основного капитала, многие наши города, поселки и деревни находятся на грани цивилизационного существования»¹³. Хотя за последние тридцать лет в мире реализуется практика постиндустриального мира, эффективность достигается только в тех странах, которые накопили мощный промышленный капитал. Если же этого нет и большая часть населения работает в непроизводственной сфере, то в такой стране невозможно обеспечить стабильность ее богатства, ни даже поддержать цивилизованный уровень жизни на территории страны.

Итак, для большинства видов самозанятости *порождающей среды* в современном селе нет. Масштаб поддержки государством этого направления крайне ограничен, порой предстает как элементарное формотворчество. Так, в 2011 г. создано 28,1 тыс. рабочих мест для жителей села. Если учесть, что в стране 18 833 (по состоянию на 01.01.2012 г.)¹⁴ сельских поселений, то получится: создано около 1,5 рабочих места на поселение! Поэтому говорить об эффективности мер поддержки самозанятости не приходится.

К тому же государство ведет непоследовательную политику в отношении развития института самозанятости. С 1 января 2013 г. произошло двукратное увеличение страховых взносов в ПФР для самозанятых категорий населения. В результате этого только в период с декабря 2012 г. по март 2013 г. прекратили бизнес около 370 тыс. индивидуальных предпринимателей¹⁵, т. е., с одной стороны создается программа поддержки, с другой – делается шаг по разрушению уже существующего состава. Можно ли рассчитывать, что будет приток новых акторов самозанятости?

Какими личностными качествами должен обладать индивид, чтобы продвинуться в слой более высокого статуса?

Прежде всего, важен высокий уровень образования – общего и профессионального. Однако этот признак, как свидетельствует практика, не гарантирует попадания в продвинутой слой социальной структуры. Выпускник аграрного вуза нередко становится продавцом в овощном магазине, вместо того чтобы организовывать процесс получения сельскохозяйственной продукции на полях фермеров или корпоративных хозяйств. Однако агросфера не обделена творческими людьми. В советские годы они объединялись в группы рационализаторов и изобретателей, творчество

которых не выходило за пределы техники и технологии. В настоящее время жизнь предъявляет большой объем требований, с которыми может справиться именно креативная личность.

Креативность может быть высокого или среднего уровня, подобно делению на специалистов высшей или средней квалификации. Наилучший старт для продвижения в креативный слой села имеют специалисты высокой квалификации, занятые тем или иным видом агродела. Но не только они. Их доля велика среди самозанятых, в деятельности которых органично соединились мобилизационная, креативная составляющие независимо от их уровня образования.

В качестве одной из версий структуры и эмпирических измерителей креативного слоя сельского населения мы выделяем: умение принимать нестандартные решения; высокая адаптированность к неблагоприятным условиям деятельности; жизненная позиция или личностная характеристика, соответствующие общественным ожиданиям; творческий компонент деятельности; индивидуальная ответственность за результаты своей работы; ориентация на гуманные ценности в процессе реализации прагматических целей.

Высокие проявления по всем выделенным блокам создает образ креативной личности и группы, действующей в той или иной среде. При этом важна соразмерность характеристик. Достаточно исключить, например, такую черту, как ориентация на гуманные ценности, и получится образ хотя и творческой личности, но ограниченной узким миром своих забот и дел. В то же время отсутствие некоторых других признаков не исключает человека из креативного слоя. Ведь нередко фермер, не получивший высшего агрономического образования, прекрасно справляется со своей ролью. Точно так же можно оценить индивидов, занятых в других сферах деятельности.

Бытие современного сельского жителя полно противоречий. Государство рассматривает его в основном через функциональное предназначение АПК, ограниченное производством сельскохозяйственной продукции. Но этот подход не отличается упреждением будущих потребностей. За 20 лет после распада колхозов новые сельскохозяйственные организации конституированных укладов в селе (АО, ТО, СПК) фактически не создавались, поэтому самозанятость становится центральным институтом сельской реальности. Вряд ли можно признать рациональной ситуацию, когда люди от земли, имеющие опыт и умение работать в полеводстве и животноводстве, прозябают в роли низкооплачиваемых охранников в магазинах больших городов. Этот канал обеспечения источников выживания они используют вынужденно, растрчивая свой человеческий капитал, который в агросфере мог бы реализовываться с большей пользой и моральным удовлетворением.

Резервы самоподдержания потенциала к действию меньше всего приходится связывать с крупными сельскохозяйственными организациями, редко демонстрирующими развитие, не дающими простора для креативности, т. е. все жестко регламентировано менеджментом. Поэтому поддержка личной инициативы жителей села, чтобы они реализовывали свой трудовой потенциал, в агросфере – генеральное направление государственной социальной политики.

Если сельскому хозяйству придавать смысл и значение, которое оно заслуживает как институт поддержания здорового социального самочувствия всего российского социума, то в проводимой государственной политике необходимо более действенное стимулирование аграрного производства в сельских домохозяйствах.

Нужны специальные меры, направленные на:

- оказание финансовой помощи в виде субсидий на организацию собственного бизнеса в сфере агропродовольственного сектора;
- оказание правовой и организационной поддержки на стадии открытия собственного дела;
- повышение доступности сельхозтоваропроизводителей к рынкам сбыта произведенной продукции;
- развитие социально-экономической интеграции домашних хозяйств с сельскохозяйственными организациями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами;
- оказание материально-технической, информационной поддержки кооперативным образованиям в сельской местности;
- закрепление правового статуса сельских граждан трудоспособного возраста, занятых в домашних хозяйствах и не имеющих другого места работы (трудовой стаж, социальное страхование, пенсионное обеспечение): в хозяйствах товарного типа – на условиях, установленных для граждан, занятых индивидуальным предпринимательством; в хозяйствах потребительского типа – добровольно; в интегрированных образованиях – за счет обязательных страховых отчислений в государственные и негосударственные пенсионные фонды РФ.

Реализация вышеперечисленных мер может позитивно повлиять на устойчивость и высокие темпы развития не только малых форм хозяйствования в сельской местности, но и всего агропродовольственного комплекса в целом, а также на повышение уровня и качества жизни сельского населения. Задача заключается в выявлении наиболее перспективных направлений деятельности для каждой конкретной территории и использовании их в качестве точек роста социально-экономической жизни сельских сообществ.

Примечания

- ¹ См.: Калугина З. И., Фадеева О. П. Российская деревня в лабиринте реформ : социологические зарисовки. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2009.

- ² Яницкий О. Н. Социальные движения : теория, практика, перспектива. М. : Новый хронограф, 2013. С. 304–305.
- ³ Там же.
- ⁴ Великий П. П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов : Научная книга, 2012. Далее выдержки из интервью приведены в тексте курсивом по этому изданию.
- ⁵ См.: Абдрашитова А. Т., Гусманов Р. У. Современное состояние земельных отношений // Глобализация и аграрная экономика России : тенденции, возможные стратегии и риски / ред. А. Петриков. М. : ВИАПИ им. А. А. Никонова : «Энциклопедия российских деревень», 2011. С. 263–265.
- ⁶ Использованы данные Комплексного наблюдения условий жизни населения России, проведенного во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения» в 2011 году. Выборка ограничена занятыми респондентами, проживающими в сельской местности. Общий объем выборки по данному критерию составил 2815 человек, из которых работают по найму 93,7% и 6,3% заняты не по найму. Среди работающих не по найму самозанятые составляют 75,8%.
- ⁷ См.: Великий П. П. Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Новые идеи в социологии. М. : ЮНИТИ, 2013. С. 444–445.
- ⁸ Обследование населения по проблемам занятости. М., 2002. С. 365–386 ; Обследование населения по проблемам занятости. М., 2011. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm (дата обращения: 18.11.2013) ; Обследование населения по проблемам занятости. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm (дата обращения: 18.11.2013).
- ⁹ Обследование населения по проблемам занятости. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm (дата обращения: 18.11.2013.).
- ¹⁰ Обследование населения по проблемам занятости. М., 2011. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm (дата обращения: 17.11.2013).
- ¹¹ См.: Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы. URL: <http://www.rshb.ru/gosprogrms/now/agro.php> (дата обращения: 10.11.2013).
- ¹² См.: Федеральная служба по труду и занятости. Мониторинг реализации региональных программ, предусматривающих дополнительные мероприятия, направленные на снижение напряженности на рынке труда (2009–2011). URL: <http://www.rostrud.ru> (дата обращения: 07.11.2013).
- ¹³ Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 2013. № 30–3 (861). С. 3, 6.
- ¹⁴ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2012 г. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.11.2013).
- ¹⁵ См.: Поступление страховых взносов от ИП выросло всего на 2%. URL: <http://www.journal.dasreda.ru> (дата обращения: 14.10.2013).

УДК 316.334.23

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Е. В. Бочарова, С. Т. Дакирова

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: dakirova-ne@mail.ru

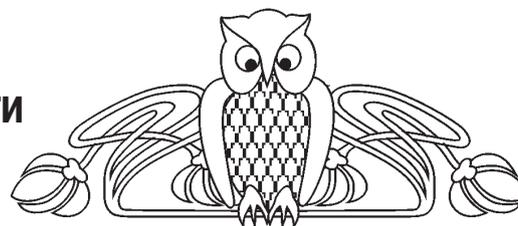
Статья посвящена изучению причин развития самозанятости в сельской местности современной России, оценке проблем, с которыми сталкиваются будущие и нынешние самозанятые сельчане, а также определению направлений развития самостоятельной занятости. Предложены мероприятия по дальнейшему совершенствованию политики в сфере поддержки самозанятости сельских жителей.

Ключевые слова: самозанятость, сельские жители, занятость, государственная политика.

Challenges and Ways of Development of Self-employment in Rural Areas

E. V. Bocharova, S. T. Dakirova

The article addresses the causes of development of self-employment in contemporary Russian rural areas, discusses the challenges the future and present self-employed rural residents face and determines

the ways of development of self-employment. It also presents measures for further improvement of the policies encouraging rural self-employment.

Key words: self-employment, rural residents, employment, public policy.

Одной из актуальных проблем современного развития российского социума является формирование в сельской местности рыночных отношений и механизмов их регулирования в целях создания новых рабочих мест для сельских жителей и обеспечения достойного уровня их жизни. В настоящее время сельский рынок труда функционирует не в полную силу. После банкротства колхозов и совхозов, уменьшения объемов сельскохозяйственного производства, резкого сокращения числа рабочих мест в сфере социальной инфраструктуры большинство сель-

ских жителей оказались в кризисной ситуации. В этих условиях многие селяне были вынуждены рассчитывать исключительно на собственные силы при минимальной поддержке со стороны государства, вырабатывая личную стратегию социально-экономической адаптации. Постоянный поиск своего места в меняющемся пространстве жизнедеятельности – один из путей обеспечить приемлемый уровень благополучия для современного жителя сельской местности. Сельские жители активно прибегают к различным вариантам диверсификации источников доходов, как одному из способов выживания. Таким образом, в российском селе получила распространение самозанятость, эффективное развитие которой определяет нынешнюю и будущую социально-экономическую ситуацию в сельской местности.

Большинство исследователей определяют самозанятость как общественно полезный труд, основанный на личной инициативе, работа только на себя¹. Официальные структуры, такие как служба занятости РФ, определяют самозанятость как форму организации безработными гражданами, ищущими работу, собственного дела с оформлением государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или созданием юридического лица². При обследовании занятости населения в РФ к самозанятым категориям относят лиц, работающих на индивидуальной основе, занятых в собственном домашнем хозяйстве, владельцев собственного бизнеса без привлечения работников на постоянной основе, а также членов производственных кооперативов.

На основе проведенного анализа состояния проблемы предложено определение «самозанятость», которое рассматривается как форма экономической активности, когда индивид обеспечивает свое существование за счет самостоятельного поиска источника доходов и занимается экономической деятельностью, которая не противоречит принятым в государстве нормативно-законодательным документам.

Основными причинами развития самостоятельной занятости в сельской местности являются:

1) экономические: в результате непродуманной аграрной реформы, проводимой в 90-х гг. XX в., большинство сельских жителей лишились своих рабочих мест, были отпущены в свободное плавание. Увольнение, сокращение штатных единиц, банкротство организаций, задержка с выплатой заработной платы, а также низкий ее уровень способствовали переходу части населения в сферу

обслуживания, торговли, строительства и т. д. Наличие своего хозяйства позволило накопить определенный стартовый капитал для ведения собственного бизнеса;

2) социальные: немаловажной причиной самостоятельного поиска источников средств существования является интерес к предпринимательской деятельности, желание самореализоваться, быть независимым. Самозанятость имеет особую социальную ценность, так как она укрепляет гражданскую активность путем преодоления иждивенчества, выжидательных позиций, социальной апатии. Самостоятельная занятость укрепляет веру индивида в свои собственные силы и способности;

3) правовые: закрепление на законодательном уровне различных форм предпринимательской деятельности (крестьянско-фермерское хозяйство, индивидуальное предпринимательство и т. д.). Благодаря улучшению ситуации по обеспечению селян благами и возможностями в сфере информационных коммуникаций произошло повышение нормативно-правового самосознания жителей села;

4) экологические: наличие благоприятных экологических условий для развития самозанятости в сельской местности;

5) социокультурные: культурные особенности сельских жителей, национально-психологические традиции в сельской среде, интеграция этнонациональных способов ведения сельского хозяйства в современную рыночную экономику.

Одной из основных причин развития самостоятельной занятости в сельской местности является низкий уровень располагаемых ресурсов. Так, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве по-прежнему остается на одном из последних мест среди всех видов экономической деятельности и в 2012 г. составила 14 129,4 руб. (53,1% от среднероссийского уровня) (таблица). В то время как, например, в отраслях по производству кокса и нефтепродуктов среднемесячная заработная плата в 2012 г. находилась на уровне 59 195,0 руб. (222,3%).

В первом полугодии 2013 г. среднемесячная заработная плата работников по полному кругу организаций в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве составила 14 523,8 руб., что на 12,1% выше, чем в аналогичном периоде предыдущего года, однако меньше среднего показателя по всем отраслям экономики Российской Федерации в два раза (28 787,6 руб.). В 16 субъектах страны

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в РФ за 2000–2012 гг. (руб.)³

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Вся экономика	3240,4	4360,3	5498,5	6739,5	8554,9	10633,9	13593,4	17290,1	18637,5	20952,2	23369,2	26628,9
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1434,6	1876,4	2339,8	3015,4	3646,2	4568,7	6143,8	8474,8	9619,2	10668,1	12464,0	14129,4

зафиксирована средняя зарплата в отрасли более 20 000 руб. В 11 субъектах, среди которых Забайкальский край, Северная Осетия-Алания, Калмыкия и Дагестан, заработная плата была ниже 10 000 рублей в месяц⁴.

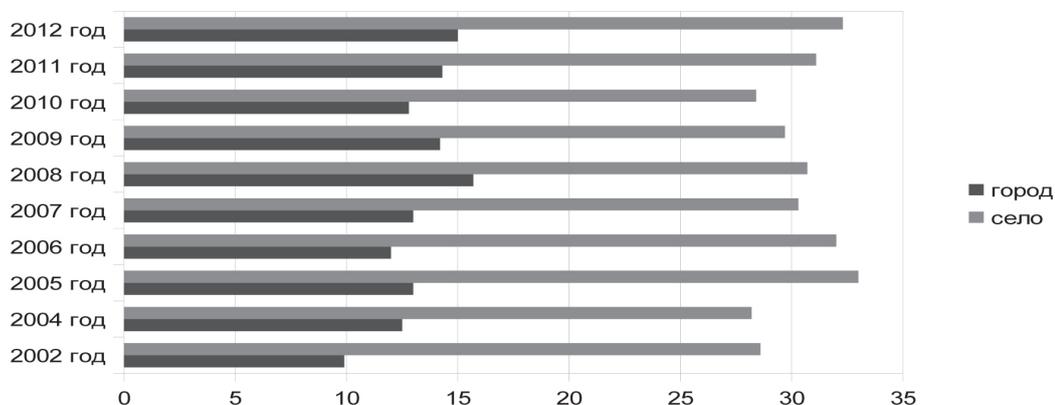
Следует ожидать, что начавшийся процесс технической и технологической модернизации, диверсификация структуры рынка труда в сельской местности потребует незамедлительного формирования новых, более эффективных механизмов по стимулированию разнообразных видов занятости в сельской местности, в том числе самозанятости. Выделим ключевые проблемы, с которыми сталкиваются самозанятые сельские жители.

Во-первых, это несовершенство законодательной базы. На сегодняшний день в Российской Федерации действует 448 программ поддержки малого и среднего предпринимательства, из них 273 программы субъектов РФ и 175 муниципальных программ⁵. Несмотря на большое количество федеральных, региональных и местных законодательных и нормативных актов в области малого бизнеса, отсутствуют четкие механизмы их реализации. Решение отдельных вопросов рассредоточено по различным программам. С момента принятия Федерального закона № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»⁶ предприняты меры, которые должны существенно облегчить ведение собственного бизнеса, среди которых: оказание поддержки в виде субсидий и грантов для субъектов самозанятости, дальнейшее совершенствование налогообложения, принятие на федеральном уровне программ развития малых форм хозяйствования, уменьшение административных барьеров.

В соответствии с задачами, поставленными Президентом РФ В. В. Путиным, к 2020 г. необходимо увеличить занятость населения в секторе малого и среднего предпринимательства до 50%. Однако прогнозные оценки Министерства экономического развития весьма осторожны. Количество субъектов развития малого и среднего предпринимательства к 2030 г. вырастет в 1,3 раза, до 7,7 млн, отмечают представители ведомства в прогнозе

долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. Причем в это число войдут и 5,4 млн индивидуальных предпринимателей⁷. В данном прогнозе учитываются негативные тенденции последнего времени. Статистика Федеральной налоговой службы свидетельствует, что за первые полгода 2013 г. количество индивидуальных предпринимателей, закрывших свой бизнес, достигло 531,9 тыс. человек. С января по июнь 2013 г. количество индивидуальных предпринимателей и фермерских хозяйств сократилось с 4 млн до 2,636 млн⁸. Это связано в том числе и с непоследовательной политикой государства в отношении самозанятых граждан. С 1 января 2013 г. на основании Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования»⁹ произошло двукратное увеличение страховых взносов в Пенсионный фонд РФ. Отчисления выросли с 17 208,25 руб. до 35 664,6 руб. в год. С одной стороны, создаются программы поддержки, с другой – делается шаг по разрушению уже существующего состава. В результате совместных усилий государства и общественных организаций удалось добиться компромисса. С 1 января 2014 г. для индивидуальных предпринимателей с годовым доходом до 300 000 руб. размер фиксированного взноса на обязательное пенсионное страхование составит один МРОТ. Введен дифференцированный подход для самозанятых категорий населения с годовым доходом свыше «порогового» значения (т. е. 300 000 руб.)¹⁰.

Правительство разработало порядок предоставления патентов для самозанятых граждан, которые не являются индивидуальными предпринимателями. Они смогут приобрести патент за 1000 руб. в месяц сроком до полугода. Мера направлена на возвращение из неформального в формальный сектор экономики самозанятых категорий населения. По данным Росстата, только за период с 2008 по 2012 г. неформальная занятость сельского населения увеличилась с 30,7 до 32,3%. (рисунок)¹¹.

Распределение численности занятых в неформальном секторе, в % от общей численности занятого населения (по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, в среднем за год)

Выдача патента на срок до полугодия фактически означает, что самозанятый по истечении этого срока будет обязан оформиться как индивидуальный предприниматель. Такая мера вряд ли привлечет большое количество работающих в неформальном секторе самозанятых сельских жителей. Более действенной может оказаться мера по переводу самозанятых категорий населения на постоянную патентную основу за символическую плату.

Во-вторых, для самозанятых необходимы меры экономической поддержки, включая налоговые льготы. Несвершенство системы налогообложения является еще одной важной проблемой, с которой сталкиваются представители самозанятых категорий сельского населения. Налоговое законодательство противоречиво, сложно в исполнении. В результате многие сельчане не готовы легально и полноценно осуществлять свою деятельность.

Основным элементом стратегии социально-экономического развития села должна стать сельская самозанятость, которая ориентирована на вовлечение жителей в трудовые процессы и участие в сельскохозяйственной деятельности.

В-третьих, в стране отсутствует четкая статистическая информация, позволяющая составить полноценный портрет самозанятого. Нет полноценной статистической информации о деятельности субъектов самозанятости как в селе, так и в городе. Данные выборочных обследований населения по проблемам занятости с использованием постоянно меняющихся методик расчета не позволяют составить картину реального положения дел в среде самозанятых. Официальная статистика не предоставляет информацию по количеству самозанятых, их половозрастному составу, сферам экономической деятельности и т. д.

В-четвертых, профессиональная подготовка самозанятых сельчан не отвечает современным требованиям работы в рыночных условиях. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения России, проведенного в 2011 г. во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения», большая часть респондентов (61%) работает не по специальности. Не получали дополнительную профессиональную подготовку для нынешней работы 92% опрошенных сельских самозанятых. Это связано с отсутствием специализированной системы подготовки к предпринимательской деятельности сельских жителей.

В-пятых, несмотря на существующую финансово-кредитную поддержку субъектов малого бизнеса, самозанятые сельские жители стремятся аккумулировать собственные денежные ресурсы,

использовать помощь родственников и хороших друзей, обходясь без дорогостоящих банковских кредитов. Опора на собственные финансовые ресурсы защищает их от возможных рисков, но развитие, как правило, замедляется. Основная часть полученной прибыли идет на личное потребление, а оставшаяся – на инвестиции для поддержки существующего дела. Расширение бизнеса зачастую затруднено проблемами со сбытом произведенной продукции или неподготовленностью предпринимателя к увеличению производства¹².

По данным опроса, проведенного Центром социальной политики и мониторинга сельского развития ВНИИЭСХ в 2011 г.¹³, основные предпочтения жителей сельской местности в случае потери работы и получении субсидии на организацию своего дела в необходимом размере распределились следующим образом. Сельскохозяйственным предпринимательством готовы заняться 45,4% респондентов, работающих в организациях и на предприятиях. На втором месте – сельская торговля (29,3%), на третьем – бытовое обслуживание (13,7%). Заготовкой и переработкой дикорастущих трав займутся 5,0% опрошенных сельчан. Сельский туризм как сфера альтернативной занятости привлекает внимание около 6,0% респондентов. Народными промыслами готовы заняться в случае потери работы 4,3% жителей. Таким образом, основные предпочтения сельского населения по-прежнему сосредоточены на сельскохозяйственной отрасли.

Определенные финансовые вложения в вышеперечисленные направления развития самостоятельной занятости могут послужить серьезным импульсом к запуску более крупных инвестиционных проектов.

Приоритетные направления по развитию самозанятости в сельской местности должны включать:

принятие на федеральном уровне закона «О самозанятости», в котором понятие «самозанятое население» выделено как самостоятельная категория предпринимательства. В документе должна быть прописана максимально четкая и простая процедура регистрации и налогообложения самозанятых;

внедрение региональных программ поддержки самозанятых, обеспечивающих постепенное включение института самозанятости в рыночную систему;

разработка программ развития самозанятости на уровне конкретного муниципалитета, сельского поселения. Существующие программные документы зачастую носят плановый характер и не учитывают современных реалий. Необходимо дополнение местных программ стратегическими планами развития занятости в сельской местности;

принятие на уровне сельского поселения конкретных бизнес-проектов по направлениям самозанятости (растениеводство, животноводство,

туризм, сфера услуг, народные промыслы и т. д.). Оказание конкретной финансово-экономической, информационной, организационной помощи по их внедрению. Подобные бизнес-проекты привлекут инвесторов в развитие сельскохозяйственной и других отраслей, а также сельских территорий. Грамотно предложенный бизнес-проект – одно из условий получения выгодного для самозанятого селянина кредита, а также субсидий в рамках государственных программ поддержки. Проработанный проект позволяет реально оценить эффективность вложений и степень риска инвестпроекта;

развитие социально-экономической интеграции домашних хозяйств с сельскохозяйственными организациями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами. Кооперативные образования являются одной из самых приемлемых организационно-правовых форм самоорганизации сельского социума. В этом процессе особая роль должна принадлежать образовательным учреждениям через включение в существующие образовательные программы новых дисциплин, которые способны развивать у будущих предпринимателей определенные навыки, знания и умения;

совершенствование инфраструктуры для поддержки самозанятых категорий сельских жителей. Для обеспечения доступа к консультационной, методической, информационной помощи важно обеспечить эффективную работу бизнес-центров, бизнес-инкубаторов и других консультационных организаций, специализирующихся на выездных формах работы в сельских населенных пунктах. В каждом регионе целесообразно создание фондов поддержки инициатив самозанятых граждан, которые позволят привлечь инвестиции для создания и расширения своего дела. В сельской местности представителями фондов могут выступать социально активные жители, общественники и предприниматели;

организация научно-практических конференций с международным участием, а также круглых столов по вопросам самозанятости сельского населения с приглашением ученых, представителей властных структур, специалистов-практиков, самозанятых граждан с дальнейшим освещением результатов работы в средствах массовой информации.

Государство предпринимает определенные усилия по созданию благоприятных условий для развития самозанятости в сельской местности. Однако механизмы реализации программных мероприятий обеспечены не в полной мере. Аграрная политика должна включать не только разработку и принятие многочисленных целевых программ на уровне государства, региона, муниципалитета, выделение финансовых средств, но также учитывать мнение местного сообщества, инициативных граждан, креативных личностей. Меры поддержки самозанятых граждан должны быть дифференцированными по видам деятель-

ности, территориям, удаленности рынков реализации продукции. После вступления России во Всемирную торговую организацию особенно актуальным становится создание институциональной среды, которая будет способствовать адаптации самозанятых в современном агропромышленном комплексе.

Примечания

- 1 См.: Жеребин В. М., Романов А. Н. Самостоятельная занятость населения. Основные представления и опыт кризисного периода. М.: ИНФРА-М, 2010; Дукарт С. А., Слета Е. В. Проблемы оценки трансформации рынка труда в условиях модернизации экономики // Изв. Том. политех. ун-та. 2010. Т. 316, № 6. С. 8–12; Бреев Б. Д. Занятость населения в России: современность и перспективы // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 59–74.
- 2 См.: Термины и значения // Служба занятости. 2011. № 9. С. 72. URL: http://panor.ru/journals/sz/archive/index.php?ELEMENT_ID=47917 (дата обращения: 12.01.2014).
- 3 Федеральная служба государственной статистики: [сайт] URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.12.2013).
- 4 См.: О состоянии рынка труда в сельской местности // Министерство сельского хозяйства РФ: [интернет-портал]. URL: <http://www.mcx.ru/news/news/show/14820.355.htm> (дата обращения: 05.12.2013).
- 5 См.: Федеральный портал малого и среднего предпринимательства. URL: <http://smb.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2013).
- 6 Программа поддержки субъектов РФ // О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ с изм. и доп. от: 18 октября 2007 г., 22, 23 июля 2008 г., 2 августа, 27 декабря 2009 г., 5 июля 2010 г., 1 июля, 6 декабря 2011 г., 2, 23 июля 2013 г. URL: <http://base.garant.ru/12154854/> (дата обращения: 11.11.2013).
- 7 См.: Березина Е. Задержка в развитии // Российская бизнес-газета. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/05/predpriyatia.html> (дата обращения: 23.12.2013).
- 8 Малый бизнес ждет в тени. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/06/06/5370215.shtml> (дата обращения: 06.06.2013).
- 9 Доступ из информ.-прав. портала «Гарант».
- 10 О внесении изменений в статью 22 Федерального Закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статьи 14 и 16 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования». Доступ из информ.-прав. портала «Гарант».
- 11 Обследование населения по проблемам занятости. М., 2002. С. 365–386; Обследование населения по проблемам занятости. М., 2011. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm (дата обращения: 10.11.2013); Обследование населения по проблемам занятости.

М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm (дата обращения: 10.11.2013).

- ¹² См.: Бочарова Е. В. Внутренние социальные ресурсы формирования потенциала самозанятых сельских жителей // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем : материалы Всерос. школы

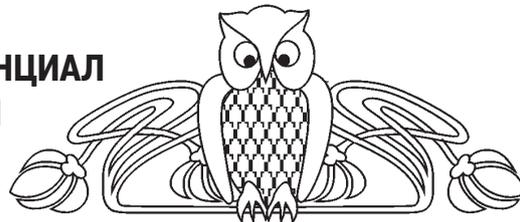
молодых ученых. Саратов : Изд-во ИагП РАН, 2013. С. 125–128.

- ¹³ См.: Бондаренко Л. В. Занятость на селе и ресурсное обеспечение организаций малого бизнеса сельскими безработными // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2011. № 12. С. 61.

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНО-МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ БАШКОРТОСТАНА

Р. М. Валиахметов, Н. М. Лавренюк

Институт социально-политических и правовых исследований
Республики Башкортостан, Уфа
E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru, nmlavr@yandex.ru

Башкортостан как единица социокультурного пространства России

В статье рассматривается уровень вовлеченности Башкортостана в процессы модернизации России. Обозначаются стратегические цели инновационного характера и меры профилактики проблемных ситуаций.

Ключевые слова: развитие региона, управление человеческим развитием республики, модернизация, социально-модернизационный потенциал.

Social-control Modernization Potential Human Development Bashkortostan

R. M. Valiahetov, N. M. Lavrenyuk

The article deals with the level of involvement of Bashkortostan in Russia's modernization. Designated by the innovative nature of the strategic goals and prevention of problematic situations.

Key words: regional development, human development of the republic, modernization, social modernization potential.

Республика Башкортостан как субъект Российской Федерации, обладает достаточно диверсифицированной и солидной экономической базой. Несмотря на сложную этнодемографическую структуру населения, регион отличается высокой социальной стабильностью. Особенностью является внутренняя социально-экономическая и территориальная дифференциация республики. На территории Башкортостана специалисты выделяют семь социально-экономических регионов (Центральный, Южный, Западный, Северо-западный, Северный, Северо-восточный и Уральский), каждый из которых отличается по уровню социально-экономического развития, степени урбанизации, характеру социально-демографических процессов, а также по этническому составу населения. Все это оказывает прямое влияние на развитие человеческого потенциала и его реализацию.

Развитие человеческих ресурсов в республике

Актуальность и своевременность изучения социально-модернизационного потенциала управления человеческим развитием Башкортостана обусловлена рядом обстоятельств. Переход к инновационному, социально ориентированному типу развития России и ее регионов возможен только в условиях, обеспечивающих высокий уровень и качество человеческих ресурсов, эффективное использование социально-модернизационного потенциала. Достойный уровень развития человеческих ресурсов региона является приоритетным направлением долгосрочной стратегии России. Проблемы инновационной модели развития человеческого потенциала рассматриваются в ней комплексно. Главное, что из теоретической и научно-методической плоскости они переходят на уровень стратегической государственной политики. Конечной целью этой политики и вложений в производство, инновации, экономику знаний является развитие самого человека, его здоровья и социального благополучия, потенциальных возможностей в реализации и накоплении своих способностей.

Насколько сбалансированным и комплексным является социальное развитие того или иного региона Российской Федерации, можно проследить по тем значениям индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), которые ежегодно публикуются в российских Докладах о человеческом развитии.

Республика Башкортостан входит в группу регионов с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Это положение соответствует основным макроэкономическим показателям, характеризующим социально-экономическое развитие республики. Они свидетельствуют о том, что Башкортостан располагает не только природным и экономическим потенциалом, но и ресурсами для социального развития, грамотно проводит социальную политику, ориентированную на сохранение и накопление человеческого потенциала.

Отметим, что эксперты выделяют Башкортостан среди немногих российских регионов

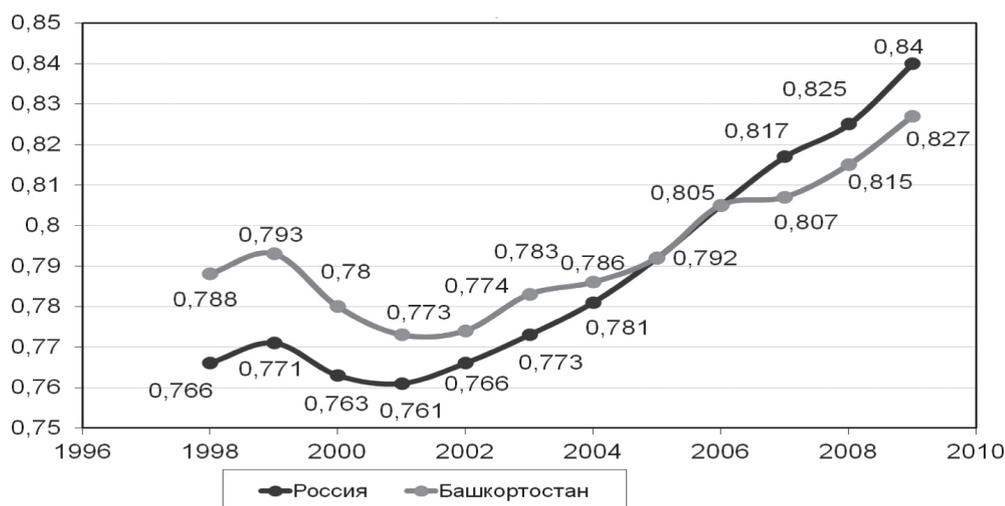

со сбалансированным развитием социального и экономического потенциалов модернизации. По мнению экспертов Программы развития ООН (ПРООН), именно сбалансированное развитие основных компонентов человеческого развития обеспечивает устойчивую стабильность и благополучие региона.

В рейтинге субъектов Российской Федерации Республика Башкортостан изначально находилась в десятке лидеров (в 1997 г. – 5-е место, в 2000 г.

– 4-е место) и сохраняла эти позиции до 2003 г. Однако, несмотря на общий растущий тренд, в последние годы она стала уступать эти позиции другим быстро развивающимся регионам России.

Так, по данным Доклада о развитии человеческого потенциала за 2011 г., Башкортостан находится лишь на 18-м месте. Замедление темпов роста индекса развития человеческого потенциала отразилось в его отставании с 2007 г. от среднероссийского уровня (рисунок).

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации и Республике Башкортостан, 1998–2009 гг.

Если же обратиться к анализу динамики компонентов ИРЧП, то увидим, что главным сдерживающим его рост фактором является снижение такого показателя, как охват населения образованием в возрасте от 6 до 23 лет. По данным Доклада о развитии человеческого потенциала в РФ за 2013 г., Республика Башкортостан находится на 25-ом месте по индексу дохода, на 26-ом – по индексу долголетия и только на 38-ом – по индексу образования.

Управление человеческими ресурсами региона

На примере Республики Башкортостан и ряда других субъектов Российской Федерации, имеющих индекс развития человеческого потенциала выше среднего российского значения, можно убедиться в том, что сбалансированное развитие региона является концентрированным выражением его социальной политики и практики управления. Наибольших успехов достигают те республики, края и области, в которых опыт социальной политики и практики не только обобщен, но и законодательно закреплен. В Республике Башкортостан приняты и реализуются следующие законы: «О молодежной политике в Республике Башкортостан», «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан», «О государственной поддержке многодетных семей в Республике Башкортостан»,

«Об адресной социальной помощи в Республике Башкортостан», «О социальном обслуживании населения в Республике Башкортостан», Семейный кодекс Республики Башкортостан и др. Вместе с тем следует подчеркнуть, что даже при таком широком спектре социально ориентированных и социально значимых законов субъекты управления часто не успевают адекватно реагировать на целый ряд актуальных проблем и вызовов модернизации.

Социально-модернизационный потенциал Башкортостана

В условиях современного развития Башкортостан имеет средний уровень вовлеченности в процессы модернизации России. Согласно расчетам, реализованным по методике Центра изучения модернизации Китайской академии наук (проф. Хэ), республика переживает процессы интегрированной модернизации, которая включает первичную и вторичную модернизации. В Башкортостане стадия первичной модернизации (ПМ), характеризующая переход от традиционного общества к индустриальному, подходит к полному завершению. Начинается стадия вторичной модернизации (ВМ), отражающая переход от индустриальной стадии развития социума региона к постиндустриальной стадии. При этом социально-модернизационный потенциал в республике

распределен неравномерно. Четкая дифференциация прослеживается в территориально-поселенческом разрезе. В Башкортостане почти каждый третий житель проживает в сельской местности и занят соответствующим трудом. Образование сельского населения ниже, чем уровень образования городского населения, ниже и уровень доходов, информатизации. Эти обстоятельства сдерживают общестратегические инновационные процессы перехода к информационному, постиндустриальному обществу. Одновременное протекание процессов первичной и вторичной модернизации характеризует интегрированную модернизацию (ИМ).

Процессы модернизации в регионе протекают неоднозначно. В целом, как и в России, в Башкортостане эти процессы имеют позитивный тренд. Значения индексов модернизации в республике ниже, чем в России. По состоянию на конец 2010 г., индекс ПМ отстает от среднего значения по России на 2 пункта, индекс ВМ – на 11 пунктов, а индекс ИМ – на 5 пунктов. Регион наравне с Россией находится в фазе зрелой стадии ПМ (таблица). В отношении ВМ Россия вступила в фазу высокого среднего развития, а Башкортостан вступил в фазу срединного развития. Процессы ИМ в России уже на среднем-среднем уровне, в Башкортостане – на низком-среднем уровне.

Вовлеченность Республики Башкортостан в процессы модернизации

Субъект модернизации	Уровень ВМ	Индексы			Фазы стадий, значение	
		ПМ	ВМ	ИМ	ПМ	ВМ
Российская Федерация	выше среднего	99	72	62	Зрелость 3,5	0,75
Приволжский федеральный округ	средний	98	66	61	Зрелость 3,25	1
Республика Башкортостан	средний	97	61	57	Зрелость 3,0	0,25

Примечание. Приведены расчеты сотрудников ИСППИ РБ по методике ЦИМ КАН (разработана профессором Хэ, адаптирована профессором Н. И. Лапиным, ИФ РАН).

Управление человеческим развитием региона на основе социально-модернизационного потенциала

Социально-модернизационный потенциал управления человеческим развитием Башкортостана представлен потенциалом самоуправляемой и управляющей подсистем. Потенциал подсистемы представлен работниками государственных структур, муниципальных органов управления, менеджеров коммерческих и общественных организаций.

В численном выражении кадровый потенциал госслужащих растет. В 2011 г. по отношению к 2000 г. число работников государственных органов и органов местного самоуправления составило в ПФО 125,1%, а в РБ – 129,7%¹.

Нагрузка на управленцев в человеческом измерении падает, поскольку сокращается численность населения. В 2011 г. число жителей ПФО составило 94,5% от численности 2000 г., в Башкортостане – 98,8%. Если в 2000 г. в республике на 1 госслужащего приходилось 171,9 человека, то в 2011 г. – 119,3 человека; в ПФО в 2000 г. – 129,8, а в 2011 г. – 98,1 человека.

В регионе накоплен огромный опыт государственного и муниципального управления. В период реформирования неоднозначно складывалась система научного обеспечения управленческих решений государственных, хозяйственных и общественных организаций. Однако внедрение итогов научных исследований в практику сдерживалось недостаточным уровнем профессиональных компетенций части управленческих кадров.

Барьеры управления человеческим развитием связаны с кадровым потенциалом. В 2004 г. социологами Авиационного государственного университета в сельских районах республики методом анкетирования по месту работы было проведено исследование кадрового обеспечения муниципальной службы². Результаты анализа показали, что уровень образования работников местного самоуправления и их профессиональная подготовка во многом не соответствовали занимаемым должностям. Только 30% респондентов на момент опроса имели высшее образование, 57% среднее специальное образование, а 13% – общее.

Реформированию была подвергнута и система государственного и муниципального управления. В 2004 г. принят Указ Президента РБ «Об утверждении перечня мероприятий по совершенствованию местного самоуправления в Республике Башкортостан на 2004–2007 годы», в 2005 г. – законопроекты «О перечне специализаций муниципальных должностей муниципальной службы в Республике Башкортостан», «О муниципальной службе в Республике Башкортостан» и др. Сегодня остается целый ряд актуальных вопросов совершенствования государственного и муниципального управления, среди которых развитие демократических начал, формирование и использование финансово-экономической базы, развитие кадрового потенциала, управление на основе ИКТ.

Согласно информации, опубликованной в Паспорте информатизации субъекта РФ «Республика Башкортостан» (2010 г.), у органов исполнительной власти и органов местного самоуправления имеется стопроцентный доступ к

Интернету. Удельный вес органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, публикующих на веб-сайтах перечень и порядок предоставления услуг, оказываемых гражданам и организациям, составляет 100%. Это означает, что граждане в любое время могут посетить веб-сайты и узнать, какие услуги, как и в каком порядке они могут получить. Всего количество оказываемых государственной и муниципальной властью услуг в электронном виде составляет 186³. Удельный вес организаций, использующих Интернет для участия в электронных торгах на закупку товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд, составляет всего 19%. Это говорит о неполной готовности других агентов.

В республике проводится мониторинг состояния использования ИКТ на уровне субъекта РФ и на уровне муниципальных образований. На основе этого вырабатываются рекомендации по итогам мониторинга в органы государственной и муниципальной власти, которые публикуются на сайте Министерства связи и массовых коммуникаций Республики Башкортостан.

Доля региональных органов исполнительной власти, использующих единую систему электронного межведомственного документооборота, составляет всего 14%. Здесь четко видна проблема отсутствия единой программы виртуального взаимодействия государственной власти, что затрудняет наиболее быстрое принятие управленческих решений. Доля работников органов власти региона, прошедших в 2010 г. подготовку (переподготовку) в области использования ИКТ, составила всего 1,3%.

В Башкортостане создаются определенные условия для повышения эффективности отдачи от социально-модернизационного потенциала человеческих ресурсов через механизм, включающий стратегические приоритеты и целевые инновационные ориентиры, инструменты инновационной политики, программные мероприятия инновационной направленности, увязанные по ресурсам, срокам и исполнителям, и конкретные проекты, актуальные в масштабах Российской Федерации, призванные подготовить республику к инновационному качественному преобразованию в развитии.

Субъектами управления региона должны быть обозначены не только экономические, но и социальные и ценностные ориентиры региональной и отраслевых стратегий, выявлены специфические особенности и инновационные модели модернизации как экономической, так и социальной сферы Башкортостана. Конструктивное обсуждение задач и механизмов реализации региональной и отраслевых стратегий модернизации и инновационного развития должно сопровождаться изучением и анализом наиболее актуальных социальных проблем региона, что является основой последующего их учета в реальной политике и практике.

Субъекты региональной системы управления и самоуправления в достаточно противоречивых и неоднозначных условиях осуществляют разноплановую инновационную деятельность, приближая тактическими мерами стратегические горизонты. Научно-исследовательский и предпринимательский секторы инновационной региональной системы испытывают ряд серьезных проблем и затруднений, связанных с накоплением и реализацией инновационного потенциала. Для научно-исследовательского сектора наиболее острыми являются старение ученых, сокращение кадрового потенциала, недостаток средств на исследования и разработки, износ основных фондов, видовая структура исследований, не всегда ориентированная на практический результат, и ряд других. Развитие предпринимательского сектора сдерживают факторы экономического, производственного и когнитивно-компетентного характера. В этих условиях необходимо инновировать систему профессиональной подготовки и переподготовки кадров как для госструктур, так и для научного, предпринимательского секторов инновационной системы республики, призванной выполнять функцию «локомотива» модернизации. Актуально повышать образовательный уровень и мотивировать население. Важно ориентировать систему управления и менеджмента в инновационной сфере республики на стратегические цели инновационного характера и меры профилактики проблемных ситуаций. Недоиспользование научно-технического потенциала, невнимание к его нуждам оборачивается проигрышем технологического качества, в итоге – проигрышем качества жизни.

Региону требуется определить свое место в глобальном разделении труда, использовать трудовой и интеллектуальный потенциал в реализации общенациональных социально-экономических целей и задач. Необходимо разрабатывать региональные приоритетные социально-модернизационные проекты и программы, стратегические задачи инновационного и технологического развития; обеспечить стратегический аудит стратегий и инструментария социально-экономического развития.

В целях стимулирования реализации перспективных проектов и создания необходимых организационных основ эффективного развития человеческих ресурсов важно оказать содействие становлению стратегического партнерства научного и экспертного сообществ, органов государственной власти и управления, бизнес-структур, средств массовой информации, общественных и политических организаций, институтов гражданского общества, ответственных за модернизацию экономики и социальной сферы Республики Башкортостан. Необходимо также стимулирование инновационных проектов, фундаментальных и прикладных исследований, имеющих особую значимость для приоритетных областей социальной сферы и экономики.

Необходимо изучить фактическую конкурентоспособность Башкортостана в Российской Федерации и в мире, проанализировать основные ее системные показатели. Только на этой основе можно определить тот потенциальный социально-модернизационный эффект от управления человеческими ресурсами на территории Башкортостана.

Наряду с модернизацией экономики и социальной сферы, необходима модернизация самого государственного управления на уровне субъекта РФ. В этой связи актуальной становится проблема, связанная с обеспечением информационной прозрачности органов государственной власти и управления на региональном уровне.

Модернизация и инновационное развитие предполагают и неотложные меры в области совершенствования демографической политики и здравоохранения. Следует обеспечить системную стратегию сбережения нации, предполагающую охрану здоровья, снижение смертности, повышение рождаемости и возрождение системы физического воспитания и культуры здорового образа жизни, а также повышение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения, эффективную миграционную политику и т. д.

Разрабатываемые в Башкортостане Доклады о развитии человеческого потенциала

УДК 316.47

ДОВЕРИЕ И СФЕРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Ручин, Е. С. Смолина

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А.
E-mail: alexey.ruchin@mail.ru, katesmolina89@gmail.com

В статье обобщены результаты зарубежных исследований доверия в сфере предпринимательства, а именно: определены основные типы исследований и спектр смежных проблем.

Ключевые слова: доверие, бизнес, предпринимательство, общество.

Trust and Business Sector: Modern Foreign Research

A. V. Ruchin, E. S. Smolin

The article represents the results of foreign sociological research into the topic of trust in entrepreneurship, namely: the main types of studies devoted to this subject and the range of related problems were defined.

Key words: trust, business, entrepreneurship, society.

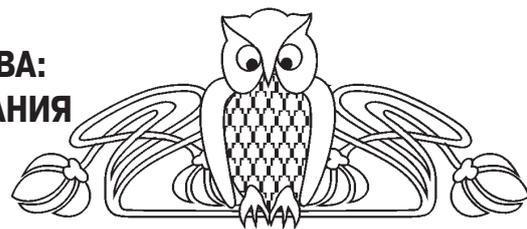
Исследования сплоченности и доверия в сфере предпринимательства становятся все более актуальными и приобретают практическую значимость не только для стран с формирующимися

являются инновационными научными и социальными проектами. Результаты комплексных исследований на основе концепции человеческого развития могут стать оригинальным научно-методическим инструментом разработки стратегий и программ модернизации и социального развития региона.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Трудовые ресурсы, занятость и человеческое развитие», № 12–13-02018 а (р)).

Примечания

- 1 См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : статсборник / Росстат. М., 2012. С. 158–159.
- 2 См.: Приоритетные направления социально-экономического развития Республики Башкортостан : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 18 ноября 2005 г.) / под ред. д-ра филос. н., акад. АН РБ Ф. С. Файзуллина. Уфа : Гилем, 2006. С. 420.
- 3 См.: Валиахметов Р. М., Лавренко Н. М., Баймурзина Г. Р., Хилажева Г. Ф., Мажитова А. Р. Социокультурные возможности и ограничения развития модернизации (Республика Башкортостан) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. М. : Academia, 2013. С. 192–204.

рынками, но и для стран, где предпринимательство институционализировалось в течение столетий. Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. в США и постепенно захвативший Европу, в определенном смысле деформировал сферу предпринимательства, создав для малых предприятий особенно жесткие условия выживания. Кроме того, кризисная ситуация породила грандиозные социальные противоречия, связанные с доверием в обществе и, как результат, с уровнем сплоченности внутри экономического базиса общества – предпринимательства. Такая динамика событий инициировала пересмотр целей и стратегий развития компаний, повышение их внимания к характеру отношений внутри коллективов в расчете на аддитивный эффект и его влияние на процесс формирования доверия покупателей к новым продуктам. Как следствие, глобальные социально-экономические перемены не могли не отразиться на системе общественных

отношений, острота которых стала катализатором научных исследований доверия и сплоченности, а также роста публикаций по вопросам социального взаимодействия¹.

Феномен доверия многогранен и исследуется в различных аспектах, его роль может рассматриваться как на микро-, так и на макроуровне, что обуславливает исследование двух во многом противоположно направленных концептов доверия: с позиции индивидуального значения и с позиции общественного значения². По аналогии: пересечение проблемных полей доверия и предпринимательства может быть исследовано как с позиции значения доверия для бизнеса, так и с позиции общественного значения доверия в предпринимательской среде.

Анализ англоязычных источников по вопросам доверия и сплоченности в предпринимательской среде позволил нам обозначить два наиболее популярных направления: исследование процесса формирования доверия и сплоченности внутри бизнес команды и анализ специфики формирования доверия клиентов к конкретному бизнесу. Первое направление включает с точки зрения специфики проведения исследований следующие их типы:

– аналитические исследования специализированных институтов (в США – это Interaction Associates с исследованием Building Trust in Business 2012: How Top Companies Leverage Trust, Leadership, and Collaboration³, а также Cooperative Development Center at Kent State University с исследованием Solidarity as a Business Model⁴; в Германии – German Academic Association for Business Research (VHB) и ряд совместных исследований: Hanging Together, Together Hung? Career Implications of Interpersonal Ties Between CEOs and Top Managers⁵; в Бельгии – Rosa Luxemburg Foundation с исследованием Solidarity-Based And Co-Operative Economy And Ethical Business: Trends, Innovations And Experiences In Europe⁶);

– массовые социологические опросы (например, серии исследований Companies Build Public Trust Through Sustainability Reporting⁷, United States Small Business Friendliness⁸). Последнее исследование интересно тем, что визуализирует карту США, на которой штаты окрашены разными цветами по специальной шкале в соответствии с результатами проведенного опроса. Европейская комиссия в рамках нового движения EU Cohesion Policy проводит целый ряд опросов, посвященных проблеме предпринимательства и смежных с ней вопросов: Entrepreneurship in EU and beyond⁹, Entrepreneurship Survey of the EU (25 Member States), United States, Iceland and Norway¹⁰, Hiring and Employment Procedures for One-Person-Enterprises¹¹).

– исследовательские статьи как отдельных ученых, так и небольших исследовательских групп (The Relationship between Group Cohesiveness and Performance: An Empirical Study

of Cooperatives Movement in Malaysia¹²; Cohesion Through Diversity¹³);

Спектр проблем, затронутый в перечисленных выше источниках, огромен. Однако наиболее масштабно представлены такие, как групповая сплоченность (в том числе внутри коллектива) и ее влияние на результаты деятельности; создание новых возможностей для трансформации общества; изучение процесса построения доверия в бизнесе на стыке таких смежных сфер, как лидерство и сотрудничество; периодическое сравнение уровней доверия, целей и приоритетов бизнеса, способов достижения поставленных задач; типы поведения, способствующие формированию доверия в предпринимательской среде, и преграды, возникающие в процессе построения эффективного сотрудничества; сплоченность как фактор нивелирования культурных особенностей внутри многонационального коллектива, сплоченность в среде предпринимателей как возможность улучшить развитие своего бизнеса.

Второе направление исследований, посвященное формированию доверия покупателей к сфере бизнеса, представлено в публикациях не так широко, как первое. Однако оно имеет не меньшую актуальность, поскольку показывает особый интерес на практике. Вопрос о том, как вернуть утраченное или сформировать доверие к сфере бизнеса у конечного потребителя его товаров и услуг, имеет огромную практическую значимость для современной экономики. Так, например, открытие банковских счетов, вся система кредитования, инвестирование денег как граждан своего государства, так и иностранных базируются практически полностью на доверии со стороны потребителей. Поэтому механизмы использования социальных технологий для повышения эффективности бизнеса во многом представляют коммерческий интерес, что объясняет возможную закрытость данных исследований.

С точки зрения влияния института предпринимательства на социальное доверие в обществе значительный интерес представляют проводимые на регулярной основе социологические опросы European Values Study (EVS) и World Values Survey (WVS), The European Social Survey (ESS), Edelman Trust Barometer. Данные проекта Edelman Trust Barometer позволили назвать 2012 г. годом высокого недоверия, но зафиксировали небольшой рост в 2013 г. Наибольших изменений в сфере социального доверия по сравнению с результатами 2012 г. достигли Германия, Франция, Великобритания и США. К сфере бизнеса всего лишь 14% мирового населения выразили свое доверие. Компании, которые производят и поставляют товары на рынок, имеют несколько более высокий уровень доверия, чем бизнес в целом – сфера электроники (70%), автомобильная промышленность (66%), еда и напитки (62%) и телекоммуникации (60%). Такие показатели основываются на двух китах – качестве и инновациях¹⁴. Тем не менее, помимо

этих основополагающих показателей, существуют другие маркеры формирования доверия потребителей: вовлеченность, целостность, продукты и услуги и деятельность, удовлетворение нужд и потребностей клиентов, ответственность за свои действия, создание положительного мнения у местной общности.

Рассчитанные за период с 1995 по 2009 г. индексы доверия крупнейших стран мира показали, что в мире не так много стран, где люди доверяют друг другу. За исключением североευропейского региона (Норвегии, Дании и Финляндии) и шести других стран (Швеция, Китай, Швейцария, Саудовская Аравия, Вьетнам, Новая Зеландия), у которых индекс отображает практически равное количество доверяющих и недоверяющих людей, все остальные страны имеют индекс ниже 100. Меньше всего людей, которые доверяют другим, в Турции, Тринидад и Тобаго и Руанде. Россия, в свою очередь, на момент исследования (2005–2008 гг.) занимала 40-е место среди 117 изученных стран мира по степени доверия¹⁵. В 2013 г. Барометр доверия Эдельмана показал, что, если раньше существовало разделение на доверяющих и недоверяющих по географическому признаку, то теперь оно перестало быть столь явно выраженным. Одновременно с этим стираются различия по принципу развитая – развивающаяся страна. Так, например, Бразилия, относящаяся к категории развивающихся, показывает резкое снижение уровня доверия: от 80 в 2011 г. до 55 в 2013 г. Россия, отнесенная к той же категории, показывает относительно стабильное положение индекса: так, в 2011 г. она имела коэффициент 40, в 2012 – 32, а в 2013 – 36.

Отмечено, что самые низкие показатели доверия в России имеют государственные компании. Причиной этого послужили несколько факторов: низкая узнаваемость брендов, недалёковидность генеральных директоров, слишком высокий уровень контроля со стороны государства, а также

восприятие того, что российский бизнес имеет слишком тесные связи с правительством страны, которому не доверяет большинство населения. Медиа-анонсирование по всему миру обмана и коррупции в России очень сильно влияет на доверие к правительству, бизнесу, неправительственным организациям и средствам массовой информации в стране. Действительно, коррупция/обман заняли лидирующее положение среди причин растущего недоверия бизнесу и правительству в России (50 и 57 % соответственно), которые были указаны респондентами. Но была выявлена и позитивная динамика: в то время как уровень доверия к управленцам бизнеса низок (41%), доверие к техническим экспертам (70%) и людям, таким же как вы (52%), занимает достаточно устойчивые позиции¹⁶. Во многом это объясняется не только реально сложившейся ситуацией, но социальными конструктами, придающими значение коррупции в России именно в дискурсе разделения/деинтеграции различных слоев общества.

Широкие возможности для проведения кросс-культурных и межстрановых исследований представляет серия опросов World Values Survey (WVS), используя массив данных которого, мы провели сопоставление уровня межличностного доверия в России и остальных странах мира (вопрос был задан в 57 странах) в разрезе типа организаций-мест работ респондентов. Уровень доверия работающего населения в России сопоставим с мировым уровнем: около четверти работающих считают, что большинству людей можно доверять (табл. 1). За рубежом существуют статистически значимые отличия ответов работников организаций различных типов: менее всего склонны доверять сотрудники частного бизнеса (из них 24,9% считают, что большинству людей можно доверять), а более склонны – самозанятые (33,8%) и сотрудники общественного сектора (30,8%). В России же статистически значимых отличий между данными группами работников не выявлено.

Таблица 1

Уровень межличностного доверия работников организаций различных типов в России (N=1610, 2006 г.) и остальных странах мира (N=35490, 2005–2008 гг.) (WVS)¹⁷

		Тип организации – места работы				Итого	
		Общественный сектор	Частный бизнес	Некоммерч. организации	Самозанятые		
Россия	Склонны доверять	% в типе организаций	23,6	27,6	28,4	25,6	
		Стандарт. остаток	-1,1	1,1	0,5		
	Склонны не доверять	% в типе организаций	76,4	72,4	71,6	74,4	
		Стандарт. остаток	0,7	-0,6	-0,3		
Другие страны	Склонны доверять	% в типе организаций	31,3	24,9	29,6	33,8	27,3
		Стандарт. остаток	8,3	-7,8	2,6	5,5	
	Склонны не доверять	% в типе организаций	68,7	75,1	70,4	66,2	72,7
		Стандарт. остаток	-5,1	4,8	-1,6	-3,4	

Для сравнения можно привести данные пятой волны другого опроса – The European Social Survey (ESS), проведенного в 27 странах Европы в 2010–2011 гг. В его рамках был задан аналогичный вопрос, но использовалась порядковая шкала ответов от 0 до 10, которую мы преобразовали в номинальную для сопоставления данных: значения от 0 до 4 обозначили как склонность к недоверию, а от 6 до 10 – склонность к доверию. Полученные данные позволяют говорить о существенном различии уровня доверия в России и Европе. Если в европейских странах примерно одинаковое количество тех, кто склонен, и тех, кто не склонен к доверию, то в России свыше

2/3 недоверяющего населения. При этом в России статистически значимых отличий между ответами работников организаций разных типов не существует, в то время как в Европе меньшее доверие выразили сотрудники государственных предприятий (склонны к доверию 42,0%) и частного бизнеса (50,2%). Среди сотрудников российских частных фирм склонны доверять 31,2%. Результаты этих исследований позволяют говорить об отсутствии существенного влияния типа работодателя (нас же интересует в первую очередь частный бизнес) на межличностное доверие в российском обществе, согласно данным этого исследования (табл. 2).

Таблица 2

Уровень межличностного доверия в России (N=1756) и странах Европы (N=34883) работников различных типов организаций (ESS, 2010-2011)¹⁸

			Тип организации						Итого
			Федеральные и региональные органы власти	Другие организации общ. сектора	Гос. предприятия	Частные компании	Самозанятые	Другое	
Россия	Склонны доверять	% в типе организаций	32,6	37,0	36,6	31,2	31,1	66,7	33,9
		Стандарт. остаток	-0,1	1,2	0,8	-1,3	-0,4	1	
	Склонны не доверять	% в типе организаций	67,4	63,0	63,4	68,8	68,9	33,3	66,1
		Стандарт. остаток	0,1	-0,8	-0,6	1	0,3	-0,7	
Другие страны Европы	Склонны доверять	% в типе организаций	59,6	60,4	42,0	50,2	49,4	49,8	51,3
		Стандарт. остаток	6,9	8,3	-8,7	-2	-1,5	-0,7	
	Склонны не доверять	% в типе организаций	40,4	39,6	58,0	49,8	50,6	50,2	48,7
		Стандарт. остаток	-7,1	-8,5	8,9	2,1	1,6	0,7	

Американское исследование Pew Social Trends, базируясь на ответах 2000 респондентов, опрошенных по телефону, приходит к выводу, что существует несколько факторов, определяющих уровень доверия населения: семейный доход (чем он выше, тем менее рискованным становится доверять, поскольку последствия неоправданного риска в виде потери средств переносятся легче); раса (люди с белым цветом кожи доверяют больше, чем афроамериканцы или латиноамериканцы); семейное положение (женатые люди доверяют больше, чем одинокие); возраст (люди среднего и пожилого возраста склонны больше доверять, нежели молодежь); близость проживания от города (люди, живущие в сельской местности, более доверчивы, чем горожане); образование (имеющие высшее образование склонны к более высокому доверию, чем люди со средним образованием); социальное положение (бизнесмены и специалисты доверяют больше, чем рабочий класс); служба в армии (люди, которые имели опыт службы, имеют более высокий показатель

социального доверия, нежели те, кто в армии не был); участие в выборах (люди, голосовавшие на президентских выборах, доверяют в два раза больше, чем те, кто в выборах не участвовал)¹⁹. При этом не обнаружено различия в уровнях доверия в зависимости от пола, приверженности политическим взглядам, веры. Исследование также отображает международные показатели: самый высокий уровень социального доверия обнаруживается в однородных, равноправных, обеспеченных Скандинавских странах, в то время как самый низкий уровень социального доверия отмечен Южной Америке, Африке и части Азии.

Принимая во внимание все вышеизложенное, сложно сделать следующие выводы. Пересечение проблемных полей социального доверия и предпринимательства в зарубежных исследованиях наиболее часто происходит в двух точках: первая – формирование доверия внутри коллектива фирмы, вторая – формирование доверия клиентов к конкретному виду предпринимательской деятельности, фирме, бренду. Ценность доверия в бизнес-

структурах или доверия к бизнес-структурам может не представлять никакой ценности для общества и даже, наоборот, иметь дисфункциональный характер в масштабах социетальной системы. Согласно данным международных опросов, межличностное доверие сотрудников организаций разных типов за рубежом существенно отличается по сравнению с Россией, в которой уровни межличностного доверия персонала частных фирм и сотрудников других типов организаций не имеют статистически значимых отличий.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Институт предпринимательства как фактор формирования социального доверия в российских регионах (пример Саратовской области)», № 12–33–01294).

Примечания

- ¹ См.: Management Research on Reciprocity : A Review of the Literature // Markus Göbel, Rick Vogel, Christiana Weber. URL: <http://www.business-research.org/2013/1/management/3645> (дата обращения: 11.09.2013).
- ² См.: Сасаки М. [и др.] Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социс. 2013. № 3. С. 62–73.
- ³ Building Trust in Business 2012 : How Top Companies Leverage Trust, Leadership, and Collaboration // Interaction Associates. URL: <http://www.interactionassociates.com/Trust2012> (дата обращения: 14.09.2013).
- ⁴ Solidarity as a Business Model : A Multi-Stakeholder Cooperatives Manual // Margaret Lund. URL: <http://community-wealth.org/content/solidarity-business-model-multi-stakeholder-cooperatives-manual> (дата обращения: 01.09.2013).
- ⁵ Hanging Together, Together Hung? Career Implications of Interpersonal Ties Between CEOs and Top Managers // Stefan Hilger, Ansgar Richter, Utz Schäffer. URL: <http://www.business-research.org/2013/1/management/3644> (дата обращения: 07.09.2013).
- ⁶ Solidarity-based and Cooperative Economy and Ethical Business: Trends, Innovations and Experiences in Europe // Sonia Buglione, Rainer Schlüter. URL: http://rosalux-europa.info/publications/articles/solidarity_based_ekonomu_in_europe/ (дата обращения: 28.09.2013).
- ⁷ Companies Build Public Trust Through Sustainability Reporting // Hill+Knowlton strategies. URL: www.hkstrategies.com (дата обращения: 20.09.2013).
- ⁸ United States Small Business Friendliness. United States Census Data. 2013 Thumbtack.com Survey. URL: www.thumbtack.com (дата обращения: 20.09.2013).
- ⁹ Entrepreneurship in EU and beyond // Flash Eurobarometer URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_354_en.pdf (дата обращения: 23.09.2013).
- ¹⁰ Entrepreneurship Survey of the EU (25 Member States), United States, Iceland and Norway. Analytical Report // The Gallup Organization. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_192_en.pdf (дата обращения: 23.09.2013).
- ¹¹ Hiring and Employment Procedures for One-Person-Enterprises // Flash Eurobarometer 163-TNS Sofres/EOS Gallup Europe. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_163_en.pdf (дата обращения: 23.09.2013).
- ¹² The Relationship between Group Cohesiveness and Performance : An Empirical Study of Cooperatives Movement in Malaysia // Mohd Zainal Munshid Bin Harun, Rosli Bin Mahmood. URL: <http://wscholars.com/index.php/ijcs/article/view/110> (дата обращения: 01.10.2013).
- ¹³ Cohesion Through Diversity: Presentation Before the Indiana State Office of Minority Health. Minority Health Conference // R. Garry Shirts. URL: <http://www.stsintl.com/business/Cohesion-thru-Diversity.pdf> (дата обращения: 10.09.2013).
- ¹⁴ См.: Executive Summary: 2013 Edelman Trust Barometer // Edelman. URL: <http://www.edelman.com/trust-downloads/executive-summary> (дата обращения: 09.09.2013).
- ¹⁵ Jaime Díez Medrano. Interpersonal trust // ASEP/JDS. URL: <http://www.jdsurvey.net/jds/jdsurveyMaps.jsp?Idioma=I&SeccionTexto=0404&NOID=104> (дата обращения: 23.09.2013).
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ World Values Survey 1981–2008 Official Aggregate v. 20090901, 2009. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: ASEP/JDS, Madrid.
- ¹⁸ ESS Round 5 : European Social Survey Round 5 Data (2010). Data file edition 3.0. Norwegian Social Science Data Services, Norway – Data Archive and distributor of ESS data.
- ¹⁹ Americans and Social Trust : Who, Where and Why // Paul Taylor, Cary Funk, April Clark. URL: <http://pewresearch.org/files/old-assets/social/pdf/SocialTrust.pdf> (дата обращения: 22.09.2013).

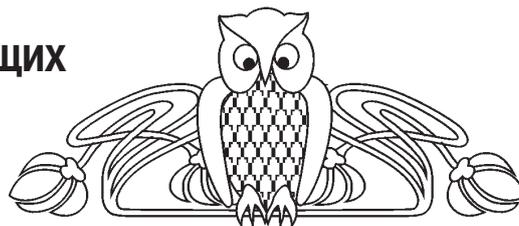

УДК 316.344.34

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ РАБОТАЮЩИХ СТУДЕНТОВ САРАТОВСКОГО РЕГИОНА

Н. В. Шахматова, Н. Н. Огурцова

Саратовский государственный университет
E-mail: ogur-natali@mail.ru

В статье представлены результаты социологического опроса и контент-анализа публикаций СМИ, раскрывающие основные характеристики работающих студентов и проблемы их социальной защищенности, уточняются факторы, препятствующие защищенному трудоустройству.

Ключевые слова: социальная защищенность, студенчество, вторичная занятость, трудоустройство.

Social Protection of Working Students in Saratov Region

N. V. Shahmatova, N. N. Ogurtsova

The article presents the results of social opinion poll and content analysis of mass media publications, revealing the and the Problems of their social protection. The obstacle factors of their protected employment are made more precise, as well.

Key words: social protection, students, secondary recruiting, employment.

В современном российском обществе социальная защита населения является одной из самых актуальных проблем. Произошедшие в постсоветской России глубокие социальные перемены, нестабильность политической и экономической ситуации привели к увеличению численности и расширению спектра социально незащищенных и уязвимых групп населения (малоимущие и безработные, студенческая молодежь, неполные и многодетные семьи, семьи с хроническими больными и инвалидами, мигранты и беженцы и др.). Происходящие в обществе изменения затронули экономическую, политическую и социальную сферы, повлияли на деятельность многих производственных и общественных организаций и общественное сознание, что, в свою очередь, обуславливает и перспективы общественного развития. Демократические преобразования и введение рыночных отношений в комплексе оказали огромное влияние на социум, причем как в позитивном, так и негативном плане. С одной стороны, произошло резкое сокращение социальной защищенности довольно большой части населения, и в первую очередь трудящихся, что может весьма негативно сказаться на дальнейшем развитии общества. А с другой стороны, существенно изменилось общественно-политическое сознание, позволяющее не только сделать происходящие позитивные изменения необратимыми, но и скорректировать возможные негативные отклонения.

Обеспечение высокого уровня социальной защиты всех слоев населения, в том числе и студенчества, на государственном и региональном уровнях, повышение их уровня жизни является главной целью любого прогрессивного общества. Государство обязано создавать благоприятные условия для долгой, безопасной, здоровой и благополучной жизни людей, обеспечивая экономический рост и социальную стабильность в обществе. Потенциальных возможностей защиты населения в настоящее время стало больше: контроль над деятельностью, в том числе и трудовой, наблюдается со стороны не только государства, но и организаций, корпораций, служб и благотворительных фондов.

Одной из форм социальной защиты населения является регулирование занятости на федеральном и региональном уровнях. В современных условиях рыночного реформирования российской экономики занятость и ее регулирование представляются исключительно важной и актуальной проблемой. Это объясняется, прежде всего, тем, что обеспечение полной и эффективной занятости, рассматриваемое как главная цель и средство достижения достойного уровня жизни населения в социально ориентированной экономике, возможно лишь при эффективном целенаправленном регулировании процессов, происходящих на рынке труда и в сфере занятости населения.

Совершенствование форм, методов и практики государственного регулирования занятости населения в муниципальных образованиях может способствовать постепенному уменьшению роста безработицы, повышению эффективности реализации основных направлений политики занятости, обеспечению социальной защищенности различных социально-демографических групп населения в процессе адаптации к рыночным условиям.

Трудовая занятость является характерной особенностью обучения студентов на протяжении всей истории российского высшего образования, но в последние два десятилетия проблема взаимоотношений работодателей и вторично занятых студентов приобрела особую, по сравнению с предшествующими этапами, актуальность. Это связано с тем, что студенческая молодежь является одной из наиболее уязвимых на рынке труда и подверженных влиянию социума категорий населения.

В 2012 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования, целью которого стало изучение профессиональных стратегий студенческой молодежи (общий объем выборки составил 200 респондентов в соответствии с квотно-стратификационной выборкой по четырем ведущим вузам города Саратова).

Наличие работы у респондента – основная характеристика, отражающая картину трудоустройства студентов г. Саратова: 63% респондентов не имеют работы, но стремятся различными способами ее найти; 19% от общего числа опрошенных имеют постоянное место работы; не работают и не имеют желания ее искать 18% студентов.

Одним из основных условий, обеспечивающих оптимальное использование трудового потенциала человека на рабочем месте, выступает соблюдение работодателем трудового законодательства, обеспечивающего работнику безопасность труда, а также удовлетворенность своей деятельностью. В ходе исследования было выявлено, что наиболее часто среди всех положений Трудового кодекса РФ работодатель соблюдает следующие: оформляет трудовой договор с записью в трудовой книжке (30%), а также выплачивает полную официальную заработную плату с учетом всех налогов (20%). Такое положение ТК РФ, как отпуск в полном объеме, соблюдается для 15% опрошенных. Оплата больничных листов производит 11,3% работающих студентов. Работодатель предоставляет услуги по медицинскому страхованию и производит выплату отпускных в полном объеме и в установленный трудовым кодексом срок 7,5% респондентов. Своевременно выплачивают заработную плату 2,5% от общего числа опрошенных. Работают неофициально 2,5% студентов. Данные показывают, что вторично занятые студенты практически не защищены на рынке труда, работодатель далеко не всегда соблюдает все положения Трудового кодекса в отношении данной социальной группы.

В ходе исследования было определено влияние способа нахождения работы на уровень социальной защиты. Было выявлено, что самый высокий уровень социальной защищенности у тех студентов, которые трудоустроились при помощи родителей, родственников и друзей. На их рабочем месте соблюдаются практически все положения Трудового кодекса, при этом студенты работают официально, с записью в трудовой книжке. Студенты, работающие в организации, где проходили ранее производственную практику, тоже в целом защищены, однако им несвоевременно выплачивают зарплату (14,3%). Менее безопасным способом нахождения работы оказался ее поиск через газетное объявление и через объявление на улице. В отношении студентов, нашедших работу при помощи газетного объявления, работодателем соблюдается только оформление трудового договора с записью в трудовой книжке и предоставление отпуска в полном объеме, а для

нашедших работу через объявление на улице не соблюдается предоставление декретного отпуска с сохранением рабочего места. Таким образом, студенты, которые при трудоустройстве опирались на помощь значимых людей и учебного заведения, более защищены на рабочем месте, чем молодые люди, самостоятельно нашедшие работу. Возможно, именно этот фактор объясняет популярность такого способа нахождения работы, как трудоустройства через значимых близких.

При изучении зависимости между личным доходом респондента и защищенностью с точки зрения соблюдения Трудового кодекса на рабочем месте были получены следующие результаты. Данные показывают, что наибольший уровень социальной защиты на предприятии имеют те студенты, которые зарабатывают от 3001 до 20 000 рублей. При этом, чем больше заработная плата, тем выше уровень социальной защиты. У студентов, зарабатывающих в месяц 1000–3000 рублей, соблюдается минимум положений ТК РФ, такие как предоставление услуг по медицинскому страхованию, полная заработная плата с учетом всех налогов и отпуск в полном объеме.

Трудовой стаж является одной из характеристик, отражающих стратегические мотивы наличия работы. В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: чем больше стаж работы, тем выше уровень социальной защиты.

Наличие у респондента работы по специальности говорит о правильности выбора факультета, в котором он обучается. Работа по специальности помогает ему приобрести практические навыки, которые облегчат понимание теоретических знаний. Однако данные исследования показывают, что большинство студентов (76,3%) реализовали себя в совершенно других областях, никак не относящихся в получаемой ими специальности в вузе, и лишь 23,7% респондентов работают по специальности. Однако наличие работы по специальности не влияет на уровень социальной защищенности: работодателем одинаково соблюдаются положения Трудового кодекса как в отношении работающих по специальности, так и в отношении работающих не по специальности.

Степень удовлетворенности студента работой также является одним из важнейших показателей при изучении вторичной занятости данной социально-демографической группы. В ходе исследования было выявлено, что работодателем в отношении полностью удовлетворенных рабочим местом соблюдаются следующие положения: в большинстве случаев оформление трудового договора (22,7%), полная официальная заработная плата с учетом всех налогов (18,2%), отпуск в полном объеме (13,6%), оплата больничных листов (13,6%), своевременная выплата заработной платы (9,1%), медицинское страхование (9,1%), выплата отпускных и предоставление декретного отпуска (по 4,5% соответственно). Работают неофициально лишь 4,5% респондентов.

В отношении частично удовлетворенных работодатели только оформляют трудовой договор (35,7%), выплачивают официально заработную плату (35,7%), оплачивают больничные листы (14,3%), предоставляют отпуск и выплачивают отпускные (по 7,1% соответственно). Данной категории респондентов совершенно не предоставляют декретного отпуска, заработную плату выплачивают несвоевременно, а также не оказывают услуг по медицинскому страхованию.

С полностью неудовлетворенными рабочим местом студентами работодатели лишь оформляют трудовой договор с записью в трудовой книжке (100%). Все остальные положения Трудового кодекса не соблюдаются. Данные показывают прямую зависимость между степенью удовлетворенности рабочим местом и соблюдаемыми положениями ТК РФ: чем выше уровень социальной защищенности, тем выше степень удовлетворенности своей работой.

В 2013 г. был проведен контент-анализ публикаций СМИ, цель которого заключалась в выявлении особенностей освещения темы вторичной занятости студентов на страницах трех популярных газет – «Комсомольская правда», «Аргументы и Факты», «Студенческий меридиан». Всего было проанализировано 55 печатных изданий.

В статьях тематика вторичной занятости студенческой молодежи занимает значительное место. При изучении положения студентов на рынке труда были выявлены достаточно шаткие позиции по отношению к другим категориям населения. Чаще всего в газетах отмечается нестабильность рынка труда, скорый экономический кризис и низкий уровень заработной платы (по 22% соответственно). Это главные проблемы, которые существуют на рынке труда на сегодняшний день. Перенасыщенность кадрами отмечается в 16% случаев, не соблюдаются все положения Трудового кодекса в отношении молодежи в 11% случаев. Остальные трудности, связанные с положением студентов на рынке труда, как обман работодателями и нехватка одного высшего образования для высокой конкурентоспособности, отмечаются в 5% статей соответственно. Однако были выявлены не только проблемы, но и положительные тенденции: происходит постепенная стабилизация экономики России (5%) и увеличение уровня среднемесячной заработной платы

(5%). Данная категория очень широко освещена в газете «Аргументы и Факты», в ней фиксируются 6 особенностей положения студентов на рынке труда из 9 (всего 11), причем были найдены только две положительные тенденции на рынке труда. И обе они упомянуты именно в этой газете. На втором месте журнал «Студенческий меридиан», там освещено 5 проблем. В газете «Комсомольская правда» было упомянуто только 2 проблемы – отсутствие охраны прав молодежи, обман работодателями молодых работников.

Работает студенческая молодежь на непрестижных низкооплачиваемых, должностях: в студенческих трудовых отрядах, вожатыми в детских лагерях, продавцами-консультантами, официантами, барменами и т. д. Минимален процент тех, кто действительно имеет достойную работу. Этот факт еще раз подчеркивает достаточно тяжелое положение студенческой молодежи. При этом было определено, что большинство свободных вакансий – это работа, требующая технической квалификации с применением тяжелого физического труда: слесарем, токарем, грузчиком, разнорабочим. На втором месте – должность менеджера.

Требования, предъявляемые работодателями студенческой молодежи, соответствуют реалиям сегодняшнего дня: студенты при устройстве на работу должны обладать профессиональными, коммуникативными навыками, а также владеть персональным компьютером и быть стрессоустойчивыми.

При помощи проведенного контент-анализа публикаций была определена популярная отрасль наук, на которые ориентирована сегодняшняя молодежь. На первом месте по популярности – экономические специальности (32%), на втором – техническая отрасль (25%), на третьем – гуманитарные специальности (18%). Студенты практически не поступают на юридические специальности и информационные технологии (по 3% соответственно) (таблица). Как ни странно, пользуется популярностью экономическое направление подготовки. Хотя почти в каждой статье отмечалась перенасыщенность рынка труда экономистами, молодежь, тем не менее, мотивирована поступать именно туда, несмотря на труднодоступность в будущем профессии по специальности. Также очень часто в прессе пишется о том, что не хватает на рынке труда специалистов с техническим

Популярная отрасль наук (%)

Популярная отрасль наук	Аргументы и Факты	Комсомольская правда	Студенческий меридиан	% по выборке
Экономические специальности	62,5	60	10	39
Гуманитарные специальности	37,5	20	10	22
Юридические специальности	–	20	–	4
Технические специальности	–	–	70	31
Информационные технологии	–	–	10	4
Итого	100	100	100	100

образованием, хотя велика доля обучающихся по данному профилю. Возможно, это говорит о том, что специалисты-«технари» после окончания обучения идут работать не по своей специальности, отсюда и свободная ниша на рынке труда.

Таким образом, данные авторского исследования ярко демонстрируют, что студенческая молодежь занимает особое положение на рынке труда: с одной стороны, является ведущим носителем инноваций, от которых во-многом зависит будущее страны, а с другой стороны – это одна из наименее защищенных и наиболее уязвимых групп населения. Вторичная занятость саратовских студентов имеет характер нестабильности.

УДК 1:316

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. С. Гегедюш

Поволжский институт управления
имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: ggedush@rambler.ru

В статье охарактеризованы традиционные подходы к структурированию гражданского общества и обобщены современные представления о его структуре. На основании анализа точек зрения о содержании понятия «институт гражданского общества» автор формулирует собственную позицию в отношении определений и в отношении структуры гражданского общества в современной России. Соответствующими примерами подтверждается смешанная природа развития гражданского общества и реализация в нашей стране стратегии доминирования государства.

Ключевые слова: институты гражданского общества, структурирование гражданского общества, сферный подход, институциональный подход.

Structuring of Civil Society: Traditions and Modernity

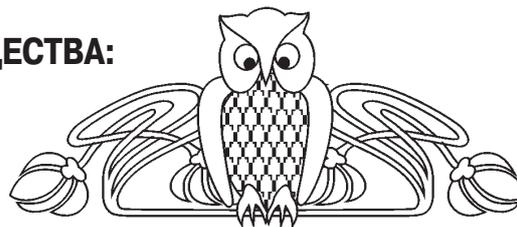
N. S. Gegedyush

The article it describes traditional approaches to the structuring of civil society and summarizes current understanding of the structure of civil society. On the basis of the analysis of different points of view on the concept of «the institution of civil society» the author develops her own position with regarding the definitions and the structure of civil society in contemporary Russia . The author uses appropriate examples to justify a mixed nature of the development of civil society in the implementation of the state-domination strategy in Russia.

Key words: civil society institutions, structuring of civil society, sphere approach, institutional approach.

Ежегодные доклады о состоянии гражданского общества в России с 2006 г. стали обязательным атрибутом деятельности Общественной палаты России в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»¹. Ключевым моментом этой законодательной

Работодатель в отношении большинства представителей данной социальной группы соблюдает минимум положений Трудового кодекса. Однако не все вторично занятые студенты являются незащищенными на рынке труда: молодые люди, трудоустроившиеся при помощи знакомых и учебного заведения, более защищены на рабочем месте, чем нашедшие работу самостоятельно. При этом, чем больше их заработная плата, тем выше уровень социальной защиты. Все это усиливает дифференциацию внутри студенческого сообщества, создавая дополнительные барьеры успешной интеграции молодежи «во взрослую» жизнь.

нормы является слово «ежегодный», поскольку оно предопределяет характер работы палаты по указанному направлению как аналитический, систематический и комплексный. В первом докладе Общественной палаты отмечен главенствующий принцип его подготовки – «непредвзятый, объективный анализ, основанный на фактических данных», а также уточнены причины его использования – «широкое распространение неподкрепленных фактами субъективных оценок положения в российском гражданском обществе, которые нередко приобретают черты политизированного мифотворчества»².

Проведение анализа, основанного на объективных данных, осуществляется посредством социологического инструментария, прежде всего, мониторинга состояния гражданского общества. Исследованиями гражданского общества по заказу Общественной палаты России занимаются Аналитический центра Юрия Левады (Левада-Центр), РОМИР-Мониторинг (ROMIR Monitoring), ЦИР-КОН, Государственный университет – Высшая школа экономики, иные организации. Трудность такого рода исследований, как считаем, сопряжен с разработкой системы измеряемых показателей (индикаторов), по которым можно охарактеризовать состояние элементов гражданского общества и протекающих в нем процессов. Таким образом, ежегодный характер докладов Общественной палаты опосредовал актуализацию вопроса о структуре гражданского общества в России. В научном и общественном дискурсе структура гражданского общества давно и широко обсуждается. Системный анализ сложившихся точек зрения позволяет выделить три доминирующих подхода к структу-

рированию гражданского общества: системный подход, институциональный, секторный³.

Системный подход отталкивается от того, что гражданское общество имеет ряд системных черт, которые проявляются вне зависимости от территориальных и общественно-политических характеристик современных государств. К системным чертам гражданского общества исследователи, в частности В. Н. Карташов, относят следующие: «является разновидностью социальной (в широком смысле), управляющей и управляемой системой, обладает определенной суверенностью и иерархичностью, стабильностью и динамизмом, открытостью и адаптивностью, органической целостностью (единством) и дифференцированностью»⁴. Гражданское общество как система включает в себя социальную, экономическую, политическую, духовную подсистемы, которые, в свою очередь, также структурируются.

Экономическую основу гражданского общества составляет частная собственность, средства производства, свобода предпринимательской, трудовой и потребительской деятельности, наличие которых обеспечивает отдельным индивидам экономическую самостоятельность и независимость от государства. Социальную основу гражданского общества представляют различные социальные общности – демографические, этнические, профессиональные и пр. В научном сообществе существует точка зрения, что первичной социальной единицей гражданского общества является семья. Как социальный институт она транслирует ряд социальных норм, образцов поведения. Считается также, что семья является «наиболее устойчивым институтом гражданского общества, сохраняющим автономию в отношении государства»⁵.

Политическая подсистема гражданского общества представлена негосударственными политическими институтами, прежде всего политическими партиями и общественными движениями, а также общественно-политическими отношениями. Сюда же, как отмечает Г. А. Здравов, ряд исследователей относит местное самоуправление, негосударственные средства массовой информации. Духовная подсистема гражданского общества – это совокупность социокультурных отношений. В демократических государствах духовной основой гражданского общества выступает идеологический плюрализм. Духовная сфера гражданского общества, по мнению В. Н. Говоркова, призвана обеспечить свободу мысли, слова, реальную возможность высказать свое мнение, самостоятельность и независимость творческих объединений, религиозных формирований⁶.

Секторный подход к структурированию гражданского общества опирается на деление всего общества на три сектора или сферы: 1) государство в лице государственных и политических институтов, процессов и отношений; 2) бизнес-общество в виде деловых частных предприятий и организации, ориентированные на получение при-

были; 3) неприбыльный сектор как совокупность «групп населения и организаций, не ставящих перед собой целей увеличения личного дохода непосредственно через участие в работе таких групп и организаций или через владение ими»⁷. Деление на секторы существует в горизонтальной системе координат, чем подчеркивается их равноправие. Вынесение вопроса в вертикальную плоскость позволяет определить уровни гражданского общества: во-первых, деятельностный, включающий в себя юридически оформленные отношения между тремя перечисленными секторами общественной жизни; во-вторых, негражданский или криминализованный уровень как систему отношений между тремя секторами, имеющую криминальную ориентацию. По мнению сторонников данного подхода, между деятельностным и негражданским уровнями встроено гражданское общество – с одной стороны, это «отношения в рамках правового поля, с другой, не подлежащие полной формализации и регулированию со стороны государства»⁸.

Институциональный подход к структурированию гражданского общества опирается на социальный институт как форму организации жизни общества, функция которого – регулирование социальных действий и социальных связей. Сторонники этого подхода рассматривают гражданские институты как институты всего общества, находящиеся на определенной стадии своего развития, а не какой-то его части или подсистем. В рамках анализируемого подхода структуру гражданского общества составляют следующие институты: 1) личность; 2) семья; 3) школа; 4) церковь; 5) собственность и предпринимательство; 6) социальные группы, слои, классы; 7) частная жизнь граждан и ее гарантии; 8) институты демократии; 9) общественные объединения, политические партии и движения; 10) независимое правосудие; 11) система воспитания и образования; 12) свободные средства массовой информации; 13) негосударственные социально-экономические отношения и др.⁹ Такая интерпретация структуры гражданского общества, считаем, очень широка, но именно этот подход является наиболее разделяемым.

Проведенный анализ в целом свидетельствует об отсутствии единого представления о структуре гражданского общества. На наш взгляд, структурирование гражданского общества должно проводиться по аналогии со структурированием общества как такового. Соответственно, структуру гражданского общества составляют институты, отношения и процессы, формирующиеся и функционирующие в обществе и прямо не связанные с публичной властью. Подтверждение такой позиции мы находим в трудах Л. С. Мамута, предложившего расширительную концепцию гражданского общества и считавшего, что оно охватывает практически все человеческие отношения. Отождествляя гражданское общество с обществом как таковым, он все же формулирует конкретные

характеристики гражданского общества: «1а) это сложная система горизонтальных, одноуровневых связей, в которой практически нет места порядку субординации; б) это сфера реализации людьми их партикулярных интересов (индивидуальных и групповых); в) архитектоника гражданского общества строится как некая комбинация горизонтальных связей, но отнюдь не как организация со всеми присущими таковой атрибутами»¹⁰. В понимании Л. С. Мамута государственность и общество различаются способами интеграции.

Интересной представляется точка зрения Ф. С. Богдановского, который указывает на наличие у гражданского общества свойства к катализации: некоторое событие может спровоцировать «спящие» структуры гражданского общества к активным действиям и проявлениям своей позиции, а также появление новых структур или как минимум проявления гражданского общества¹¹. Таким образом, формирование структуры гражданского общества возможно, во-первых, естественным, т. е. эволюционным, путем, во-вторых, искусственным путем, когда субъекты публичной власти определяют желаемое для них направление движения. Здесь уместно вспомнить собственно о создании Общественной палаты России, вслед за которым аналогичная практика достаточно быстро распространилась на уровень регионов и на уровень муниципалитетов. Формирование федеральной общественной палаты было инициировано Президентом России. Несмотря на значимость функций общественных палат, государственные служащие и представители муниципальной власти называют их громоотводами. Распространение данной практики подтверждает тот факт, что с начала 2000-х гг. в России реализуется стратегия доминирования государства, когда «гражданское общество встраивается в общественно-политическую систему»¹².

Возможности использования различных способов формирования гражданского общества прослеживаются в рамках социальной инженерии. Здесь развитие гражданского общества рассматривается как результат длительной социально-культурной эволюции, с одной стороны, и как результат рационального выбора людей, их целеполагания и целедостижения, с другой стороны. Следовательно, любое гражданское общество стоит рассматривать как систему смешанного или естественно-искусственного типа, где естественные и искусственные элементы выражают соответственно спонтанные и целенаправленные процессы развития.

Представленные в современной науке подходы к структурированию гражданского общества предполагают вычленение неких «элементарных» единиц. Системообразующей единицей структуры гражданского общества можно считать «институт гражданского общества». Данный термин широко используется как в нормативных документах, так и в повседневной практике. Однако юридически

закрепленного определения в российском правовом поле нет. На этапе становления российского правового демократического государства исследователи очерчивали контуры структуры гражданского общества очень широко, считая институтами гражданского общества даже коммерческие организации и учебные заведения.

В 2001 г. С. В. Калашников предложил отнести к институтам гражданского общества не только семью, все виды религиозных конфессий, ассоциации, союзы, фонды, общественные объединения, но и коммерческие предприятия, банки, акционерные общества, трудовые коллективы, фермерские хозяйства, органы местного самоуправления, правозащитные организации, клубы по интересам, негосударственные средства массовой информации, коммерческие учебные заведения¹³. В развитие этой идеи И. Ж. Исаков выделил среди них унитарные предприятия и учебные заведения (государственные и негосударственные), профессиональные союзы как институты социально-экономической и культурной сфер, а также средства массовой информации, независимо от формы собственности¹⁴.

Одна из первых дефиниций понятия «институты гражданского общества» сформулирована Л. М. Романенко – это «исторически сложившиеся, устойчивые формы самостоятельности социальных субъектов и организации их отношений и взаимодействий, существующих вне рамок государства и развивающиеся без его прямого вмешательства»¹⁵. Собственно к институтам гражданского общества ею были отнесены община, семья, городские коммуны, соседские общности, религиозные сообщества, общественные движения и организации, система средств массовой информации, клубы и общества по интересам, профсоюзы. Позиция Л. М. Романенко была сформулирована в 1995 г. В настоящее время большая часть исследователей придерживается такого взгляда и развивает его.

И. А. Халий считает, что под институтами гражданского общества можно понимать «организованные так или иначе объединения граждан, действия которых направлены на реализацию каких-либо целей и задач, на разрешение собственных, общих для групп проблем». К ним он относит общественные движения, неправительственные организации, еще неорганизованные, но уже объединившиеся неформально для консолидированных коллективных действий граждане – такие группы называют гражданскими инициативами, а также структуры, их объединяющие, например сетевые общероссийские или региональные неправительственные организации, общественные палаты, комитеты и т. п.¹⁶ Как видим, прямого отношения к экономике институты гражданского общества не должны иметь. Их основная задача – реализация гражданских инициатив по решению тех или иных социальных проблем. Важным считаем тот факт, что в определении, сформулиро-

ванном И. А. Халием, центральное место занимает гражданин как человек, добровольно взявший на себя функцию общественного деятеля.

Сложность структурирования гражданского общества состоит в том, что это не статичное явление, но, по сути, живой организм, который по мере развития приобретает новые черты, формирует новые отношения, включается в новые внутренние и внешние процессы. В результате появляются и институционализируются новые практики гражданского общества. Как отмечает В. Максименко, гражданское общество не имеет законченных институциональных и культурных форм своего бытия¹⁷. Но в этом, вероятно, и заключается его преимущество, определяющее возможность гражданского общества приспосабливаться к ускоряющемуся и многолинейному историческому движению. Итак, перечень проявлений гражданского общества носит открытый характер, но в нем должны быть какие-то транслируемые из поколения в поколение социальные практики или институты.

В условиях множественности определений понятия «институт гражданского общества» появляются попытки формулирования универсальных критериев, соотнесение с которыми позволит считать ту или иную социальную практику таким институтом. По мнению И. С. Усватова, социальная практика может считаться институтом гражданского общества в случае, если она удовлетворяет следующим критериям: 1) является сообществом людей, созданным для достижения общих целей; 2) может влиять на принятие управленческих (и политических) решений; 3) основана на принципе добровольности участия; 4) обладает политической независимостью и экономической самостоятельностью¹⁸.

В современных условиях в качестве специфической черты института гражданского общества можно выделить способность к реализации совокупности следующих функций гражданского общества: контрольной – осуществление контроля за деятельностью органов публичной власти; информационно-разъяснительной – информирование общественности и влияние на общественное мнение; правового просвещения – осуществление деятельности, направленной на повышение уровня правовой культуры населения; содействие в решении проблем социально-культурной сферы.

Как результат проведенного анализа обозначилась преобладающая в российском научном сообществе точка зрения, что институты гражданского общества – это общественные организации, уже осуществляющие деятельность в соответствии с действующим законодательством или только формирующиеся как общественная инициатива. Нам представляется верным рассматривать институты гражданского общества как политически независимые и экономически самостоятельные, основанные на принципе добровольности участия сообщества граждан, соз-

данные для достижения общих социальных целей, связанных в том числе с возможностью оказывать влияние на принятие управленческих решений. Соответственно данному определению мы не рассматриваем, к примеру, семью, местное самоуправление как институты гражданского общества. В отношении семьи отметим, что первичная цель такого объединения усилий не связана ни с попыткой решения актуальных социальных проблем, ни с попыткой оказать влияние на принятие управленческих решений. При этом подчеркнем, что состояние и положение семьи как социального института оказывает существенное влияние на развитие гражданского общества. Происходит это постольку, поскольку ценностные установки человека в значительной степени формируются в процессе воспитания. В докладах Общественной палаты России семья не фигурирует ни в какой роли.

В противовес семье анализ местного самоуправления как института гражданского общества присутствует в докладах Палаты. Но если в 2006 г. местное самоуправление в докладе было обозначено именно как институт гражданского общества, то в докладе 2010 г. с опорой на двойственную природу местного самоуправления, закрепленную в Конституции России, оно рассматривается и как уровень публичной власти, и как институт гражданского общества. Наша позиция иная, поскольку под местным самоуправлением понимается, прежде всего, деятельность органов муниципальной власти, а не граждан. Нормы Конституции России и Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁹ позволяют выделить четкую иерархию и структуру отношений в системе местного самоуправления. При этом формы участия населения в осуществлении местного самоуправления определены законодательно, их процедура регламентирована муниципальными правовыми актами. Политическая история становления местного самоуправления в современной России свидетельствует об отсутствии здесь инициативности и самоуправления как такового. В условиях финансовой недостаточности муниципальные образования зависимы от государственной власти и управляемы последней. Однако мы не оспариваем функции местного самоуправления по содействию развитию институтов гражданского общества, а также значимости инициатив граждан, связанных с решением вопросов местного значения.

Подытоживая проведенный анализ, подчеркнем, что в рамках мониторинга состояния гражданского общества должны системно изучаться как минимум следующие институты гражданского общества:

- 1) общественное участие и общественные инициативы;
- 2) общественные объединения во всех организационно-правовых формах;

3) благотворительность и добровольчество;
4) негосударственные средства массовой информации;

5) территориальное общественное самоуправление. Это утверждение сформулировано как результат изучения докладов о состоянии гражданского общества в Российской Федерации и ее субъектах, об опыте работы по формированию доклада о состоянии гражданского общества в Саратовской области в 2011 г., а также на основе социологических опросов, проводимых автором на территории Саратовской и Самарской областей в 2012 и 2013 гг.

В современной науке представлены многие трактовки категории «гражданское общество». Частота и острота обсуждений этих трактовок охарактеризована А. А. Гусейновым так: «Никто не может сказать толком, что такое гражданское общество, но все знают, что это хорошо»²⁰. Резюмируя многие подходы, считаем, что гражданским можно называть общество, структура отношений в котором ориентирована на гражданина, рассматривающего себя как ведущую силу общественного жизнеустройства. Гражданское общество – это не простая совокупность граждан одного государства, не просто набор институтов и механизмов, но некая система ценностей, позволяющая конкретному индивиду чувствовать собственную значимость как элемента общественной жизни.

С точки зрения структурирования гражданского общества все сложившиеся подходы опираются на вычленение структурных элементов гражданского общества. Мы считаем возможным говорить о такой единице гражданского общества, как «институт», понимая, что оно не описывает всей сложности изучаемого явления, а лишь помогает идентифицировать некие социальные практики и исследовать их в динамике. В то же время спектр институтов гражданского общества очень широк и его нельзя сводить только к организациям третьего сектора. Одним из важных концептов является система социокультурных ценностей гражданского общества, которая также должна находить адекватное отражение в докладах о состоянии гражданского общества как в России в целом, так и на уровне отдельных регионов.

Примечания

¹ Рос. газ. 2005. 7 апр.

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации в 2006 г. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2007. Общественная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.oprf.ru/files/files/doklad.pdf> (дата обращения: 13.10.2013).

³ См.: *Здоров Г. А.* Модель структуры гражданского общества // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2011. № 2. URL: www.jurnal.org/articles/2011/polit2.html (дата обращения: 21.09.2013).

⁴ *Карташов В. Н.* Гражданское общество как система (социально-правовой аспект) // Вестн. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 37–43.

⁵ *Здоров Г. А.* Указ. соч.

⁶ См.: *Говорков В. Н.* Саморегулируемые организации и их вклад в становление и развитие гражданского общества в России. URL: niitruda.ru/analytics/materials/1v.doc (дата обращения: 19.11.2013).

⁷ *Сунгуров А. Ю.* Структуры гражданского общества и их взаимодействие с властью в России // В поисках гражданского общества / отв. ред. К. Ф. Завершинский. В. Новгород, 2008. НовГУ им. Ярослава Мудрого. С. 173–209.

⁸ *Здоров Г. А.* Указ. соч.

⁹ См.: *Чулюкова С. А.* Общественные организации (объединения) и их роль в становлении гражданского общества. М. : Академия естествознания, 2012.

¹⁰ Гражданское общество, правовое государство и право (круглый стол) // Вопр. философии. 2002. № 1. С. 27–29.

¹¹ Материалы семинара Общественной палаты Российской Федерации «Структура современного гражданского общества» (стенограмма). 14 февраля 2013 г. // Общественная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/1862/1933/newsitem/20232> (дата обращения: 18.06.2013).

¹² *Аузан А.* О необходимости кардинального изменения стратегии в отношениях государства и общества : выступление на заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 15 апреля 2009 г. URL: <http://sites.google.com/site/galenko49/Home/materialy/auzan> (дата обращения: 10.10.2013).

¹³ См.: *Калашиников С. В.* Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 51.

¹⁴ См.: *Искаков И. Ж.* Гражданское общество и его институты в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 94.

¹⁵ *Романенко Л. М.* О методике исследования гражданского общества // Соисс. 1995. № 1. С. 129.

¹⁶ *Халий И. А.* Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Khaliyu.pdf> (дата обращения: 10.10.2013).

¹⁷ См.: *Максименко В.* Идеологема civil society и гражданская культура // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 1. С. 114.

¹⁸ *Усватов И. С.* К вопросу о структуре гражданского общества : определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 82–86.

¹⁹ Рос. газ. 2003. 8 окт.

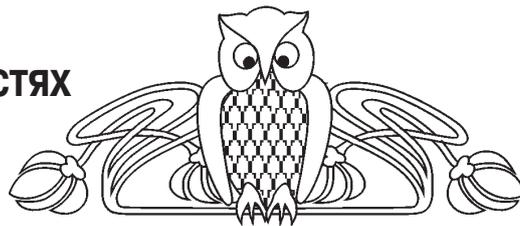
²⁰ Гражданское общество, правовое государство и право (круглый стол). С. 31.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА

Р. М. Нагимов

Казанский юридический институт МВД России
E-mail: nagram77@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся региональных особенностей функционирования системы государственного заказа, представлены данные эмпирических исследований на основе экспертного опроса, выявляющих основные проблемы в системе реализации государственного заказа.

Ключевые слова: государственный заказ, государственные закупки, институт государственного заказа, субъект государственного заказа.

Revisiting Regional Specific Features on System Operation of State Order

R. M. Nagimov

The article discusses issues concerning the regional peculiarities of functioning of the state order system, data are presented on the basis of empirical studies expert survey to identify major problems in the implementation of the system of state order.

Keywords: state order, public procurement, the institution of the state order, the subject of the state order.

Функционирование системы государственного заказа является одной из актуальнейших проблем становления правового государства в России, так как вопросы, касающиеся системы государственного заказа, затрагивают существенные стороны функционирования государственного аппарата, всех сфер общественной и экономической жизни страны. От эффективности и результативности деятельности по реализации государственных закупок на товары и услуги зависит в конечном итоге, какого качества и в каком объеме население получит государственные услуги, насколько эффективно будут использованы бюджетные средства для обеспечения достойного уровня и качества жизни населения. Кроме того, именно в сфере государственного заказа концентрируются гигантские финансовые потоки, что формирует почву для наиболее масштабных коррупционных проявлений. Следовательно, правовое регулирование вопросов, касающихся государственной закупки товаров, работ и услуг для удовлетворения нужд различных заказчиков, лежит в основе теоретических измышлений и практического опыта, направленного на совершенствование данной системы.

Несмотря на актуальность исследуемой проблемы, в научной литературе нет единого понимания проблемы государственного заказа. Так, В. А. Галанов, О. А. Гришина, С. Р. Шибяев¹ считают, что государственный заказ – это оформленные по закону государственные нужды, которые подлежат удовлетворению в процессе государственных закупок. По мнению Е. Г. Ефимовой², государственные закупки – это спрос правительства на товары и услуги военного и гражданского назначения. Такое понимание вопроса отождествляет институт государственного заказа со спросом правительства на товары и услуги, вместе с тем работы, как самостоятельная категория закупаемой продукции, автором не учитываются вообще.

По мнению другого исследователя, В. А. Щербакова³, государственный заказ является специальным правовым инструментом, регулирующим деятельность государства и исполнителей, а также отношения между ними в сфере удовлетворения потребностей государства в определенных товарах, услугах и работах. Данное определение, на наш взгляд, лишь фрагментарно раскрывает суть исследуемого явления, упуская ряд важных компонентов. По нашему мнению, государственный заказ представляет собой публично-правовой инструмент регулирования двусторонних отношений между государственным заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по удовлетворению государственных нужд в товарах (работах, услугах), необходимых для реализации мероприятий, предусмотренных государственными программами Российской Федерации, федеральными целевыми и специальными программами, а также иными документами стратегического и программно-целевого планирования Российской Федерации и ее субъектов.

Для выявления региональных особенностей функционирования системы государственного заказа нами проведен экспертный опрос среди представителей заказчиков, поставщиков, контролирующих органов и специализированных организаций.

Какие основные проблемы выделили эксперты в системе государственного заказа? Наиболее часто выделяемой проблемой является неработоспособность Общероссийского сайта zakupki.gov.ru или торговых площадок (24,6%).

Существуют проблемы и с освоением необходимых программных средств (16,9%) и недостаточной проработанностью технического задания со стороны заказчиков (16,9%), в результате чего становится возможным демпинговое снижение цены контракта в ущерб качеству поставляемой продукции. 15,8% опрошенных отметили, что наблюдается противодействие со стороны заказчика, выражающееся в лоббировании интересов

одного из поставщиков путем «заточивания» требований в документации под конкретного поставщика. Нерешенными остаются проблемы кадрового обеспечения системы государственного заказа – 14,4% участников опроса отметили, что нуждаются в квалифицированных кадрах. Каждый десятый респондент (11,3%) считает, что для обеспечения заявки не хватает средств (рис. 1).

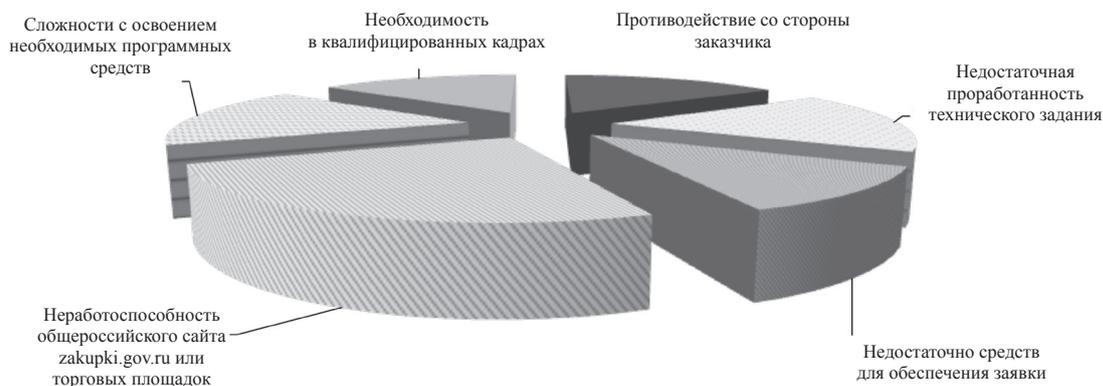

Рис. 1. Основные проблемы в системе государственного заказа

Рассмотрим данные проблемы в разрезе субъектов государственного заказа. С точки зрения поставщиков, все названные проблемы имеют место, и среди них наиболее острой является проблема освоения программных средств, применяемых в системе государственного заказа (71,1%). Кроме того, недостаточная проработанность технического задания также вызывает неудовлетворенность со стороны подавляющего большинства поставщиков (68,4%). Каждый второй участвовавший в опросе поставщик (52,6%) заявил, что имеются факты противодействия со стороны заказчика, лоббирующего интересы аффилированных структур. Около половины их (44,7%) считают, что Общероссийский сайт и электронные торговые площадки функционируют неудовлетворительно. Почти треть поставщиков (31,6%) испытывают необходимость в квалифицированных кадрах в сфере государственного заказа, а каждый четвертый (25,8%) жалуется на нехватку средств для обеспечения заявки, что исключает участие в торгах небольших предприятий, способных поставлять высококачественную продукцию. Это особенно характерно для сельскохозяйственных производителей, представителей малого бизнеса, предприятий, предоставляющих интеллектуальные услуги.

Заказчики также выделили ряд серьезных проблем. Как и поставщиков, их в наибольшей степени беспокоит проблема освоения и использования программных средств, применяемых в системе государственного заказа, что они связывают с нехваткой квалифицированных

кадров (34,4%). С кадровыми проблемами можно связать и неудовлетворенность заказчиков качеством проработки технических заданий (18,8%), и проблемы, возникающие в ходе работы на электронных торговых площадках и сайтах (18,8%). Специализированные организации, хотя и в меньшей степени, но все же испытывают неудовлетворенность работой системы. Они выделили такие проблемы, как противодействие со стороны заказчика (34,3%), недостаточную проработанность технического задания (27,3%), неработоспособность сайта и торговых площадок (23,1%). Большинство вышеназванных проблем связано с недостаточной квалификацией сотрудников заказчика или поставщика и отсутствием возможностей, а также обучающих программ и площадок для специалистов (24,0%).

Представители контролирующих органов считают, что наиболее острой проблемой в функционировании системы государственного заказа является проблема противодействия со стороны заказчика, выражающаяся в лоббировании интересов аффилированного поставщика, создании неприемлемых условий для остальных участников торгов (63,2%). 43,2% респондентов из числа представителей контролирующих органов отметили, что наблюдается недостаточная проработанность технического задания, что формирует почву для коррупционных действий или сговора между заказчиком и аффилированной структурой. Также серьезной проблемой является качество работы специализированных сайтов и электронных торговых площадок – по мнению 37,6% представителей

контролирующих органов, они работают неудовлетворительно. Кадровые вопросы (25,6%) и уровень квалификации сотрудников (28,6%) также являются серьезной проблемой и для контролирующих органов (рис. 2)

Подводя итог, мы попросили респондентов оценить систему государственного заказа России в целом (рис. 3). Большинство опрошенных (51,7%) считают, что в системе есть небольшие изъяны, но в целом она работает успешно. Од-

нако более трети участников опроса (35,8%) отметили, что система государственного заказа страны в таком виде, в каком она существует на сегодняшний день, нежизнеспособна и нуждается в коренном изменении. Причиной тому являются и низкая эффективность торгов, не нацеленных на сбережение финансовых средств государства и муниципалитетов, и рост коррупции в данной сфере, и отсутствие четкого государственного регулирования, и многое другое.

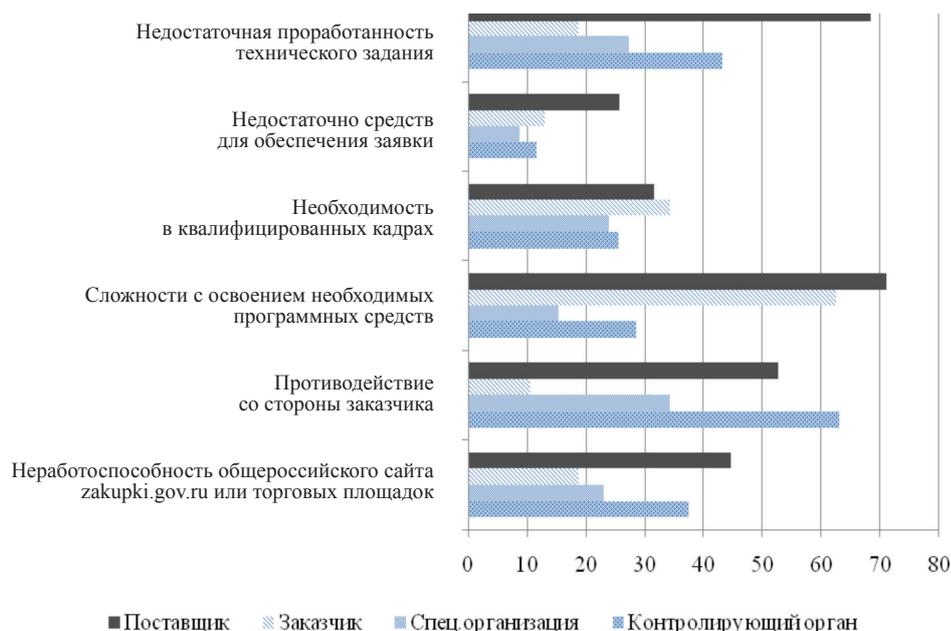

Рис. 2. Распределение ответов субъектов государственного заказа на вопрос: «С какими проблемами Вы сталкиваетесь во время работы с государственным заказом?»

В чем участники опроса видят решение данной проблемы? Прежде всего, это обеспечение стабильности работы официального сайта Российской Федерации для публикации информации о размещении заказов, а также работы электронных торговых площадок (41,7%). 36,7% опрошенных нами респондентов считают, что необходимо создать единый орган по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. По мнению 35,8% респондентов, создание учебно-информационных центров по подготовке, переподготовке и повышению квалификации работников системы государственного и муниципального заказа позволило бы решить проблему кадрового голода в этой сфере и в конечном итоге привело бы к повышению эффективности функционирования всей системы. Необходимость оказания помощи поставщикам, исполнителям и подрядчикам в виде кредитования обеспечения заявок на торгах, льготного пользования складами, предоставления различных государственных и муниципальных

кредитов является на сегодняшний день довольно острой проблемой. В связи с этим 33,3% опрошенных считают, что решение данной проблемы привело бы к улучшению ситуации в сфере государственного заказа. 30,0% респондентов проявили склонность к репрессивным мерам в решении проблемы – по их мнению, следует повысить ответственность перед законом за нарушения в области государственного заказа. 23,3% участников опроса считают, что повышению эффективности функционирования системы государственного заказа способствовало бы более широкое применение открытых аукционов в электронной форме, разработка типовой конкурсной, аукционной документации, нормативной документации об открытом аукционе в электронной форме на отдельные группы товаров, работ и услуг, а также создание справочника цен. По мнению 10% участников опроса следует запретить запрос котировок. Все эти меры способствовали бы улучшению деятельности участников системы государственного заказа и снижению коррупционной составляющей этих процессов (рис. 4).

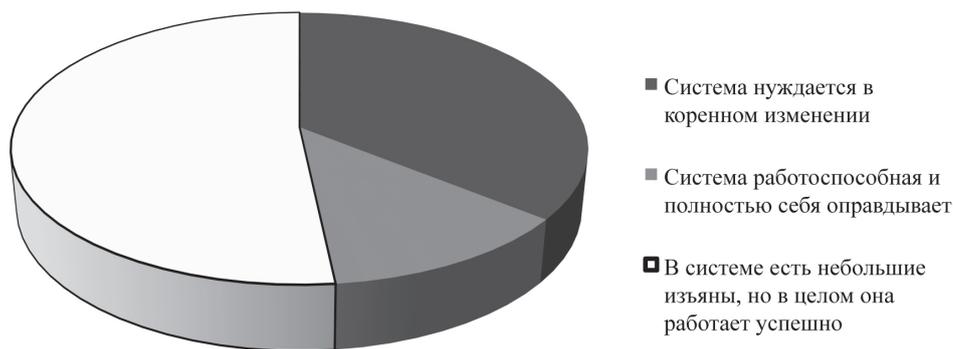

Рис. 3. Оценка респондентами системы государственного заказа

Рис. 4. Рекомендации по совершенствованию системы государственного заказа

Таким образом, институт государственного заказа России имеет существенные недостатки, связанные как с функционированием самой системы государственного заказа в виде неработоспособности специализированных торговых площадок, так и с отсутствием грамотных профессионалов, имеющих профильное образование. Острой остается проблема коррумпированности данной сферы. Переход к контрактной системе и серьезное реформирование данной сферы способствовали бы решению многих системных, в том числе и региональных проблем.

Примечания

- 1 См.: Галанов В. А., Гришина О. А., Шибяев С. Р. Зарубежный опыт закупочной деятельности государства : учеб.-метод. пособие. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 57.
- 2 См.: Ефимова Е. Г. Экономическая теория : учеб. пособие. М. : МГИУ, 2007. С. 150.
- 3 См.: Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2006.

УДК 316.3

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ РИСКА: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

А. В. Шавров

Саратовский государственный университет
E-mail: softgreen777@mail.ru

Статья посвящена определению дефиниции общества потребления риска. Подчеркивается, что данная категория не является просто компиляцией уже существующих понятий, задачей статьи является введение дефиниции «общество потребления риска».

Ключевые слова: общество риска, общество потребления, потребление рисков.

Risk Consuming Society: the Problem of Definition and Methodology

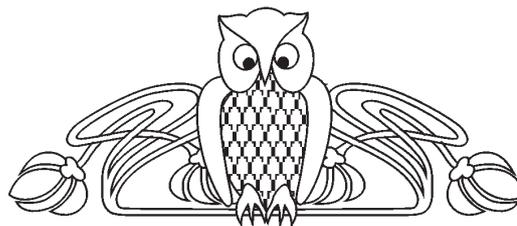
A. V. Shavrov

This article is dedicated to the problem of definition of risk consuming society. The main aim not only to compile the terms «consumer society» and «society of risk», but to introduce the new definition.

Key words: society of risk, consumer society, risk consuming society.

Начиная разговор об обществе потребления риска, следует сделать небольшую оговорку – данная дефиниция не является компиляцией двух уже существующих определений – «общество потребления» и «общество риска». Мы рассматриваем систему рисков как самовоспроизводящуюся, рефлектирующую систему, при этом оказывающую принципиальное воздействие на развитие и функционирование других систем общества. Также хотелось бы подчеркнуть, что подход, используемый в данной статье при исследовании рисков, является в некотором роде междисциплинарным. В этом мы следуем негласным рекомендациям У. Бека по применению комплексного подхода к исследованию проблемы рисков¹. Тем не менее для начала необходимо кратко оговорить истоки двух вышеупомянутых терминов.

Впервые о потреблении как о социально значимом явлении заговорил видный американский социолог и экономист Торстейн Веблен. Понятие «потребление» появляется в его работе «Теория праздного класса»². Веблен говорит о потреблении как о явлении, присущем господствующему непродуцирующему классу. Одной из разновидностей является «демонстративное потребление» – потребление благ, недоступных большинству населения. Однако следует отметить, что сейчас мы можем говорить о потреблении не только и не столько в контексте высших классов, сколько в контексте масс. Процесс потребления давно стал массовым, направленным в центр общества

и больше не является прерогативой праздного класса.

Определение «общество потребления» принадлежит известному немецкому социологу, психологу и философу Эриху Фромму. В своей книге «Здоровое общество» он исследовал современное западное либеральное общество, полагаясь на методологию психологии. Несмотря на то что Фромм непосредственно не занимался изучением рисков, в определенном смысле мы можем интерпретировать его боязнь индивида «отрыва от корней» при переходе к каждому новому этапу развития, во-первых, как боязнь риска и, во-вторых, как некое позитивное значение риска, стимулирующее дальнейшее развитие³. Во втором случае риск конвертируется в возможность, о чем впоследствии Жижек Славой напишет: «...в эпоху “общества риска” <...> господствующая идеология пытается продать нам саму незащищенность..., под видом возможности новых свобод»⁴.

Другая значительная заслуга Фромма – в определении дихотомии устремлений индивида: с одной стороны, сознание направлено на «переход от животного образа жизни к очеловеченному существованию», с другой – «на возвращение к природе, определённости и безопасности». Эта дуальность представляет собой основной парадокс и в то же время основной принцип воспроизводства системы рисков: желание максимально обезопасить себя от угроз внешнего мира и готовность идти на еще больший риск суть две стороны одной медали.

Своей популяризацией термин «общество потребления» обязан одноименному труду Бодрийара⁵. Желание избежать опасности у современного человека перерождается в *конформизм* и погружение в мир симулякров в контексте гиперреальности – такова основная идея произведения Бодрийара.

Важной вехой в понимании общества потребления является идея «общества спектакля», высказанная французским исследователем Ги Дебором⁶. Критика общества потребления у Ги Дебора осуществляется через критику средств массовой информации и повышение роли развлечений, что, по сути, роднит его идеи с идеями Г. Маркузе, говорившем о СМИ как об одном из факторов, отчуждающим человека от самого себя

посредством установления в индивидуальном бессознательном ложных ценностей и установок.

Характерной особенностью общества потребления является массовое потребление материальных благ, обусловленное и обуславливающее соответствующую систему ценностей и установок.

Термин «общество риска» появился немногим позже, в 80-х гг. прошлого века благодаря фундаментальной работе Ульриха Бека «Общество риска: На пути к другому модерну». Следует признать, что на протяжении веков трактовка самого понятия «риск» периодически изменялась и обрала новыми толкованиями. Как отмечает Н. Луман⁷, о риске начали говорить в переходный период от Средневековья к западной современности. На самом же деле дефиниция риска в философской традиции восходит к древней дихотомии понятий рациональности и неопределенности, однако в задачи данной статьи не входит столь глубокий анализ морфологических и философских оснований, поэтому мы предпочтем ограничиться основными моментами.

Подробное внимание различиям дихотомии риска, надежности и опасности уделил немецкий социолог Н. Луман. Он пришел к выводу, что свободного от риска поведения не существует, поскольку не существует абсолютной надежности. Также, сам случай принятия решений автоматически связывается с риском, таким образом, отказ от риска значил бы отказ от самой рациональности.

У. Бек в своей работе «Общество риска: На пути к другому модерну» подробно останавливается на изучении глобальных рисков, прежде всего экологических. Отметая саму дефиницию постмодерна, он говорит о новой фазе общественного развития как о некоем «переходном» периоде между модерном и постмодерном. По мнению ученого, современное общество уже не может считаться индустриальным, в то же время не являясь в полной мере постиндустриальным. Такое общество получает названия «общество риска». Сам риск рассматривается в качестве категории неизбежной, глобальной для всего человечества угрозы.

Одной из ключевых трактовок риска как такового является концепция Ф. Найта. В работе «Риск, неопределенность и прибыль» он проводит различие между непосредственно риском и неопределенностью. Таким образом, говоря о количественном измерении риска, мы также можем говорить и о его прогнозируемости и анализе, в то время как неопределенность не предоставляет нам такой возможности⁸.

Экономический риск в широком смысле – это риск, который приобретает экономическое измерение. Отличительные особенности экономиче-

ского риска – долгосрочный характер, связанный с перспективным развитием, и более легкая прогнозируемость. Экономический риск в узком смысле обычно рассматривают как предпринимательский риск. Успешность развития предпринимательской деятельности базируется на принятии риска как стимулятора развития.

Учитывая новую глобальность, о которой говорил Бек, возможно утверждать, что риски, являясь сами по себе аутопоэтической системой, становятся и субъектом, и объектом процесса потребления.

Таким образом, понятие «общество риска» является, по сути, неким дополнением и даже в каком-то смысле пояснением термина «общество потребления». Сегодня мы можем говорить об определенном новом обществе – обществе потребления риска.

Экономический риск детерминируется рядом внешних условий, в первую очередь, другими рисками: политическими, экологическими и т. д. Учитывая, что риски периодически самовоспроизводят себя (вышеупомянутый аутопоэзис), а также глобальность и взаимозависимость рисков, они также находятся в постоянной зависимости от потребления, которое, в свою очередь, стимулирует их дальнейшее воспроизводство.

Детерминация экономических рисков внешними условиями также позволяет рискогенной ситуации порождать риски в смежных и не очень областях. Так, крупный экономический кризис 2008 г. создает угрозу политической ситуации в мире.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что общество потребления риска – это общество новой глобальности, нового модерна, в котором риски стали повседневным объектом потребления и производства.

Примечания

- 1 См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- 2 См.: Веблен Т. Теория праздного класса : пер. с англ. / вступ. ст. С. Г. Сорокиной ; общ. ред. В. В. Мотылева. М., 1984
- 3 См.: Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
- 4 Славой Ж. Против прав человека. М., 2010. С. 9.
- 5 См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и прим. Е. А. Самарской. М., 2006.
- 6 См.: Дебор Г.-Э. Общество спектакля. М., 2000.
- 7 См.: Луман Н. Л. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Логос, 2004.
- 8 См.: Knight F. H. Risk, Uncertainty and Profit. N. Y., 1965.

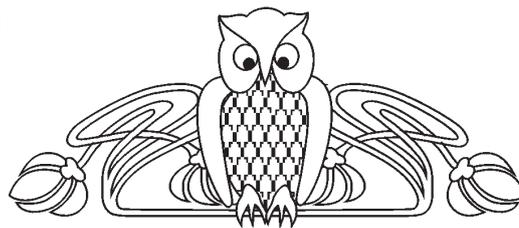

УДК 316.346.32-053.6 (316.473)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА СЧАСТЬЯ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Н. В. Качур

Саратовский государственный университет
E-mail: natalya.ka4ur@yandex.ru

В статье по результатам социологического опроса молодежи (на примере г. Саратова) раскрывается влияние уровня образования молодых юношей и девушек на вариативность их интерпретации счастья и условий его достижения.

Ключевые слова: молодежь, образование, восприятие счастья, социологическая интерпретация счастья.

The Sociological Point of View on Happiness Interpretation of Saratov Youth in the Field of Education

N. V. Kachur

The article deals with the results of Saratov youth's poll concerning the influence of the educational level on the interpretation of happiness and the means of its achievement.

Key words: youth, education, perception of happiness, sociological perception of happiness.

Восприятие счастья в социологии трактуется как доминирующая направленность группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер и непосредственно проявляется в высокой степени удовлетворенности личности своей деятельностью, условиями и образом жизни гражданина, представителя того или иного общества, класса, социальной группы, выражающейся в позитивных эмоциях радости. Такое определение позволяет интегрировать различные трактовки счастья и определить его социальные функции, необходимые условия, факторы.

Применительно к молодежи, как показало авторское социологическое исследование¹, понятие счастья трактуется неоднозначно: 53,6% саратовской молодежи считают себя счастливыми людьми, а 27,2% – нет; 19,2% опрошенных затруднились с самоидентификацией по этому поводу. Почти все представители молодежи (более 96%) испытывали его, причем многократно. Длительность ощущения счастья среди респондентов распределилась от нескольких минут до месяца и по различным поводам. 18,4% молодежи испытывали ощущение счастья, когда исполнилась их мечта, 15,2% были счастливы при достижении какого-то результата: 13,6% – при долгожданной покупке; 12,8% были счастливы влюбившись, 9,6% осчастливила встреча с друзьями, 8,8% – хорошая новость; 4,8% – праздник и столько же – повышение по службе; 4% респондентов были счастливы при рождении ребенка; 8% не смогли вспомнить свой повод для счастья. Это

свидетельствует о том, что чаще всего ощущение молодежью счастья носит ситуативный характер и ассоциируется со значительным проявлением эмоции радости по поводу полного удовлетворения какой-либо потребности.

В ходе исследования представителям молодого поколения саратовцев было предложено оценить степень своего ощущения счастья на момент опроса в баллах, где 1 балл – абсолютное несчастье, 5 баллов – полное счастье. Оказалось, что каждый третий представитель молодежи (31,2%) счастлив на 3 балла, на 2 балла – 20%, на 4 балла – 21,6 %, на 1 балл – 14,4 % и на 5 баллов – 12,8% опрошенных. Средний балл ощущения счастья на момент проведения опроса составляет 2,87. Большинство молодых людей считают себя не совсем счастливыми людьми.

Ощущают себя счастливыми 16% молодежи потому что имеют семью и детей, 14,4% – потому что не испытывают материальных проблем, 13,6% – потому что они и их близкие здоровы, 12% – потому что просто живут, 11,2% – потому что у них разрешились проблемы, 10,4% опрошенных ощущение счастье приносит наличие хорошей работы, 7,2% счастливы, потому что их окружают хорошие люди, 4% – имеют интересное хобби и 11,2% затруднились определить с причинами ощущения себя счастливым человеком.

16,15% респондентов не имеют идеала счастливого человека, для 14,62% идеалом являются родственники, для 13,08% – ребенок, для 13,85% – публичный человек, для 9,23% – друг/подруга, для 6,15% – коллега по работе/учебе, для 6,92% – соседи и для 4,62% – я сам/сама, 15,38 % затруднились ответить. Иными словами, каждый третий молодой саратовец не имеет перед собой идеала счастливого человека, каждый четвертый видит его среди самых близких людей (детей, родственников), еще реже – среди друзей, коллег. Себя так идентифицирует менее 5% молодежи, что демонстрирует достаточно высокий уровень пессимизма в молодежной среде.

Для выявления причин потери ощущения счастья опрашиваемым было предложено ответить на вопрос «Чего Вы больше всего боитесь сегодня?». Больше всего молодые люди боятся потерять работу – 15,69% опрошенных, на втором месте страх бедности – 14,38%, стихийных бедствий опасаются 13,07%, 10,46% – боится остаться один/одна, 8,5% – терактов, 7,84% – болезней, 7,19% – смерти, 5,23% – что их никогда не поймут, 5,88% – старости, 3,92%

– осуждения, 3,27% респондентов ничего не боятся, 4,58% затруднились ответить на этот вопрос.

В свободное время 21,5% молодежи предпочитают общаться с друзьями, 18,5% – сидеть в Интернете, 12,3% – заниматься спортом, 11,5% – смотреть телевизор, 9,2% – играть, 8,5% – ходить в гости, 6% – пить пиво, 3,9% – спать, 3% – вязать, шить или заниматься другим рукоделием. Для уточнения респондентам были предложены вопросы относительно качеств, которые они ценят в людях. Ответы показали, что 18,9% опрошенных ценят в людях доброту, 13% – искренность, 12% – чувство юмора, 11% – открытость, 10,7% – отзывчивость, 10% – добросовестность, 8,9% – прямолинейность, 8,3% – умение слушать, 6,5% – пунктуальность. 16,4% опрошенных чаще всего с друзьями обсуждают тему любви, 15,5% – досуг, 13% – учебу/работу, 11,59% – семью, 11% – деньги, 9,2% – отношения между людьми, 8,2% – увлечения, 7,7% – спорт и 7,3% – кино.

На формирование и интериоризацию жизненных ценностей, ассоциирующихся с понятием «счастье», влияет уровень образования. Так, 34,62% опрошенной молодежи имеет незаконченное высшее образование, 26,92% – среднее специальное, 16,92% – высшее, 16,15% – общее среднее и 5,38% – неполное среднее образование. По данным табл. 1 видно, что для респондентов с неполным средним образованием с понятием «счастье» ассоциируется в первую очередь материальное благополучие (66,67%), а также развлечения и большой круг друзей (по 16,67%). Для имеющих среднее образование на первом месте также материальное благополучие (35,5%), затем крепкая семья (20,00%), взаимная любовь (15,00%), интересная работа (10,00%). По 5% респондентов со средним образованием ассоциируют счастье со здоровьем, детьми, большим кругом друзей и престижным образованием.

Таблица 1

Зависимость уровня образования и жизненных ценностей, ассоциирующихся с понятием «счастье», % по категориям

Уровень образования	Жизненные ценности, ассоциирующиеся с понятием «счастье»										
	Здоровье	Интересная работа	Взаимная любовь	Крепкая семья	Дети	Общественное признание	Развлечения	Большой круг друзей	Материальное благополучие	Престижное образование	Итого
Неполное среднее	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	16,67	16,67	66,67	0,00	100
Среднее	5,00	10,00	15,00	20,00	5,00	0,00	0,00	5,00	35,00	5,00	100
Среднее специальное	3,03	9,09	33,33	15,15	12,12	3,03	3,03	0,00	21,21	0,00	100
Незаконченное высшее	9,52	14,29	19,05	28,57	11,90	7,14	2,38	0,00	7,14	0,00	100
Высшее	9,52	4,76	0,00	33,33	42,86	0,00	0,00	0,00	9,52	0,00	100
По выборке	6,15	9,23	16,92	21,54	14,62	3,08	2,31	1,54	17,69	0,77	100

Для респондентов со средним специальным образованием счастье ассоциируется в первую очередь с взаимной любовью (33,33%) и материальным благополучием (21,21%). Такие ценности, как крепкая семья и дети, отметили 15,5 и 12,12% респондентов соответственно. Интересная работа ассоциируется с понятием счастья у 9,09% и по 3,03% приходится на здоровье, общественное признание и развлечения. Респонденты с незаконченным высшим образованием в большинстве случаев (28,6%) ассоциируют понятие счастья с крепкой семьей, 19,05% – с взаимной любовью, 14,3% – с интересной работой, 11,9% с детьми, 9,5% – со здоровьем, по 7,14% – с общественным признанием и материальным благополучием и 2,38% – с развлечениями. В структуре ответов респондентов с высшим образованием наибольший удельный вес приходится на ответ «дети» (42,86%) и «крепкая семья» (33,3%). По 9,52% опрошенных с высшим образованием считают, что для них понятие счастье ассоциируется со здоровьем и материальным благополучием, а для 4,76% – с интересной работой.

Чем выше уровень образования, тем больше ценится здоровье, крепкая семья, дети. Таким образом, можно сделать вывод, что ценности, ассоциирующиеся у саратовской молодежи с понятием «счастье», по мере роста уровня образования опрошенных имеют тенденцию к смещению от материальных ценностей, развлечений и друзей к семейным и духовным ценностям. Этот вывод подтверждают значения корреляции $X^2 = 56,17$, P (Пирсона) = 0,60, коэффициент Крамера – 0,38, что свидетельствует о наличии статистически значимой связи между уровнем образования и теми жизненными ценностями, которые ассоциируются у респондентов с понятием «счастье».

Для полного счастья молодежи нужны такие условия, как развлечения (20,5%), дети (19,2%), друзья (13,9%), любовь (11,1%), много денег (8,5%), здоровье (6,9%), алкоголь (1,5%). 11,5% опрошенных уже счастливы, 6,9% считают, что ничто не сделает их абсолютно счастливыми, 12,5% не ответили на этот вопрос (табл. 2). Для молодежи с неполным средним образованием для того, чтобы быть абсолютно счастливыми, в 66,67% случаев необходимо много денег

и в 16,67% случаев – любовь и развлечения. Для респондентов со средним образованием счастье может быть достигнуто с помощью развлечений (26,3%), денег и друзей (по 15,79%), здоровья, детей и алкоголя (по 10,53%). 33,3% респондентов со средним

специальным образованием сделает счастливыми любовь, 20,0% – друзья, 13,3% – уже счастливы, 6,67% со счастьем ассоциируют здоровье и столько же считают, что ничто не сделает их счастливыми, и 3,3% для полного счастья нужно много денег.

Таблица 2

Влияние образования на наиболее полное ощущение счастья молодежью, %

Уровень образования	Условия абсолютного счастья									
	Я уже счастлив	Много денег	Здоровье	Любовь	Дети	Друзья	Пиво, вино	Развлечение	Ничто	Итого
Неполное среднее	0,00	66,67	0,00	16,67	0,00	0,00	0,00	16,67	0,00	100
Среднее	0,00	15,79	10,53	0,00	10,53	15,79	10,53	26,32	10,53	100
Среднее специальное	13,33	3,33	10,0	33,33	6,67	20,00	0,00	6,67	6,67	100
Незаконченное высшее	20,51	5,13	2,56	12,82	30,77	23,08	0,00	0,00	5,13	100
Высшее	15,0	5,00	15,0	5,00	45,0	0,00	0,00	0,00	15,00	100
По выборке	11,54	8,46	6,92	11,08	19,23	13,85	1,54	20,46	6,92	100

Молодые люди с незаконченным высшим образованием считают, что их абсолютно счастливыми сделают дети – 30,77%, друзья – 23,08%, уже счастливы – 20,51%, любовь – 12,82%, много денег – 5,13%, ничего – 5,13%, здоровье – 2,56%. Для респондентов с высшим образованием для того, чтобы быть абсолютно счастливыми, необходимы дети (45,0%), 15,5% – отметили здоровье как условие достижения абсолютного счастья. По 15% респондентов с высшим образованием высказали полярные мнения о том, что они уже счастливы или что ничто не сделает их абсолютно счастливыми, по 5,0% отметили деньги и любовь как главное условие достижения абсолютного счастья. Интересно, что счастье как удача не проявилось в общественном мнении саратовской молодежи. Таким образом, наблюдается наличие явной зависимости того, что респондентам надо для достижения счастья и уровня образования. Это подтверждается коэффициентами корреляции: $X^2 = 88,02$, $C = 0,64$, P (Пирсона) = 0,642, коэффициент Крамера – 0,59. То есть с повышением уровня образования отмечается смещение необходимых условий для достижения абсолютного счастья респондентами от денег, друзей и развлечений к детям, здоровью, любви.

Анализ результатов авторского социологического опроса показал, что в повседневном сознании молодежи существует многозначная интерпретация счастья, отличающаяся пассивным потребительским утилитаризмом, достаточно высоким уровнем пессимизма, противоречивости и гендерной стереотипностью. Большинство молодых людей испытывали состояние счастья, однако оно длилось недолго (от 1 до нескольких дней). Ощущение молодежью счастья носит ситуативный характер и ассоциируется со значительным проявлением эмоции радости по поводу полного удовлетворения какой-либо потребности. Однако средний балл ощущения счастья составлял

2,87 балла. Это противоречие между субъективными оценками и объективированным уровнем счастья отражает пессимизм, амбивалентность молодежного восприятия счастья, которое они не считают полным.

Материальное благосостояние, семья и дети занимают ведущие позиции в рейтинге жизненных ценностей молодых людей. Поэтому основными способами достижения счастья в понимании молодых людей выступают прежде всего друзья, любовь, материальное благосостояние, выгодное замужество, интересная работа. При этом по мере роста уровня образования ценности, ассоциирующиеся у саратовской молодежи с понятием «счастье», имеют тенденцию к смещению от материальных к семейным и духовным. Соответственно и спектр условий для достижения абсолютного счастья с повышением уровня образования также смещается от денег, друзей и развлечений к детям, семье, здоровью, любви. Более важная для юношей ценность престижного образования меньше рассматривается ими как способ достижения счастья. Девушки, наоборот, меньше ориентированы на самооценку образования, но чаще рассматривают его как способ достижения счастья, видимо, считая его качеством, необходимым для повышения своей конкурентной способности на трудовом или брачном рынке.

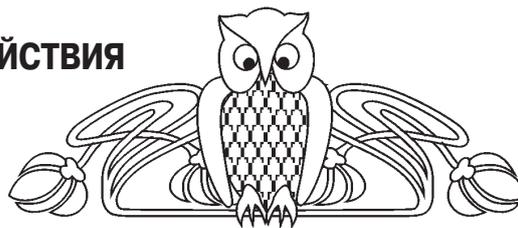
Примечания

1. Авторское социологическое исследование «Счастье глазами саратовской молодежи» было проведено методом анкетирования в 2012 г. по квотной выборке, где принимало участие молодое поколение, проживающее в г. Саратове, в возрасте от 18 до 30 лет. Выборочная совокупность составила 430 человек, из них 46,92% девушек и 53,08% юношей. Средний возраст респондентов составил 23,03 года.

УДК 316.03

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ (результаты социологического исследования)

Н. Е. Шилкина

Алтайский государственный университет, Барнаул
E-mail: natali.shilkina@rambler.ru

В статье раскрываются вопросы социального взаимодействия студенческой молодежи в академической среде на примерах взаимоотношений студентов с преподавателями и однокурсниками. Автор приходит к выводу, что основанием социальной адаптации является не объективная ситуация, а субъективная оценка коммуникаций с различными участниками ситуации.

Ключевые слова: студенческая молодежь, социальные коммуникации, социальная ситуация, адаптационное поведение.

Characteristics of College Students' Communicative Adaptation for an Academic Environments (Results of Sociological Research)

N. E. Shilkina

In this article theme of college students' communicative adaptation is covered for example of the students' relationships with their teachers and fellow students. Author of the article concluded that the very base of adaptive behavior is not objective situation by itself but one's subjective evaluation of communication with different participants of situation.

Key words: college students, social communications, social situation, adaptive behavior.

Традиционная для социологии проблема социального взаимодействия актуализируется в настоящее время как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Теоретические дискуссии последних десятилетий распространяются на процессы принятия решений, предшествующих социальному взаимодействию. Прикладные исследования направлены на выявление типичных образцов социальных отношений внутри социальных групп или между группами в различных социальных средах.

Теоретические основания исследования особенностей социального взаимодействия студенческой молодежи в академической среде

Особенности социального взаимодействия студенческой молодежи в академической среде целесообразно рассматривать как типичные поведенческие комплексы взаимодействия студентов и преподавателей. Одним из условий взаимодействия является поддержание нормативно-ценностных стандартов или «рамки», обеспечивающих продолжительность, эффективность и повторяемость коммуникации.

Значение «рамки» ситуации социального взаимодействия состоит в формировании типичных стратегий адаптации. Рассмотрим, как представлено в социологии понятие «рамки» взаимодействия. Г. Зиммель применяет понятие «рамки» в качестве социологической метафоры для описания социальных смысловых взаимосвязей¹, М. Вебер этот вопрос решает, рассматривая понятие ориентации на совместно подразумеваемый смысл², А. Шюц – в понятии мотивации социального действия³, для Х.-Г. Зефнера это формы социальных представлений о типичных поведенческих комплексах взаимодействующих партнеров⁴, для И. Гофмана в данном случае речь идет о том, к кому человек может обратиться в определенный момент времени в определенных ситуациях. Закономерности социального взаимодействия И. Гофман называет «интеракционным порядком». Это порядок, который складывается в результате индивидуального взаимодействия на основе совместного определения индивидами этих правил с учетом объективно существующих структур⁵. И. Гоффман рассматривает правила рамки по аналогии с синтаксической структурой языка. В основе практики интеракции лежит грамматика и синтаксис поведения, которые так же независимы от индивида, как грамматика и синтаксис языка, и каждый человек изучает грамматические правила поведения так же, как и грамматические правила языка. Х. Виллемс на основании идей И. Гофмана определяет «рамки» как социально данные сравнительно объективные и автономные структуры, а «внесение в рамки» представляет собой субъективный изменчивый процесс. Таким образом, различаются рамки-структуры как правила и практикуемые рамки как возможности управления правилами⁶. Рамки понимаются И. Гофманом как «машина по производству смысла», как «потенциальный мир, отвечающий на все вопросы о том, что должно восприниматься участниками как реальное и каким образом они должны быть включены в эту реальность»⁷. Ч. Миллз считает, что рамки поведения – это любые типичные действия, ожидаемые и одобряемые в социальной системе и поддерживающие равновесие в обществе механизмами социализации и социального контроля⁸.

В результате действительно можно говорить о том, что «рамки» взаимодействия представлены в социологии как типичные поведенческие

комплексы взаимодействующих партнеров, цель которых состоит в организации и поддержании нормативно-ценностных составляющих взаимодействия.

Помимо ограничений, вносимых в процесс формирования типичных поведенческих комплексов принятыми «рамками» социального взаимодействия, исследователю необходимо учитывать условия, задаваемые контекстом сложившихся взаимоотношений.

В этой связи в социологии применяется выражение «ориентация в ситуации других действующих лиц».

Это понятие широко применяется в работах Т. Парсонса⁹ и рассматривается как составляющая часть поведения одного или многих действующих лиц. Субъективные представления акторов о конкретной ситуации вызывают интерес для исследователя в том объеме, в котором позволяют прогнозировать выбор действия или способа решения, основанием для которого всегда является та или иная трактовка ситуации.

Методологический принцип субъективной рациональности, определяющий детерминирующее значение субъективных оценок и представлений в принятии решений и построении адаптивного поведения, оказывает все большее влияние на эмпирические исследования в социологии. Так, проведенное А. В. Мальцевой исследование способов решения сложных жизненных ситуаций студентами высших учебных заведений позволило получить следующие примеры зависимости поведенческих решений от субъективной трактовки ситуации. Так, в ситуации спора с родителями студент предпочитает не принимать их точку зрения, а настаивать на своем, потому что родители, по его мнению, не считают его сформировавшейся личностью, а в ситуации спора с друзьями тот же студент, напротив, предпочитает не настаивать на своем, а принять точку зрения друзей, объясняя это намерениями дипломатическими¹⁰. Таким образом, основанием для выбора решения является в данном случае не содержание спора, не объективная ситуация, а субъективная оценка сложившихся взаимоотношений.

Социальным объектом ориентации и субъектом действия может, по мысли Т. Парсонса¹¹, выступать как один человек, так и коллектив, группа людей. Вероятно, что таким коллективом может быть и большая группа, например профессиональная, студенческая и т. п. Заметим также, что в ситуациях, идентичных по содержанию, но различных по участникам действия, актор может выбирать противоположные решения. Следуя идеям Т. Парсонса о социальных ожиданиях, мы можем объяснить это тем, что действующее лицо по отношению к различным объектам ситуации развивает определенную систему социальных ожиданий. Эти ожидания в первой ситуации, описанной в примере, организованы вокруг потребности актора в самоутверждении и призна-

нии собственной значимости, а во втором случае – вокруг перспективы построения дальнейших взаимоотношений. Вероятно, что в процессе ориентации актор оценивает также последствия взаимодействия с точки зрения риска их прерывания, и понятно, что в ситуации взаимодействия с родителями риск прерывания взаимоотношений значительно ниже, чем в ситуации взаимодействия с друзьями.

В целом, можно говорить о том, что ориентация в контексте сложившихся взаимоотношений является важной составляющей частью взаимодействия человека и группы. Основанием для принятия поведенческого решения может являться не объективная ситуация, а субъективная оценка сложившихся взаимоотношений, направленных, например, на реализацию потребности актора в самоутверждении либо на перспективу построения или прерывания дальнейших взаимоотношений.

В этой связи интересно рассмотреть особенности социального взаимодействия студентов в академической среде, реализуемой в коммуникациях с преподавателями и однокурсниками.

Результаты эмпирического исследования особенностей социального взаимодействия студентов с преподавателями (поведенческие комплексы и социальные ожидания)

В социологическом исследовании принимали участие студенты высших учебных заведений Алтайского края. Полученные результаты могут быть экстраполированы на другие регионы России.

Для формирования аутентичного набора дескрипторов, раскрывающих содержание поведенческого репертуара и социальных ожиданий, был применен метод неоконченных предложений¹². В результате исключения повторов и экстраординарных ответов были получены следующие индикаторы, примененные далее в шкальных оценках: 1) «я всегда прихожу на индивидуальные консультации в течение семестра»; 2) «с куратором можно решать даже бытовые вопросы»; 3) «если я пропустил занятие, то всегда объясню преподавателю ситуацию»; 4) «я знаю, к кому в деканате можно обратиться по какому вопросу»; 5) «я считаю, что имею право критиковать преподавателя»; 6) «я считаю, что тоже имею право оценивать работу преподавателя»; 7) «я считаю, что имею право жаловаться на преподавателя»; 8) «я стараюсь установить с преподавателями доверительные отношения»; 9) «я выбираю научного руководителя в соответствии с научным интересом»; 10) «я считаю, что полезно неформальное общение преподавателей со студентами»; 11) «преподаватели всегда выдвигают четкие требования и придерживаются их»; 12) «преподаватель должен контролировать процесс усвоения знаний студентами»; 13) «преподаватель должен

контролировать посещаемость»; 14) «преподаватель должен контролировать занятия студентов на лекции»; 15) «преподаватель может оценивать одежду и внешний вид студента»; 16) «преподаватель может жаловаться родителям студента»; 17) «преподаватель должен снисходительно относиться к студенту, который долго болел и т. п.»; 18) «преподаватель должен быть безупречным образцом во всем»; 19) «обязательно сохраню отношения с преподавателями и после окончания университета»; 20) «мне всегда необходимо индивидуальное общение с преподавателем»; 21) «я могу обсудить с преподавателем сложные личные вопросы»; 22) «я могу обсудить с преподавателем сложные смысложизненные вопросы».

Затем был применен метод факторного анализа шкальных оценок, что позволило выделить следующие комплексы социальных ожиданий и поведенческих стратегий во взаимодействии с преподавателями (статистическая значимость факторного анализа 0,000; коэффициент КМО 0,5).

Первый фактор, получивший условное название «Преподаватель как руководитель», раскрывает возможность позитивных отношений в пределах, ограниченных формальными рамками. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «если я пропустил занятие, то всегда объясню преподавателю ситуацию» (ф.в. 0,681); «я знаю к кому в деканате можно обратиться по какому вопросу» (ф.в. 0,719); «я стараюсь установить с преподавателями доверительные отношения» (ф.в. 0,808); «я выбираю научного руководителя в соответствии с научным интересом» (ф.в. 0,728); «преподаватели всегда выдвигают четкие требования и придерживаются их» (ф.в. 0,621).

Второй фактор с условным названием «Преподаватель как друг» раскрывает возможность позитивных индивидуально-личностных неформальных отношений. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «я выбираю научного руководителя в соответствии с научным интересом» (ф.в. -0,407 (ф.в. со знаком минус!)); «преподаватель может оценивать одежду и внешний вид студента» (ф.в. 0,408); «обязательно сохраню отношения с преподавателями и после окончания университета» (ф.в. 0,713); «мне всегда необходимо индивидуальное общение с преподавателем» (ф.в. 0,766); «я могу обсудить с преподавателем сложные личные вопросы» (ф.в. 0,630); «я могу обсудить с преподавателем сложные смысложизненные вопросы» (ф.в. 0,672).

Третий фактор, названный «Критика преподавателя», раскрывает возможность критично-оценочного отношения преподавателя студентом. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «я считаю, что имею право критиковать преподавателя» (ф.в. 0,759); «я считаю, что тоже имею право оценивать работу преподавателя» (ф.в. 0,698); «я считаю,

что имею право жаловаться на преподавателя» (ф.в. 0,698).

Четвертый фактор с условным названием «Преподаватель как контролер» раскрывает готовность студентов позитивно воспринимать контроль со стороны преподавателей. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «преподаватель должен контролировать процесс усвоения знаний студентами» (ф.в. 0,464); «преподаватель должен контролировать посещаемость» (ф.в. 0,858); «преподаватель должен контролировать занятия студентов на лекции» (ф.в. 0,818).

Пятый фактор, названный «Преподаватель как судья», раскрывает ожидание оценки не только результатов учебной деятельности, но и внешнего вида, поведения. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «преподаватель может оценивать одежду и внешний вид студента» (ф.в. 0,623); «преподаватель может жаловаться родителям студента» (ф.в. 0,788); «преподаватель должен снисходительно относиться к студенту, который долго болел и т. п.» (ф.в. 0,475).

Шестой фактор «Преподаватель как образец» раскрывает идеализацию преподавателя и формальность взаимоотношений. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «я считаю, что полезно неформальное общение преподавателей со студентами» (ф.в. -0,745 (со знаком минус!)); «преподаватель должен быть безупречным образцом во всем» (ф.в. 0,747).

Седьмой фактор «Преподаватель как помощник» раскрывает ожидание от преподавателя помощи в трудных жизненных ситуациях. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «с куратором можно решать даже бытовые вопросы» (ф.в. 0,865); «если я пропустил занятие, то всегда объясню преподавателю ситуацию» (ф.в. 0,481).

Восьмой фактор с условным названием «Преподаватель как консультант» раскрывает важность получения консультаций от преподавателя помимо учебных занятий. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «я всегда прихожу на индивидуальные консультации в течение семестра» (ф.в. 0,778); «я считаю, что тоже имею право оценивать работу преподавателя» (ф.в. -0,391 (со знаком минус!)); «преподаватель должен контролировать процесс усвоения знаний студентами» (ф.в. 0,374).

В целом, по результатам факторного анализа можно говорить о следующих сложившихся относительно устойчивых комплексах взаимодействия студентов с преподавателями: 1) возможность позитивных взаимодействий в пределах, ограниченных формальными рамками; 2) возможность позитивных индивидуально-личностных неформальных взаимодействий; 3) возможность критичного оценивания преподавателя студентом; 4) воз-

возможность контроля со стороны преподавателей; 5) ожидание оценки не только результатов учебной деятельности, но и внешнего вида, поведения; 6) идеализация преподавателя и формальность взаимоотношений; 7) ожидание от преподавателя помощи в трудных жизненных ситуациях; 8) важность получения консультаций от преподавателя помимо учебных занятий.

Результаты эмпирического исследования особенностей социального взаимодействия студентов с однокурсниками (поведенческие комплексы и социальные ожидания)

По результатам формирования набора дескрипторов, раскрывающих содержание поведенческого репертуара и социальных ожиданий в ситуации социального взаимодействия студентов друг с другом, были получены следующие полярные индикаторы, как и в предыдущем случае, примененные далее в шкальных оценках, причем на оценочных шкалах они занимали противоположные места: 1) «однокурсники – это в будущем мои единомышленники в профессии» / «с однокурсниками после выпуска меня не будут связывать профессиональные интересы»; 2) «с однокурсниками я буду поддерживать личные отношения и после выпуска» / «однокурсники – это временное окружение»; 3) «мы в группе обмениваемся учебно-научной информацией» / «всегда нахожу нужную информацию самостоятельно»; 4) «в группе я всегда найду помощь по подготовке курсовой» / «курсовую я обсуждаю только с научным руководителем»; 5) «мне интересно с моими однокурсниками» / «у меня с однокурсниками нет общих интересов»; 6) «я воспринимаю однокурсников как соратников» / «я воспринимаю однокурсников как конкурентов»; 7) «были случаи, когда совместно с однокурсниками приходилось решать бытовые проблемы» / «бытовые проблемы я решаю с родственниками»; 8) «совместно с однокурсниками приходилось решать жилищные проблемы» / «мои жилищные проблемы решают родственники»; 9) «через однокурсников я всегда могу найти подработку, временную работу» / «подработку, временную работу нужно искать самостоятельно»; 10) «у однокурсников я всегда могу позаимствовать учебник» / «никто не даст учебник, который может понадобиться»; 11) «в группе я всегда могу одолжить денег в крайнем случае» / «за деньгами надо обращаться к родителям, родственникам»; 12) «с однокурсниками я провожу и внеучебное время» / «внеучебное время я провожу с друзьями вне университета»; 13) «буду поддерживать коллегиальные отношения с однокурсниками и после окончания университета» / «буду поддерживать отношения с коллегами по работе»; 14) «через однокурсников можно познакомиться с кем-то для создания семьи» / «познакомиться с кем-то для создания

семьи скорее можно через родственников»; 15) «с однокурсниками я могу обсудить вопросы одежды, внешнего вида» / «такие вопросы нужно обсуждать с профессионалами»; 16) «если я пропущу занятие, то могу всегда взять конспект» / «в группе не принято давать конспекты»; 17) «если я беру (даю) лекцию переписать, то нужно вернуть ее с шоколадкой, например» / «если я беру (даю) лекцию переписать, то нужно просто вовремя ее вернуть»; 18) «если кто-то в группе отсутствует, то поинтересуюсь, где он и не случилось ли что-то» / «если в группе кто-то отсутствует, то до этого мне нет дела»; 19) «если по отношению к кому-то в группе преподаватель поступает несправедливо, то я обязательно стану его защищать» / «если по отношению к кому-то в группе преподаватель поступает несправедливо, то он решит этот вопрос самостоятельно»; 20) «если у кого-то в группе серьезная проблема, то я обязательно буду участвовать в ее решении» / «проблемы нужно решать с помощью родственников»; 21) «я всегда участвую в университетских праздниках» / «я предпочитаю встречи с друзьями вне университета»; 22) «если я почему-то отсутствую на занятиях, то мне обязательно позвонит кто-то из группы» / «если я почему-то отсутствую на занятиях, то вряд ли кто-то это заметит»; 23) «если в группе кто-то ведет себя грубо по отношению к преподавателю, то я буду защищать преподавателя» / «если в группе кто-то ведет себя грубо по отношению к преподавателю, то преподаватель сам может себя защитить».

Применение метода факторного анализа шкальных оценок позволило выделить комплексы взаимодействия однокурсников (статистическая значимость факторного анализа 0,000; коэффициент КМО 0,5).

Первый фактор с условным названием «Однокурсники как конкуренты» раскрывает восприятие однокурсников как конкурентное окружение, с которым нет общих интересов и не поддерживаются связи вне университета. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «однокурсники это временное окружение» (ф.в. 0,456); «у меня с однокурсниками нет общих интересов» (ф.в. 0,604); «я воспринимаю однокурсников как конкурентов» (ф.в. 0,776); «внеучебное время я провожу с друзьями вне университета» (ф.в. 0,519); «буду поддерживать отношения с коллегами по работе» (ф.в. 0,753); «познакомиться с кем-то для создания семьи скорее можно через родственников» (ф.в. 0,436); «вопросы одежды, внешнего вида нужно обсуждать с профессионалами» (ф.в. 0,754).

Второй фактор, названный «Однокурсники как попутчики», раскрывает отношения с однокурсниками, которые допускают небольшую безвозмездную помощь, но в целом безразличны. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «мои жилищные проблемы решают родственники» (ф.в. 0,832);

«внеучебное время я провожу с друзьями вне университета» (ф.в. 0,457); «если я беру (даю) лекцию переписать, то нужно просто вовремя ее вернуть» (ф.в. 0,599); «я предпочитаю встречи с друзьями вне университета» (ф.в. 0,737); «если в группе кто-то ведет себя грубо по отношению к преподавателю, то преподаватель сам может себя защитить» (ф.в. 0,402).

Третий фактор «Однокурсники как временное окружение» раскрывает восприятие однокурсников как временное окружение, связь с которым поддерживается только до момента выпуска из университета. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «с однокурсниками после выпуска меня не будут связывать проф. интересы» (ф.в. 0,724); «однокурсники – это временное окружение» (ф.в. 0,432); «всегда нахожу нужную информацию самостоятельно» (ф.в. 0,711); «курсовую я обсуждаю только с научным руководителем» (ф.в. 0,644).

Четвертый фактор, названный «Однокурсники как источник проблем», раскрывает возможные проблемы взаимоотношений с однокурсниками, которые могут проявляться в грубости, просьбах одолжить деньги, учебник, конспект, что трактуется как неуместное поведение. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «однокурсники – это временное окружение» (ф.в. 0,471); «никто не даст учебник, который может понадобиться» (ф.в. 0,697); «за деньгами надо обращаться к родителям, родственникам» (ф.в. 0,418); «в группе не принято давать конспекты» (ф.в. 0,731); «если в группе кто-то ведет себя грубо по отношению к преподавателю, то преподаватель сам может себя защитить» (ф.в. 0,424).

Пятый фактор с условным названием «Однокурсники как малозначимое окружение» раскрывает стремление не замечать возможных конфликтных ситуаций, связанных с поведением однокурсников. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «если кто-то в группе отсутствует, то до этого мне нет дела» (ф.в. 0,450); «если по отношению к кому-то в группе преподаватель поступает несправедливо, то он решит этот вопрос самостоятельно» (ф.в. 0,709); «проблемы нужно решать с помощью родственников» (ф.в. 0,730); «если в группе кто-то ведет себя грубо по отношению к преподавателю, то преподаватель сам может себя защитить» (ф.в. 0,530).

Шестой фактор «Независимость от однокурсников» раскрывает независимость от однокурсников в финансовых вопросах, вопросах трудоустройства. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «подработку, временную работу нужно искать самостоятельно» (ф.в. 0,750); «за деньгами надо обращаться к родителям, родственникам» (ф.в. 0,655); «внеучебное время я провожу с друзьями вне университета» (ф.в. 0,450).

Седьмой фактор, названный «Повседневные коммуникации», раскрывает слабые повседневные коммуникативные связи. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «познакомиться с кем-то для создания семьи скорее можно через родственников» (ф.в. 0,562); «если я почему-то отсутствую на занятиях, то вряд ли кто-то это заметит» (ф.в. 0,807).

Восьмой фактор, названный «Однокурсники как окружение для выбора супруга (супруги)», раскрывает вероятность в коммуникациях с однокурсниками расширить возможности выбора партнеров для создания семьи. Фактор объединяет со значимыми факторными весами следующие дескрипторы: «бытовые проблемы я решаю с родственниками» (ф.в. 0,798); «через однокурсников можно познакомиться с кем-то для создания семьи» (ф.в. 0,333).

По результатам факторного анализа можно говорить о следующих сложившихся относительно устойчивых поведенческих комплексах, реализуемых во взаимодействии с однокурсниками: 1) восприятие однокурсников как конкурентного окружения, с которым нет общих интересов, не поддерживаются связи вне университета; 2) отношения с однокурсниками, которые допускают небольшую безвозмездную помощь, но в целом безразличны; 3) восприятие однокурсников как временного окружения, связь с которым поддерживается только до момента выпуска из университета; 4) возможные проблемы взаимодействий с однокурсниками могут проявляться в агрессивности, конфликтности, просьбах одолжить деньги, учебник, конспект, что трактуется как неуместное поведение; 5) независимость от однокурсников в финансовых вопросах, вопросах трудоустройства, слабые повседневные коммуникативные связи; но в то же время коммуникации с однокурсниками расширяют возможности для создания семьи.

В целом, по результатам исследования можно говорить о том, что особенности социального взаимодействия студенческой молодежи в академической среде заключаются в полярности взаимоотношений студентов с преподавателями и друг с другом.

Так, отношения с преподавателями позитивно окрашены, образ преподавателя идеализируется. Со стороны преподавателя ожидается всесторонний контроль и постоянная помощь как в учебной сфере, так и за ее пределами. Отношения с однокурсниками оцениваются как конкурентные, формальные, временные, эмоционально безразличные. Повседневные коммуникативные связи с однокурсниками слабые, иногда даже возможны проявления конфликтности, агрессии.

Интерпретация полученных результатов на основании изложенной выше идеи о нормативно-ценностных ограничениях взаимодействия в контексте сложившихся взаимоотношений позволяет объяснить их с точки зрения перспективы

построения дальнейших взаимоотношений и риска прерывания отношений. Понятно, что прерывание отношений с преподавателями может повлечь за собой институциональные последствия, в то время как трудности во взаимоотношениях с однокурсниками могут трактоваться как результат самоутверждения и признания собственной значимости.

Результаты данного исследования раскрывают новые аспекты атомизации общества. Конечно, нельзя однозначно говорить о разрушении традиционных представлений об идеальных ценностях дружбы, альтруизма и т. п., однако современной задачей социологии несомненно, является исследование динамики преобразований нормативно-ценностных ориентаций молодежи.

В целом же становится понятным то, в какой мере субъективная оценка взаимодействий с различными участниками социальной ситуации является основанием для формирования типичных поведенческих комплексов.

Примечания

- ¹ См.: *Зиммель Г.* Как возможно общество? // *Зиммель Г.* Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996.
- ² См.: *Вебер М.* История хозяйства. Город. М., 2001.
- ³ См.: *Шюц А.* Избранное : Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М., 2004.
- ⁴ См.: *Зефнер Х.-Г.* Интерпретация повседневности – повседневность интерпретации // *Ионин Л. Г.* Философия и методология эмпирической социологии : учеб. пособие. М., 2004. С. 331–341.
- ⁵ См.: *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию : пер. с нем / под общ. ред. Н. А. Головина, В. В. Козловского СПб., 1999.
- ⁶ См.: *Виллемс Х.* Рамки, габитус и дискурс : к сравнению социологических концепций практики и смысла // *Современная немецкая социология 1990-е годы* / ред. В. В. Козловский, Э. Ланге, Х. Харбах. СПб., 2002. С. 165–192.
- ⁷ Там же. С. 169.
- ⁸ См.: *Миллз Ч. Р.* Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко ; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М., 2001.
- ⁹ См.: *Парсонс Т.* Социальная система / пер. с англ. Г. Беляевой // *О социальных системах* / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Балановского. М., 2002. С. 73–52.
- ¹⁰ См.: *Мальцева А. В.* Признаки человека. Барнаул, 2005.
- ¹¹ См.: *Парсонс Т.* Указ. соч.
- ¹² См.: *Татарова Г. Г., Бурлов А. В.* Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // *Социс.* 1999. № 8. С. 123–133.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.172

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СМЕШАННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ: ИЗВЛЕЧЕНЫ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ?

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@mail.ru

В статье рассмотрены основные положения федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации», предусматривающего возвращение к смешанной избирательной системе. Закон проанализирован с точки зрения извлечения политических уроков применения такой системы в 1990-е гг. в отношении реализации пассивного избирательного права и многих противоречий, которые проявили себя во время выборов по мажоритарной системе относительного большинства в одномандатных округах. Обоснована целесообразность перехода на этих выборах к мажоритарной системе абсолютного большинства для повышения уровня легитимности политического представительства депутатов одномандатников.

Ключевые слова: выборы, смешанная избирательная система, политические уроки, модели самовыдвижения кандидатов, российская многопартийность как фактор выборов, беспартийные кандидаты на выборах, легитимность политического представительства.

Turning Back to the Mixed Electoral System for the State Duma Elections: Have Political Lessons Been Drawn?

A. A. Vilkov

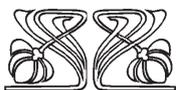
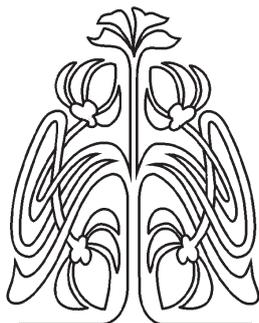
The main premises of the federal law «About the Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Council of the Russian Federation» implying turning back to the mixed electoral system are considered in this article. The law was analyzed with regard to drawing the political moral from the experience of using such a system in the nineties concerning eligibility for public office and numerous controversies which took place within the first-past-the-post system for single mandate electoral districts. An expediency to turn back to majority voting system in order to raise legitimacy of political representativeness of deputies elected in single mandate constituencies is proved.

Key words: elections, mixed electoral system, political lessons, models of self-nomination, Russian multiparty system as an electoral factor, non-party candidates, legitimacy of political representativeness.

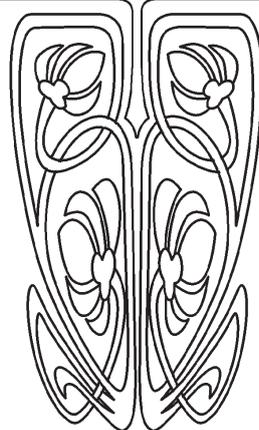
В конце декабря 2012 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин поручил подготовить проект федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». 1 марта 2013 г. законопроект был внесен в соответствии с п. «г» ст. 84 Конституции¹. Одновременно на основании п. «б» ч. 6 ст. 112 Регламента Государственной думы глава государства отозвал проект Федерального закона № 21870–6 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации», который был внесен в феврале 2012 г. действующим на тот момент Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым.

Суть этого законопроекта фактически сводилась к тому, что означала возвращение к смешанной избирательной системе, действовавшей на выборах в Государственную думу в период с 1993 по 2003 г. Для принятия закона потребовался почти год.

Смысл изменений состоит в том, что возвращен важнейший элемент смешанной избирательной системы – мажоритарная со-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ставляющая для выборов половины депутатов Государственной думы. Соответственно возвращены 225 одномандатных округов. Немаловажной новацией является то, что схема одномандатных округов формируется на 10 лет (гл. 2, ст. 12²). При этом первая схема их нарезки должна быть подготовлена ЦИКом не позднее 5 сентября 2015 г.³ Это позволит не только заранее планировать избирательные кампании партиям и кандидатам, но и избежать возможностей манипулирования нарезкой округов перед каждым выборами. Теперь на протяжении двух электоральных циклов схема одномандатных округов будет оставаться неизменной.

Статья 6 возвращает норму о возможности непосредственного выдвижения кандидатов-одномандатников в порядке самовыдвижения, а также политическими партиями⁴. Фактически тем самым устраняется главное препятствие для реализации беспартийными своего конституционного пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной думы, которое возникло в результате использования чисто пропорциональной избирательной системы.

Тем не менее опыт включения беспартийных российских граждан в федеральные списки кандидатов (который был накоплен в рамках пропорциональной системы) закреплен и в новой версии закона. Партии сохранили возможность выдвижения по партийным спискам беспартийных кандидатов.

Если в прежней редакции закона общее число кандидатов, включенных в федеральный список кандидатов, не могло превышать шестисот человек (ст. 36.22)⁵, то теперь численность федерального списка должна быть не более 400 кандидатов и не менее 200 (ст. 39.9⁶). С учетом того, что по пропорциональной составляющей формируется теперь только половина состава Государственной думы ФС (225 депутатов), возможности для внутреннего маневрирования составом федерального списка со стороны партий даже возросли. В общефедеральную часть, как и в прежней редакции, можно будет включать не более 10 кандидатов. Однако остается возможность включения в региональные части партийного списка очевидно непроходных беспартийных представителей различных социальных групп (например молодежи, женщин, рабочих, крестьян, интеллигенции, военных, каких-либо известных людей, «звезд»). Делается это для использования их имиджевых ресурсов с целью расширения электоральной базы данной партии и усиления мотивации голосования за нее представителей данных социальных групп. Несмотря на то, что сам факт их включения в список чаще всего носит чисто символический характер (для большинства партийных списков в случае преодоления избирательного барьера проходными являются 10 кандидатов из головной части списка и первые кандидаты в региональных частях), общий состав партийного списка исполь-

зуется очень активно в предвыборной борьбе для демонстрации широкой социальной базы партии.

Данная технологическая возможность партийного маневрирования была изначально заложена избирательным законодательством Российской Федерации еще с 1993 г. Несмотря на явную социальную нелепость ситуации, когда число кандидатов от одной партии превышает количество распределяемых мандатов (400 кандидатов на 225 мест), данная норма переходит из одной редакции ФЗ в другую. Эта нелепость особенно заметна, если учесть, что законодательно закреплена норма, в соответствии с которой в избирательном процессе и в распределении мандатов не может принимать участие только одна партия. То есть реально превышение кандидатов от одной партии на максимально возможное количество получаемых ею мандатов еще выше, особенно с учетом участия в выборах многих конкурирующих партий. Для обоснования данной нормы чаще всего приводятся аргументы о возможном выбытии кандидатов из федерального списка партии по болезни, смерти или другим непредвиденным обстоятельствам. Однако два десятилетия практики участия в выборах подтвердили хороший в среднем уровень здоровья кандидатов в депутаты. По крайней мере, для страховки от таких обстоятельств, на наш взгляд, не требуется почти двукратное превышение списочного состава над общим количеством мандатов.

В качестве необходимого условия регистрации партийных списков на выборах выступает сбор подписей избирателей. Освобождаются от данной процедуры политические партии, представленные в Государственной думе предшествующего созыва или в законодательном (представительном) органе государственной власти хотя бы одного субъекта Российской Федерации, а также партии, получившие на предшествующих выборах в Госдуму 3% голосов избирателей (ст. 44.2.) Все остальные партии должны будут собрать не менее 200 тысяч подписей в свою поддержку.

Подобный подход зафиксирован в законе и в отношении выдвижения кандидатов по одномандатным избирательным округам. Кандидату, выдвинутому политической партией, зарегистрировавшей федеральный список кандидатов, не требуется сбора подписей избирателей. Все другие партии для выдвижения кандидата по одномандатному избирательному округу должны собрать не менее 3% избирателей, зарегистрированных на территории соответствующего избирательного округа.

Статья 41 о самовыдвижении кандидата гласит, что «1. Гражданин Российской Федерации, обладающий пассивным избирательным правом, вправе выдвинуть свою кандидатуру в качестве кандидата по одномандатному избирательному округу на выборах депутатов Государственной Думы. 2. Самовыдвижение кандидата может осуществляться только по одному одномандатному

избирательному округу. Кандидат, выдвинутый в порядке самовыдвижения, не может быть выдвинут политической партией...»⁷. Для реализации выдвижения беспартийный кандидат должен представить в соответствующую окружную комиссию стандартный набор документов о его личном согласии баллотироваться, сведения о снятой или погашенной судимости, о доходах и имуществе кандидата и его родственников, о расходах и проведенных сделках кандидата и его ближайших родственников в предшествующие три года.

Примечательно, что в п. 6 ст. 41 ФЗ подчеркивается возможность для кандидата указать свою принадлежность к политической партии либо к иному зарегистрированному общественному объединению при условии подтверждения последними статуса кандидата в данной организации⁸. Фактически тем самым обеспечивается возможность выдвижения кандидатов по одномандатным округам от политических партий, которые в силу различных причин не смогут выдвинуть федеральный список. В этом случае кандидат согласует с органом политической партии или общественно-общественного объединения используемое им наименование, состоящее не более чем из семи слов.

Возможность самовыдвижения предусмотрена и в том случае, если «кандидат болен, или содержится в месте содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых. В этом случае подлинность подписи кандидата на заявлении должна быть удостоверена нотариально либо администрацией стационарного лечебно-профилактического учреждения, в котором кандидат находится на излечении, администрацией учреждения, в котором он содержится под стражей в качестве подозреваемого или обвиняемого» (ст. 41.7)⁹. Тем самым подтверждается принцип презумпции невиновности граждан в области реализации их пассивного избирательного права до решения суда.

Для поддержки самовыдвижения кандидата «должны быть собраны подписи избирателей в количестве не менее 3 процентов от указанного в федеральном законе об утверждении схемы одномандатных избирательных округов общего числа избирателей, зарегистрированных на территории соответствующего избирательного округа, а если в избирательном округе менее 100 тысяч избирателей – не менее 3 тысяч подписей избирателей» (ст. 44.5)¹⁰. Допускается сбор подписей только тех избирателей, которые проживают на территории того одномандатного округа, в котором выдвинут кандидат (ст. 45.6). Оплата сбора подписей осуществляется только из средств соответствующего избирательного фонда кандидата (ст. 45.7).

После проверки подписных листов составляется итоговый протокол, на основании которого окружная избирательная комиссия принимает решение о регистрации кандидата либо об отказе в его регистрации (ст. 49.21).

Статус беспартийных и партийных кандидатов и гарантии их деятельности в ходе избирательной кампании закреплены в ФЗ на основе принципа равенства.

Статья 56.2 гласит: «Кандидат, выдвинутый по одномандатному избирательному округу, вправе не позднее чем за пять дней, а в случае наличия вынуждающих к тому обстоятельств – не позднее чем за один день до дня голосования отказаться от дальнейшего участия в выборах депутатов Государственной Думы, подав письменное заявление в соответствующую окружную избирательную комиссию. Указанное заявление не подлежит отзыву. Если указанное заявление подано после регистрации кандидата, окружная избирательная комиссия принимает решение об аннулировании его регистрации не позднее чем в трехдневный срок, а за три и менее дня до дня голосования – в течение суток со дня подачи заявления»¹¹. Как показала практика мажоритарных выборов, данное право иногда используется для реализации специальных политических технологий. Нередки были прецеденты, когда более слабые кандидаты вступали в сговор и консолидированно снимали свои кандидатуры, чтобы тем самым сорвать выборы в округе и не дать возможности победить более сильному кандидату.

Как представляется, возможность участия в выборах независимых беспартийных кандидатов создает определенные предпосылки для соответствующих контртехнологий. Это, прежде всего, возможность для сильного кандидата целенаправленного выдвижения формально «независимого» кандидата, главная задача которого – подстраховать фаворита от отмены выборов в округе в результате снятия кандидатур всех конкурентов. Данный «подставной» кандидат может одновременно выполнять целый ряд дополнительных задач для усиления ресурсов кандидата-фаворита. Например, его вялая агитационная кампания может служить контрастным фоном, на котором яркая предвыборная агитация главного претендента будет выглядеть особенно выигрышно. Другим наиболее распространенным способом выступает жесткая (нередко на уровне грязных технологий) критика и разоблачения со стороны такого «подставного» кандидата в адрес основных конкурентов своего «хозяина».

Однако главная предпосылка для использования разнообразных политических технологий заключена в возвращении возможности концентрации усилий какой-либо партии для продвижения своего кандидата в одномандатном округе. Не имея шансов преодолеть 5%-ный барьер, такая мелкая партия (а к ним относится большинство вновь зарегистрированных за последние два года партий) может сосредоточить все организационные, финансовые и агитационные ресурсы на обеспечении победы своего лидера в одномандатном округе. Учитывая, что для победы достаточно набрать простое большинство голосов по сравнению

с другими кандидатами, для многих партий это будет вполне реальным шансом добиться представительства в Государственной думе.

Для минимизации данных преимуществ ФЗ содержит достаточно много ограничений по предельным суммам, которые можно израсходовать на избирательную кампанию по общефедеральному округу, по отдельным субъектам Российской Федерации и по отдельным округам. Статья 71.3 гласит: «предельная сумма всех расходов из средств избирательного фонда политической партии не может превышать 700 миллионов рублей. В указанную сумму не включаются расходы из средств избирательных фондов региональных отделений политической партии». Статья 71.9 определяет, что «Предельная сумма всех расходов из средств избирательного фонда кандидата не может превышать 15 миллионов рублей». Простое соотношение финансовых ресурсов избирательного фонда партии (даже на региональном уровне оно колеблется от 15 млн до 100 млн рублей в зависимости от количества избирателей) и независимого кандидата наглядно показывает разницу их возможностей для проведения предвыборной агитации. Несмотря на многочисленные ограничения по возможностям использования данных средств, понятно, что партийный лидер, многократно заявивший о себе в ходе политической рекламы на федеральном телевидении, будет более известен избирателям, чем беспартийный кандидат, имеющий доступ только к региональным СМИ. В условиях чрезвычайно фрагментированного партийной конкуренцией и перенасыщенного политическими сообщениями информационного пространства данное обстоятельство может стать решающим для победы.

Одной из новых проблем, которая неизбежно возникнет в ходе предстоящих выборов по смешанной избирательной системе, будет ситуация с реализацией гл. 4 ФЗ о наблюдателях. Статья 32.1 этой главы гласит: «Наблюдателей вправе назначить каждая политическая партия, зарегистрировавшая федеральный список кандидатов, каждый кандидат, зарегистрированный по соответствующему одномандатному избирательному округу»¹². С учетом того, что на 1 марта 2014 г. на сайте Минюста РФ зарегистрировано 76 политических партий¹³, можно себе представить, что будет, если хотя бы две трети из них примут участие в выборах депутатов Государственной Думы. Кроме того, нужно учесть также возможность присутствия наблюдателей от независимых беспартийных кандидатов по одномандатному округу. Одновременное постоянное присутствие на избирательном участке нескольких десятков наблюдателей формально повышает степень контроля за процедурой выдачи бюллетеней, голосованием и подсчетом голосов избирателей. Реально даже простое физическое размещение данных наблюдателей в помещении избирательного участка представляет собой серьезную проблему, учиты-

вая, что в нем постоянно работают также члены участковой избирательной комиссии и охрана, и периодически возможен наплыв избирателей.

Особенно значима данная проблема в момент процедуры подсчета голосов и определения результатов голосования. Даже в условиях чисто пропорциональной избирательной системы на выборах в Государственную думу в 2000-е гг. одним из простых, но надежных способов минимизации роли наблюдателей было провоцирование определенной конфликтной ситуации по поводу того, что близкое присутствие наблюдателей мешает спокойному выполнению членами участковой избирательной комиссии своих процедурных обязанностей. После этого наблюдатели по требованию председателя удалялись на определенную дистанцию, с которой многие детали подсчета были уже просто не видны. При наличии десятков наблюдателей при подсчете голосов такую конфликтную ситуацию даже провоцировать не нужно, она объективно заложена переполненностью ограниченного пространства избирательного участка.

Например, в ст. 33.6 зафиксировано, что наблюдатель вправе:

«6) наблюдать за подсчетом голосов избирателей на расстоянии и в условиях, которые обеспечивали бы ему возможность видеть содержащиеся в избирательных бюллетенях отметки избирателей;...»¹⁴ Очевидно, что обеспечить равноценное для всех наблюдение при таком большом количестве представителей партий и независимых кандидатов просто невозможно;

«7) визуально знакомиться при подсчете голосов избирателей с любым заполненным или незаполненным избирательным бюллетенем, а также наблюдать за составлением избирательной комиссией протоколов об итогах голосования и иных документов в период, предусмотренный частью 5 статьи 32 настоящего Федерального закона;...»¹⁵ Думается, что и данный пункт закона в условиях нарастающей динамики плюрализма российской партийной системы реализовать на практике будет невозможно без конфликтов и напряженных ситуаций, в том числе не только наблюдателей с членами избирательной комиссии, но и между самими представителями партий и кандидатов;

«9) знакомиться с протоколами избирательной комиссии, в которую он направлен, и протоколами непосредственно нижестоящих избирательных комиссий об итогах голосования, о результатах выборов, с документами, приложенными к протоколам об итогах голосования, о результатах выборов, получать от соответствующей избирательной комиссии заверенные копии указанных протоколов;...»¹⁶ Это пункт закона, как представляется, имеет самое большое значение в рамках данной статьи. Его функциональное действие могло быть еще более усилено в случае, если бы закон обязывал избирательные комиссии

выдавать заверенные копии протоколов в определенные сроки всем наблюдателям.

В целом, нужно учитывать, что наличие партий-спойлеров и соответствующих представителей от них создает предпосылки не только для управляемого распределения мест для наблюдателей, но и для инструментального их использования с целью создания управляемых конфликтных ситуаций. Самыми беззащитными в этих конфликтах очевидно окажутся наблюдатели от беспартийных кандидатов по одномандатным округам.

Подводя итог, можно констатировать, что возвращение к смешанной избирательной системе устраняет фактическое ограничение конституционно закрепленного пассивного избирательного права для беспартийных, но не устраняет тех противоречий в его реализации, которое проявили себя в период функционирования данной системы в 1990-е гг.

Первое противоречие состоит в том, что данное право на практике может быть реализовано далеко не каждым рядовым российским гражданином. Первое реальное ограничение заключено в очень высокой стоимости избирательной кампании. Поэтому действительно независимое беспартийное самовыдвижение на выборах в Государственную думу может позволить себе только очень состоятельный гражданин Российской Федерации. Для абсолютного большинства российского населения в случае реализации данного права возникает проблема поиска финансов и других ресурсов, необходимых для проведения предвыборной кампании. Вариантов здесь не так уж много.

Идеальная модель самовыдвижения кандидата предполагает, что какой-либо активный гражданин, обладающий необходимыми лидерскими качествами, социально-политическими и социально-психологическими характеристиками, ориентирующийся на представительство какой-либо крупной социальной группы, может организовать собственную команду, которая обеспечит ему формирование необходимого избирательного фонда за счет небольших пожертвований юридических и физических лиц. Закон действительно содержит много статей, которые ограничивают возможность доминирующего финансирования партий и отдельных кандидатов из одного источника, и нацеливает на диверсификацию денежных поступлений из разных источников. Однако проблема состоит в том, что в российской политической культуре отсутствуют ориентации на финансирование избирательных кампаний рядовыми гражданами. Обусловлено это не только невысоким уровнем жизни большинства населения, но и отсутствием доверия значительной части населения к политике и ее представителям в целом. Поэтому за два десятилетия конкурентных выборов в постсоветской России так и не сложились традиции фандрайзинга (привлечение

средств населения на избирательные кампании¹⁷⁾ и не сформировались соответствующие технологии сбора денег для независимых кандидатов. В этой связи такая идеальная «наивная» модель беспартийного представительства интересов населения заканчивается либо проигрышем кандидата в результате отсутствия средств на ведение кампании, либо поиском им других вариантов расширения электоральных ресурсов.

Вторая модель заключается в том, что кандидат-самовыдвиженец ищет определенные бизнес-элиты, которые согласились бы финансировать его предвыборную кампанию. Однако в этом случае о независимости его позиции можно говорить лишь достаточно условно, так как данный кандидат вольно или невольно становится негласным лоббистом интересов данной бизнес-группы. Нередко таким активным гражданам, проявившим свое желание участвовать в политической жизни, подобные предложения о необходимой поддержке делают сами бизнес-элиты.

Третья модель состоит в том, что кандидат-самовыдвиженец ищет ресурсную поддержку у какой-либо партии или общественно-политического движения, также заключая для этого определенное негласное соглашение. В случае наличия у такого кандидата больших шансов на победу как самовыдвиженца партия или движение будут оказывать ему негласную поддержку с расчетом, что впоследствии данный кандидат будет представлять их интересы в Думе. Однако большая часть таких «независимых» кандидатов в одномандатных округах получают ресурсы на предвыборную кампанию и определенные предпочтения получить шанс на перспективу войти в большую политику за выполнение в ходе конкурентной борьбы вполне определенных инструментальных задач. Самый простой и безобидный вариант – это подстраховка основного кандидата от консолидированного снятия кандидатур всех конкурентов по округу. Технологически более сложным является вариант, когда кандидат-самовыдвиженец работает на усиление имиджа основного кандидата-фаворита, многократно повторяя его основные лозунги и приводя аргументы в пользу их преимуществ для большинства населения. Однако гораздо более «грязные» варианты состоят в разнообразных способах борьбы таких «независимых» кандидатов против конкурентов основного кандидата-фаворита. На них перекладывается использование реального и ложного компромата, дезинформации, негативной интерпретации любых предвыборных мероприятий и других способов дискредитации конкурентов. Примитивным, но очень эффективным способом оттяжки голосов остается вариант регистрации беспартийного «клона», фамилия и инициалы которого повторяют данные основного конкурента. Кандидат-фаворит остается при этом незапятнанным в использовании таких «грязных» технологий.

Одной из предпосылок для их повсеместного распространения является сам принцип относительного большинства, используемый в мажори-

тарной составляющей смешанной избирательной системы. При большом количестве кандидатов в округе существенно повышается «цена» борьбы за каждый голос избирателей. Нередко 5–10% полученных голосов избирателей достаточно для победы над другими кандидатами, каждый из которых наберет голосов еще меньше. После этого победивший кандидат в качестве депутата будет говорить от имени всех избирателей данного округа, хотя очевидно, что в этом случае 90–95% из них голосовали за других кандидатов.

Избежать этого существенного недостатка законодатели могли бы введением в федеральный закон варианта мажоритарной системы абсолютного большинства на выборах по одномандатным округам. В соответствии с ней в случае, если в первом туре ни один из кандидатов не набирает 50% голосов избирателей, то проводится второй тур выборов, в который проходят два кандидата, набравшие наибольшее, по сравнению с другими кандидатами, число голосов

В рамках второго тура условие 50%+ 1 голос для победы становится необязательным, и фактически гражданам останется сделать выбор из двух вариантов: либо отдать свой голос за одного из двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов в первом туре, либо проголосовать против всех кандидатов¹⁸, если ни один из них в силу каких-либо причин не устраивает избирателей округа¹⁹. В результате мог бы значительно вырасти уровень легитимности представительства депутатами-одномандатниками интересов населения в Государственной думе, когда каждый конкретный депутат мог бы говорить от имени действительного большинства активных избирателей своего округа.

В целом, смешанный вариант избирательной системы более сложен по сравнению с чисто пропорциональной системой. С учетом существенной либерализации и плюрализации российской партийной системы последних двух лет смешанная система содержит существенный потенциал возрастания непредсказуемости результатов. Связанные с этим определенные риски политической нестабильности перекрываются ее положительными последствиями. Важнейшее значение имеет тот факт, что во всей полноте восстанавливается конституционное пассивное избирательное право беспартийных граждан. Кроме того, смешанная система неизбежно повысит роль личностных характеристик кандидатов, независимо от их партийности или беспартийности, усилит их ориентированность на реальные проблемы округа, сделает более тесной связь депутатов-одномандатников со своими избирателями, повысит их ответственность за свои предвыборные обещания.

Примечания

- 1 См.: Владимир Путин внес в Государственную Думу проект федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: <http://президент.рф/news/17601> (дата обращения: 10.03.2013).
- 2 См.: Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 См.: Принята новая редакция закона о выборах депутатов Государственной Думы // Государственная Дума : [сайт]. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/273/613610/> (дата обращения: 17.02.2014).
- 4 См.: Федеральный закон № 20-ФЗ от 22.02.2014 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 5 См.: Федеральный закон № 51-ФЗ от 18 мая 2005 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://constitution.garant.ru/act/assembly/12140155/> (дата обращения: 05.01.2014).
- 6 См.: Федеральный закон № 20-ФЗ от 22.02.2014 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 См.: Список зарегистрированных политических партий. Министерство юстиции Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 1.03.2014).
- 14 Федеральный закон № 20-ФЗ от 22.02.2014 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Более того, значительная часть российских избирателей рассматривает период выборов как процедуру, в ходе которой они могут «выторговать» у различных кандидатов решение каких-либо своих насущных проблем.
- 18 Целесообразность возвращения графы «против всех кандидатов» уже рассматривалась.
- 19 Последний вариант всегда свидетельствует о явно неблагоприятной политической и социально-экономической ситуации в округе и необходимости ее разрешения с помощью привлечения внимания общественности, государственных и судебных органов.

УДК 32.01

МОДЕЛИ ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

Статья посвящена исследованию моделей политизации общественных отношений. Автор выделяет два параметра, которые влияют на формирование моделей политизации. Это радикальность политической повестки дня и интенсивность политического участия. В работе приводится анализ политических технологий, применяемых в России для недопущения дестабилизации политической обстановки.

Ключевые слова: политизация, модели политизации, политическое участие, повестка дня, политическая стабильность, политические технологии.

Models of Politicization of the Social Relations

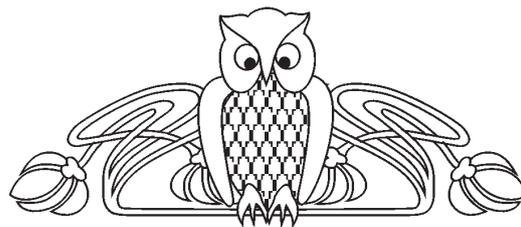
M. V. Danilov

The article investigates the politicization of public relations models. The author distinguishes two parameters that affect the formation of patterns of politicization. This is a radical political agenda and intensity of political participation. The paper provides an analysis of political technologies used in Russia to prevent destabilization of the political situation.

Key words: politicization, models of politicization, political participation, agenda, political stability, political technology.

Политическое развитие общества – это, прежде всего, расширение границ политики, выведение ее сначала за рамки государственных, затем классовых, а сейчас и национальных интересов. Нарастая, объем политического, обеспечивает качественный переход от одного уклада жизни к другому, более совершенному. В результате явления, которые еще до недавнего времени находились в лоне неполитических сфер жизни общества, приобретают политический статус, политизируются. Политизация «взрывает» обыденность, делает очевидной несостоятельность привычных подходов к решению существующих проблем, легитимирует игнорирование ранее установленных и пришедших в негодность правил и норм. Она не только предполагает, но и оправдывает использование экстраординарных средств и методов ведения дел. Переход социальных систем из одного качественного состояния в другое оказывался возможен в истории тогда, когда анахроничность прежнего порядка осознавалась как политическая проблема, а не просто экономическая, технологическая, социальная или какая-то еще отсталость.

Политизация – это еще и технология управления общественными отношениями. Ее субъектом выступает элита, политизированная по опреде-

лению, так как априорно включена в отношения властвования. Объектом же является общество, народ, масса, которые, как правило, аполитичны и пассивны, так как не имеют в политике своих рациональных целей и интересов. Элита воздействует на обывателей, тем самым политизируя их, вовлекая в политические отношения. Основные составляющие политизации как технологии связаны с политическим участием и включением в политическую повестку дня новых проблем и возникающей вследствие этого политизацией массового сознания. Учитывая данные факторы, мы оказываемся в состоянии выделить ряд моделей политизации общества.

Мы исходим из того, что модели политизации определяются различными сочетаниями вариаций двух факторов: плюралистичность и радикальность повестки дня, с одной стороны, и интенсивность политического участия, с другой. Системность же политизации как управленческой технологии и органического состояния политической жизни предопределяет образование нового качества, эмерджентности системы. В виде такого системного качества и выступают различные состояния массового или индивидуального политического сознания. Сознание человека или группы лежит в основании деятельности в политике. Интеграция эмпирически ненаблюдаемого феномена политического сознания в совокупность измеримых показателей и рождает картину реальных состояний политизированности общества, его социальных групп и конкретных индивидов.

Плюралистичность повестки дня разворачивается в континууме от политической монополии на информацию, свойственной тоталитарным обществам, до крайней поляризации и свободного артикулирования мнений в обществах, находящихся на стадии выбора стратегического пути развития. Политическое участие может проявляться в таких крайних формах, как политическая бездеятельность основной массы населения (что характерно, например, для султанистских режимов в типологии Х. Линца), и сверхмобилизованность. Представим данную картину схематически (рисунок).

Гиперполитизации общества, ставящей его на грань революционных преобразований, свойственна нестабильность властного дискурса, что объясняется попытками элиты найти популярные в общественном мнении темы и опереться на

господствующие тренды массового сознания. Однако власть, как правило, проигрывает в этом отношении конкурентную борьбу системной и несистемной оппозиции, которая значительно более свободна в выборе тем для их политизации. Средства массовой информации начинают играть роль не только агитатора и пропагандиста, но и массового организатора. Уровень массового политического участия, прежде всего электорального, достаточно высок, так как интерес к политике у граждан подогревается неопределенностью итогов политических процессов. Участие в работе политических партий, равно как и в политизированных гражданских структурах, представляется важной деятельностью.

Противоположность гиперполитизации – *деполитизация общественных отношений* – характеризуется деградацией всех сторон политики. Сама политика начинает восприниматься в массовом сознании как сфера, отвлекающая дефицитные ресурсы социума от решения насущных проблем, а политическая деятельность – как занятие недостойное или бессмысленное. Политическая повестка дня крайне скудна по набору тем и стабильна во времени, отсутствует какая бы то ни было конкурентность в процессе ее формирования, политические партии и непартийные политические структуры, если и существуют формально, на практике воспроизводят повестку дня, согласующуюся с властным дискурсом. Политическое поведение минимизировано и не одобряемо, рассматривается как покушение на стабильность режима и угроза решению насущных социальных и экономических проблем.

Политизация чувств – одна из абстрактных моделей политизации общества, выделенных нами, при которой происходит интровертная ак-

туализация политического в сознании людей при отсутствии институциональных возможностей трансформировать политические потенции в реальные действия. Главную роль в этом процессе играет рост радикальности повестки дня, связанный с наличием альтернативных власти центров ее формирования. Эти центры могут находиться внутри национальных политических систем и опираться, например, на церковь, университеты, этнические сообщества, но могут располагаться и за пределами суверенных государств. Активное развитие электронных средств массовой информации, особенно спутникового телевидения и Интернета, значительно облегчило технологии политизации массового сознания даже в относительно закрытых социумах.

Политизация действий – модель, которая в чистом виде встречается в недемократических режимах тоталитарного толка. Ее главной особенностью является мобилизационный характер политического поведения, которое служит средством демонстрации легитимности режима. Как правило, при такой модели создается большое количество институциональных возможностей участия в общественных делах: молодежных, женских, творческих, профессиональных и прочих структур. Их задача состоит в канализации энергии масс в заранее одобренное русло. Они не самостоятельны в выборе целей и средств своей деятельности. Повестка дня в подобных условиях формируется властью и исключаются всякие попытки альтернативной актуализации политического. Следовательно, и политическое поведение имеет не конкурентный, а монополистический характер.

Выделенные модели в условиях реальной политической практики почти не встречаются, за не-

большим исключением. Как правило, мы имеем дело с некоторым смещением моделей, присутствием в политических системах долей от каждой из них. Тем не менее ценность подобного теоретического моделирования состоит в том, что позволяет с достаточной степенью надежности прогнозировать результаты, к которым может привести радикальное изменение модельных пропорций. Элита, желающая использовать политические ресурсы для достижения своих целей, но при этом не допустить революционного развития ситуации, должна не допускать одновременной радикализации политической повестки и неконтролируемого роста возможностей для политического участия. Серия так называемых арабских революций 2010–2011 гг., получившая известность как «арабская весна», события на Украине зимой и весной 2014 г. свидетельствуют об этом.

Интернет-ресурсы, такие как Facebook или Twitter, позволили в кратчайшие сроки радикализировать общественные настроения, дали выход оппозиционной точке зрения. Одновременно правящие элитные группы оказались неготовыми противостоять нарастающей волне массового политического участия в виде уличных многодневных демонстраций и беспорядков. Соединение этих двух начал привело к смене или трансформации режимов в Египте, Ливии, Алжире, Тунисе, Судане, Украине. Как нам представляется, опасения такого же рода движут властными кругами в России, которые в соединении неконтролируемого политического участия с радикальной политической повесткой дня видят прямую угрозу стабильному существованию системы.

Данные модели дают нам представление о нескольких ограничениях в политической сфере, которые испытывает на себе властвующая элита, в том числе и в России. Первое ограничение связано с необходимостью поддерживать определенный уровень политичности в обществе, не допускать его фатальной деполитизации. Иначе это чревато не только потерей способности к целеполаганию, но и утратой имиджа современного государства, что при всей, подчас изоляционистской, риторике некоторых российских политиков является объективно недопустимым.

Во-вторых, ограничением выступает желание не допустить противоположной ситуации гиперполитизации. История России в XX в. знала два подобных периода – революционные события 1917 и 1991 гг. В обоих случаях события развивались по катастрофическому сценарию, включающему в себя и распад единого государства, и гражданскую войну, и экономическую разруху, и рост социальных девиаций. В этом ряду кардинальная смена правящего класса хоть и выглядит наименее болезненным последствием гиперполитизации, все же служит мощным мотиватором для элиты сдерживать экспансию политического в общество.

Третьим, самым актуальным ограничителем для властвующей элиты современной России является необходимость обеспечения одновремен-

ного присутствия обоих факторов политизации в реальной политической жизни, но недопущения их резонанса и перехода в стадию гиперполитизации. Как этого добиться? По нашему мнению, в России реализуется достаточно оригинальная технология «разведения» факторов политизации по различным социальным группам. Имеется в виду ситуация, при которой радикальность повестки дня и активное политическое поведение максимально далеко разводятся с целью недопущения их слияния в одной социальной группе. То есть одни сегменты социума обладают развитым политическим сознанием, критически воспринимают окружающую действительность, но при этом остаются политически пассивными; другие слои, напротив, проявляют себя как граждане, способные к активным политическим действиям, но обладающие при этом не критическим по отношению к власти сознанием.

Наличие в политическом пространстве и первых, и вторых групп позволяет властвующей элите отвергать всякие претензии в свой адрес относительно сворачивания демократии в России. С одной стороны, формально, политическая повестка в российских СМИ, особенно с учетом Интернета, максимально плюралистична. Каждый при желании может удовлетворить свои информационные потребности. Однако слой «отрицательно политически заряженных» граждан (так называемых представителей креативного класса) в массе своей немногочислен и политически пассивен, бихевиорально почти никак (за редким исключением) себя не проявляет, ограничивая свою активность публикациями в блогах. С другой стороны, действительно массовое политическое участие находится под контролем власти. Более чем миллионное членство в «Единой России», итоги избирательных кампаний, массовые уличные акции показывают, что власть в 2000-е гг. в целом эффективно аккумулировала и канализировала политическую энергию масс.

Элита решает двуединую задачу: ограничивает политическое участие оппозиционно настроенных сетевых сообществ и разрастание плюралистичности повестки дня групп, характеризующихся реальным активным политическим поведением. Поскольку самой распространенной формой политического участия являются выборы, то задача на тактическом уровне конкретизируется как поддержание низкого уровня плюралистичности повестки дня массового избирателя. Именно поэтому миссия новостных выпусков основных каналов – создавать монолитную неплюральную политическую повестку дня для основной доли населения страны.

Другая форма реального политического участия – уличные и вообще публичные акции. Это, пожалуй, самый болезненный для власти вопрос. Тактическая задача здесь формулируется предельно просто – всячески ограничить и маргинализировать уличную оппозиционную активность. Однако за простотой формулировки скрывается

предельная сложность практического воплощения. В разные временные этапы указанная задача решалась различными способами, но все же можно выделить наиболее типичные технологии.

Во-первых, создание массовых проправительственных, прежде всего молодежных, структур, таких как «Идущие вместе», «Наши», «Сталь», «Молодая гвардия «Единой России» и пр. Они призваны противостоять уличной активности оппозиции, «выиграть» у нее улицу. Реализовывается технология вытеснения оппозиции из общественных городских пространств, тем самым купируются возможные негативные информационные поводы. Иногда на помощь приходят чисто административные методы, когда на одну и ту же территорию в один и тот же день претендуют разные политические силы, но заявка провластных структура оказывается поданной на несколько минут раньше, чем оппозиционная. Соответственно, противникам власти предлагают провести свое мероприятие на окраинных территориях, неудобных с точки зрения доставки туда людей и потенциально слабых по информационному эффекту от акции.

Во-вторых, прямой запрет на проведение митингов, шествий, пикетов. Наиболее заметным в этом плане стало противостояние московской мэрии и так называемой «Стратегии 31». Попытки Э. Лимонова, Л. Алексеевой, Г. Каспарова и прочих деятелей российского политического протеста устраивать каждое 31 число акции «в защиту 31 статьи российской Конституции» на Триумфальной площади в Москве встречали

кордоны полиции. Зачастую все заканчивалось задержаниями и административными арестами оппозиционных политиков.

В-третьих, предельно жесткая реакция на наиболее резонансные публичные акции: нападение на полицейских на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 г., «танцы» в Храме Христа Спасителя. Реальные уголовные сроки должны были стать, по всей видимости, в том числе и профилактическим средством от несанкционированной публичной политической активности.

В-четвертых, это дискредитация оппозиционных лидеров улицы в общественном мнении. Показ по центральным каналам телевидения разнообразных разоблачительных материалов, наиболее яркими из которых стали фильмы НТВ «Анатомия протеста», должны были создать у населения устойчивое впечатление о противниках власти как «наймигах» иностранных государств, подрывающих устои и стабильность российского общества.

В совокупности все эти четыре технологии были нацелены на снижение массовой несанкционированной политической активности. В целом надо признать, что разведение факторов политизации между различными социальными группами в конце 2000-х – начале 2010-х гг. было осуществлено вполне успешно. Именно в этом, по нашему мнению, состоит коренное отличие от ситуации 1990-х гг., когда такого рода разрыва не существовало, факторы политизации сливались, взаимно усиливая друг друга и резонансно политизировали массовое сознание.

УДК 323

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОРЫВА

Е. В. Ефанова, С. А. Панкратов

Волгоградский государственный университет
E-mail: efanova8282@mail.ru, s.pankratov@mail.ru

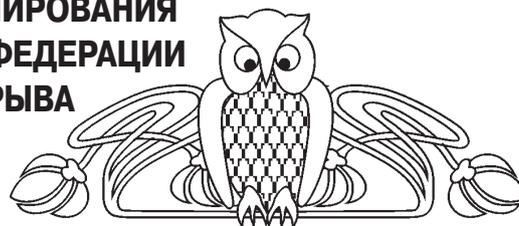
В статье раскрыто содержание политической модернизации общества, определен ее дестабилизационный потенциал. В результате авторы указывают на национальную специфику модернизационных преобразований в современной России с целью обеспечения внутривнутриполитической стабильности.

Ключевые слова: политическая стабильность, обеспечение стабильности, политическая система, политическая модернизация.

Ensuring Stability of Functioning of Political System of the Russian Federation in the Conditions of Modernization Break

E. V. Efanova, S. A. Pankratov

In the article the contents political society modernizations is opened, its destabilization potential is determined. As a result authors point

to national specifics of modernization transformations in modern Russia for the purpose of ensuring internal political stability.

Key words: political stability, guarantee of the stability, political system, political modernization.

В настоящее время многие страны мира осуществляют политическую модернизацию, результатом которой становится устойчивая политическая система, способствующая успешной модернизации всего общества. Несмотря на то что в общественно-политическом дискурсе понятие «модернизация» связывается в основном с технологическим обновлением или же с трансформацией моделей экономического поведения, необходимо воспринимать ее и как готовность к политическим изменениям. В целом развитие мо-

дернизационных процессов имеет своим итогом повышение адаптационных возможностей общества, которое благодаря модернизации становится способно более адекватно отвечать на различные вызовы внутреннего и внешнего характера «путем самоизменения и внедрения инноваций во всех сферах общественной жизни»¹.

Особое место в структуре общего процесса модернизации занимает политическая модернизация. Л. И. Никовская, ссылаясь на опыт модернизации в ведущих индустриальных и демократических странах, отмечает, что «ни экономическая, ни технологическая, ни чисто социальная, ни экологическая или какая-либо другая инновации не могут состояться без политической модернизации общества»². Именно политическая модернизация выступает залогом дальнейшего успешного развития всего общества.

В понимании М. А. Молоковой политическая модернизация означает «обновление политической системы, перевод ее на инновационные рельсы развития, формирование и распространение политической культуры, современных и эффективных институтов, методов и практик, способных обеспечивать своевременное и адекватное реагирование системы на динамично меняющиеся параметры современной жизни»³. В интерпретации В. И. Пугачева политическая модернизация представляет собой «изменение политической системы, заимствование традиционными обществами новых социальных ролей и политических институтов, сформировавшихся в рамках западных демократий; возрастание участия в политике различных социальных групп»⁴. П. К. Гончаров под политической модернизацией подразумевает «процесс изменений в политической сфере модернизирующегося общества, в ходе которого формируется многокомпонентная, многофункциональная политическая система современного общества»⁵.

С. А. Ланцов отмечает, что содержание политической модернизации «составляют качественные изменения политической системы, связанные с соответствующими трансформациями в экономической, социальной и культурной сферах общества. В процессе такой модернизации происходит как становление новых, так и эволюция, приспособление к изменяющимся обстоятельствам наличных политических институтов»⁶. Своеобразное определение политической модернизации дает Л. И. Никовская, которая понимает ее как «процесс создания эффективных властных институтов и механизмов, формирование эффективной и компетентной бюрократии европейского типа, расширение участия масс в политике, становление правового государства и гражданского общества»⁷. С. А. Панкратов акцентирует внимание на целевой установке процесса модернизационных преобразований, заключающихся в возрастании способности политической системы успешно адаптироваться к новым образцам социальных

целей и создавать новые виды институтов, обеспечивающих как контроль над ресурсами, так и каналы для эффективного диалога между властью и населением⁸.

Таким образом, очевидно, что основным объектом политической модернизации выступает политическая система. Такая модернизация ведет к росту способностей политической системы адекватно и своевременно отвечать на вызовы общества, к возрастанию эффективности системы за счет внедрения новых или модификации имеющихся политических институтов и практик. Причем существует ряд параметров политической модернизации, по которым можно судить о наличии модернизации и степени модернизированности ее объекта.

1. Структурная дифференциация, которая предполагает формирование новых политических институтов, выполняющих строго очерченные и определенные функции, но в то же время являющимися тесно взаимодействующими и взаимосвязанными. В процессе модернизации возрастает многообразие деятельности людей, происходит появление новых групп интересов со специфическими требованиями. Политическая система должна быть способна быстро реагировать на такие изменяющиеся требования. Достичь этого можно как раз за счет разделения функций и возрастающего количества политических институтов. Г. Алмонд отмечает, что «основное отличие между традиционными и модернизированными системами заключается именно в уровне дифференциации функций и степени специализации взаимозависимости подсистем и элементов: чем больше элементов, чем теснее их взаимосвязь, чем конкретнее их специализация, тем более высок уровень развития политической системы»⁹.

2. Возрастание способностей системы, под которыми понимаются, прежде всего, способности к мобилизации, инновациям и выживанию. Это означает, что система более эффективно привлекает и использует экономические, политические, информационные, людские ресурсы для достижения новых целей в развитии; приспосабливается к новым проблемам, своевременно и адекватно реагирует на различные импульсы и непредвиденные обстоятельства; использует в целях самосохранения системы и преодоления различных кризисов новые средства социализации и коммуникации.

3. Тенденция к равноправию, которая проявляется: во-первых, в возрастании участия в политике самых различных общественных групп, а также в распространении «культуры участия»; во-вторых, в универсальном характере законов; в-третьих, в уничтожении всех искусственных ограничений (сословных, расовых, имущественных, половых) на политическую деятельность индивидов и социальных групп, а также предоставление всем гражданам возможности свободного занятия государственных должностей. Как

отмечает С. Хантингтон, «во всех современных государствах граждане оказываются непосредственно вовлечены в процессы управления и испытывают на себе их последствия»¹⁰.

Стоит отметить, что перечисленные аспекты политической модернизации не обязательно прогрессируют синхронно. Так, исторический опыт показывает, что «между этими составляющими могут возникать противоречия: например, тенденция к равноправию может уменьшить способности политической системы и т. п.»¹¹. Асинхронность в развитии основных аспектов политической модернизации может привести к появлению различных кризисов.

Политическая модернизация выступает одним из вариантов прогрессивного политического развития. Она отличается тем, что «предполагает ряд конструктивных и сознательных мер, стратегий, учитывающих страновую специфику и невозможность прежней политической системы самостоятельно справиться с вызовами времени и решением актуальных задач»¹². Следовательно, политическая модернизация предполагает наличие «агентов» модернизации, которые иницируют и претворяют ее в жизнь. «Хотя идея обновления общества может разделяться и поддерживаться разными группами людей, реальной программой развития она становится только в сознании политической элиты, стоящей у власти. Последняя способна не только инициировать этот процесс, но и поставить ему на службу всю мощь государственной машины. Модернизация и есть в первую очередь политика, сознательная деятельность власти, ее политическая стратегия»¹³.

Начало политической модернизации связывается, как правило, с соответствующими изменениями в социальной и экономической сферах общества. Так, согласно концепции С. Хантингтона, стимулом для начала модернизационных преобразований выступает некая совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих правящую элиту приступить к реформированию. Реформы, затрагивая экономическую и социальную сферы, могут первоначально не касаться политической системы. Однако модернизация какого-либо одного элемента общества сразу же выявляет «несовременность» другого и, как следствие, неспособность решать вновь возникающие задачи. Таким образом, по мере реализации преобразований все отчетливее выступает необходимость и в политической модернизации для успешного завершения реформ и обеспечения равновесия между изменениями в различных сферах жизни общества. Кроме того, отставание в развитии политических институтов и практик по отношению к социальным и экономическим изменениям чревато политической нестабильностью и беспорядком.

Выделяют ряд факторов, препятствующих успешной политической модернизации. С. А. Ланцов считает, что на процессе полити-

ческой модернизации негативно сказывается «отставание ее от изменений в других сферах жизнедеятельности общества»¹⁴, ибо это может стать причиной революционного кризиса. К негативным факторам может относиться и уровень развития гражданского общества и политической культуры, который может оказаться не подготовленным к быстро протекающей демократизации. «В таком случае также велика вероятность возникновения кризисной ситуации, чреватой хаосом, ведущей к охлократии»¹⁵. Еще одним фактором может служить то обстоятельство, что многие страны начинают модернизацию (как политическую, так и социально-экономическую), основываясь не на внутренних потребностях, а «на стремлении самоутвердиться в контексте новых мировых реалий, укрепить обороноспособность и получить моральную (иногда – политическую и экономическую) компенсацию за военные поражения в прошлом, поднять уровень благосостояния и престиж»¹⁶. Для такой модернизации характерно заимствование лишь внешней стороны, подражание результатам, а не просчитывание путей и алгоритмов достижения желаемых целей применимо к той или иной среде. В результате происходит разрушение прежней системы ценностей социокультурного регулирования, значительно подрывается основа стабильности общества, а конфликты и противоречия трансформируются в трудноразрешимые кризисы политической модернизации. «И чем менее успешна структурная перестройка, тем больше вероятность последующего отставания и возникновения “рецидивирующей” модернизации – малоэффективной, с высокой социальной ценой и постоянной нуждой в новом скачке»¹⁷.

В. И. Пантин и В. В. Лапкин отмечают, что на успешность проведения политической модернизации оказывают влияние два фактора. Первый заключается во внутренней готовности «модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные “правила игры” для основных политических акторов»¹⁸. Желание и способность наиболее развитых стран оказать модернизирующемуся обществу эффективную экономическую и политическую помощь также способствует успешной политической модернизации. Помощь развитых стран может смягчить тяжелые последствия проводимых реформ. Г. Алмонд выделяет пять факторов, определяющих успешность политической модернизации: 1) последовательность стадий политической модернизации; 2) наличие достаточного количества ресурсов для развития; 3) одновременное развитие других систем общества; 4) достаточное количество внутренних возможностей самой политической системы для решения проблем по мере их появления; 5) адекватная реакция со стороны элит на различные вызовы, поступающие от общества¹⁹.

Таким образом, политическая модернизация есть «непрерывный процесс качественных преобразований политической системы на основе как традиционных, так и синтетических ценностей, связанный с формированием новых политических институтов, структур и отношений, обеспечивающих расширение сферы политического участия различных социальных групп, эффективный диалог между властью и обществом в интересах социально-политической стабильности и устойчивого поступательного развития»²⁰.

В целом среди методов стабилизации политической системы используются следующие²¹:

– социальное маневрирование – необходимо ослабить коллизию между закономерностями функционирования системы и интересами ущемляемой ими части общества, а следовательно, свести до приемлемого уровня ее негативную политическую ориентацию. Достигается этот эффект путем перераспределения определенной доли общественного продукта. Объем этой доли зависит от ряда обстоятельств: уровня социальной и политической напряженности, существующей в обществе; гибкости, проявляемой той его частью, у которой изымается общественный продукт; степени профессионализма политического руководства;

– политическое маневрирование осуществляется при помощи политических средств – через деятельность политических органов, при помощи политических решений. Наиболее распространенными формами политического маневрирования являются: 1) выявление возможностей компромисса между противоборствующими силами. Оптимальным итогом считается установление консенсуса, не исключающего конфронтации сторон, но удерживающего ее в приемлемых пределах; 2) смена политического актора. В какой-то конкретный момент политическая сила, взявшая на себя обязательство добиться определенной цели и не реализовавшая его, теряет общественный кредит. Тогда в интересах стабилизации системы производится политическая рокировка; 3) создание образа врага, то есть происходит политическая дезориентация недовольной части общества, переключение ее социальной и политической энергии на цели, не подрывающие стабильности системы;

– политическое манипулирование – действия, предпринимаемые политическими инстанциями для обеспечения необходимого им состояния системы, в том числе целенаправленное воздействие на общественное сознание через каналы массовых коммуникаций. СМИ в подавляющем большинстве находятся в руках политических сил, господствующих в данном обществе. Поэтому их действия чаще всего ориентированы на стабилизацию системы;

– интеграция контрэлиты – контрэлиты образуются, когда неправильно организованная селекция кадров приводит к отсеву участников. Не попав в состав политической элиты, они накапливаются на противоположном полюсе,

развертывая антисистемную активность. Одна из функциональных целей политического руководства – предотвратить образование контрэлиты;

– силовое давление: главная движущая сила – целесообразность. Наиболее эффективно применительно к системам с примитивной структурой. Связи в них обозримы и могут быть взяты под контроль, осуществляемый из центра. Признание данного метода действующим делает необходимым детальное рассмотрение форм его реализации. Они могут быть представлены от установления тоталитарной диктатуры, направленной на насильственное искоренение негативного отношения к системе, в том числе физическое истребление его носителей, до применения косвенных методов давления при соблюдении норм современного правового государства. Обращение к той или иной форме в решающей степени зависит и от сложности общественной системы, и от остроты потрясающих ее кризисных процессов.

Говоря о «догоняющей» модернизации в России, следует отметить, что она имеет чрезвычайную протяженность, растянутость во времени²². «В политическом развитии России <...> отчетливо прослеживается нелинейность и волнообразность, которая проявляется, в частности, в циклах реформ – контрреформ»²³. Однако «такое чередование реформ и контрреформ отнюдь не ведет к прекращению политической модернизации»²⁴. Наоборот, на этапе контрреформ происходит адаптация к российским условиям политических институтов, заимствованных и имитационно освоенных в годы реформ. Еще одной особенностью отечественной модернизации является активная роль государства в инициировании и определении основных направлений модернизационных изменений. «Причем общество выступает лишь как объект модернизационных преобразований, а не как опора или стимул к изменениям»²⁵.

В современной России «политическая модернизация представляет собой переход общества от советского конституционного строя к демократическому. Этот переход был подготовлен демократическим движением конца 80-х – начала 90-х годов XX века»²⁶. В целом перестройка политической системы СССР, прерванная его распадом, дала импульс политической модернизации России. Сложившаяся с 1991 г. «политическая конфигурация – демократический президент, подконтрольное ему правительство реформаторов и претендующий <...> на всевластие Верховный Совет – представляла собой аномальную политическую конструкцию как своеобразный результат начальной стадии политической модернизации»²⁷. Принятая в 1993 г. Конституция РФ стала важным этапом в процессе политической модернизации. Россия начала определяться как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, как социальное, а также светское. Многонациональный народ провозглашается носителем суверенитета

и единственным источником власти, высшим непосредственным выражением которой являются референдум и свободные выборы.

Вместе с тем чрезмерные темпы политической модернизации, отсутствие демократических корней у демократических институтов затрудняли процесс создания стабильной политической системы, которая вследствие реформ стала хуже выполнять свои функции. В силу этого «повышение эффективности политической системы в России <...> сопровождается и может сопровождаться дальше некоторыми изменениями возвратного характера»²⁸. В результате 2000-е гг. стали «годами укрепления механизма государственного управления, восстановления “вертикали власти”, нейтрализации “политических поляризации” и создания демократических институтов “сверху”»²⁹. В итоге в процессе политической модернизации в России произошло становление новых политических институтов, в частности института президента, двухпалатного парламента, многопартийности, свободных выборов на конкурентной основе. Ряд мер, в частности, внесение изменений в законодательство о партиях, создание Общественной палаты, был направлен на увеличение возможности участия граждан в политике.

Исходя из этого, можно считать, что политическая модернизация в России есть результат постепенного увеличения возможности участия российских граждан в политике на фоне имитационных практик процесса публичного обсуждения политических решений в ходе реализации государственных модернизационных преобразований политической системы РФ. Подобная ситуация напоминает маятниковый механизм в системе координат «консерватизм – либерализм», где первый тяготеет к созданию централизованных институтов власти, которые обеспечили бы благоприятный исход процесса политической модернизации, а второй акцентирует внимание на возможности оказывать влияние со стороны населения на принимающих властные решения субъектов.

Вместе с тем необходимо помнить, что российское общество на протяжении длительных исторических периодов находилось в мобилизационном режиме и развивалось в милитаризованном ключе; импульсы модернизации формировались не как органическая потребность, а исходили из внешнего источника и осуществлялись дискретно, нередко в результате военных действий или в связи с потенциальной военной угрозой³⁰. В результате имплантации инновационной матрицы в российскую политическую практику в исторически короткий период сложилась корпоративная модель элитообразования, в которой воспроизводятся каналы и механизмы рекрутирования референтных моделей, тяготея к отечественной традиции.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14–33–01202).

Примечания

- 1 Пантин В. И. Волны и циклы социального развития : Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М. : Наука, 2004. С. 7.
- 2 Там же. С. 25.
- 3 Цит по: Молокова М. А. Гражданское общество как фактор политической модернизации : проблемы и вызовы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 173.
- 4 Цит. по: Болховитина Т. С. Модернизация в проекции политического анализа // Изв. ТулГУ. 2012. № 2. С. 264.
- 5 Гончаров П. К. Политический транзит : от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология. 2006. № 2. С. 61.
- 6 Ланцов С. А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. 2001. № 3. С. 93.
- 7 Никовская Л. И., Якимец В. Н., Молокова М. А. Гражданские инициативы и модернизация России. М. : Ключ, 2011. С. 25.
- 8 См.: Панкратов С. А. Модернизация России : поиск модели устойчивого развития. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 45.
- 9 Цит по: Файзуллин И. Ф. Модернизация политической системы российского региона : особенности и модель // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9, ч. I. С. 185.
- 10 Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 52.
- 11 Абрамов А. В. Современная концепция модернизации : работа над прежними ошибками // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2012. № 4. С. 113.
- 12 Славина-Шкретова Н. Б. Политическая модернизация : Теоретико-методологический аспект : дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 36.
- 13 Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 38.
- 14 Ланцов С. А. Указ. соч. С. 93.
- 15 Там же. С. 93.
- 16 Славина-Шкретова Н. Б. Указ. соч. С. 42.
- 17 Там же. С. 42.
- 18 Лапкин В. В., Пантин В. И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2005. № 3. С. 45.
- 19 Цит. по: Ansari S. J. Political Modernization in the Gulf. New Delhi : Northern Book Centre, 1998. P. 15–16.
- 20 Болховитина Т. С. Указ. соч. С. 265.
- 21 См.: Галкин А. А. Стабильность и измерение сквозь призму культуры мира // Полис. 1998. № 5. С. 120–122.
- 22 См. подробнее: Дунаева Ю. В. Модернизация в России : основные теоретические подходы (обзор литературы) // Политическая наука. 2003. № 2. С. 203.
- 23 Пантин В. И. Циклы реформ – контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. 2011. № 6. С. 24.

- ²⁴ Лапкин В. В., Пантин В. И. Указ. соч. С. 49.
- ²⁵ Горелик Д. С. Институциональные предпосылки политической модернизации в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 111.
- ²⁶ Зимин В. А. Политические модернизационные процессы в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. С. 74.
- ²⁷ Тянь В. В. Политическая модернизация России в постсоветский период (характеристики и факторы своеобразия) // Власть. 2009. № 9. С. 18.
- ²⁸ Шилов В. Н. К вопросу о политической модернизации в современной России // Политика и общество. 2010. № 4. С. 6.
- ²⁹ Тянь В. В. Указ. соч. С. 19.
- ³⁰ См. : Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России : вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. С. 322.

УДК 32.019.5 – 053.81

РОССИЙСКИЕ СМИ КАК «АГЕНТЫ»: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО КОНФЛИКТА МЕДИЙНЫХ И ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

В статье рассмотрены те тенденции, которые имеют место в деятельности российских законодателей в политико-правовом регулировании функционирования отечественных СМИ. Стремление ограничить для российских медийных структур воздействие зарубежных информационных процессов рассматривается не только в контексте политического и информационного суверенитета государства, но и с позиций информационного обеспечения интересов гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: СМИ, политический суверенитет, информационный суверенитет, гражданское общество, медийные структуры, властные структуры.

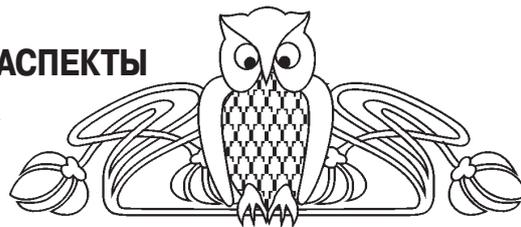
Russian Mass Media as «Agents»: New Aspects of Traditional Conflict between Media and Power Structures

А. V. Rossoshansky

The article is about tendencies observed in Russian lawmakers' activities while juridical and political regulating of the mass media. An intention to defend Russian media structures from the influence of foreign informational processes is viewed not only in the context of political and informational sovereignty of a state, but with regard to informational guarantee of civil society's interests in modern Russia too.

Key words: mass media, political sovereignty, informational sovereignty, civil society, media structures, power structures.

Конфликт интересов СМИ и институтов государственной власти – это норма современной политики. Власть, какой бы демократичной или авторитарной она ни была, обычно уверена, что журналисты «лезут» куда не следует, излишне будоражат общественное мнение не теми вопросами, на которые эта власть сегодня готова дать прямой ответ. Работники медийных структур, в свою очередь, привычно подозревают и обвиняют власть в намерении что-то скрыть от них и общества, не дать доступа к чему-то принципиально

важному для повседневного самочувствия людей. Это как важный индикатор общего «здоровья» политики: если журналисты и чиновники критикуют друг друга, то граждане могут спать спокойно.

С другой стороны, применительно к ситуации в современных обществах и государствах, в которых информационные потоки и информационные ресурсы приобретают значение ключевого фактора всего развития этих систем, к такого рода конфликтам уже нельзя относиться просто как к «старой доброй традиции». В этих конфликтах обнаруживается нечто новое, характеризующее общие подвижки в качестве современной политики. Одним из последних по времени и резонансных примеров такой конфликтной ситуации стала история с внесением в Государственную думу и последующим отклонением так называемого «закона о правде», или «закона о СМИ – иностранных агентах».

Если кратко, то суть дела в следующем. Депутат от «Единой России» Евгений Федоров, несмотря на неодобрительные отзывы некоторых других членов партийной фракции в российском парламенте, вместе с депутатами Антоном Романовым и Магомедом Селимхановым внес в Думу законопроект, в котором предложил (в виде поправок в действующий Закон «О средствах массовой информации») наделять СМИ статусом «иностранных агентов», в случае если они получают зарубежное финансирование в той или иной форме¹. Очевидно, что предложение построено по аналогии с законом, который наделяет таким же статусом некоторые российские общественные организации. В частности, депутат предложил дополнить вторую статью этого Закона, характеризующую основные понятия, соответствующим определением «СМИ как иностранного агента». Автор законопроекта предложил трактовать это понятие достаточно широко, что, по всей видимости, и вызвало возражения его коллег по фрак-

ции. Под это понятие попадают те СМИ, которые получают деньги и имущество (в объеме более 50% от собственных доходов) от «иностранных государств, их госорганов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц»². Имеются в виду, по-видимому, как раз те общественные организации, которые уже были прежде причислены к разряду «иностранных агентов». В ст. 25 Закона «О средствах массовой информации» было предложено ввести обязательное для всех СМИ требование помечать свою печатную и электронную продукцию значками, сообщающими читателю, что он имеет дело с информацией, отражающей «зарубежный взгляд» на те или иные проблемы внутренней и внешней политики России³.

В ходе дискуссии, развернувшейся в Интернете по поводу данной инициативы, было высказано немало опасений относительно того, что нет возможности различить на деле «политическое финансирование» и простой бизнес, когда медийная структура получает доход от рекламы (например вполне качественной косметики зарубежных компаний). Высказаны были опасения и относительно судьбы акционерных обществ с участием иностранного капитала, которые действуют в России и от которых СМИ нередко получают поддержку. Автор законопроекта активно все эти опасения отвергал и опровергал. Но интересны не только и даже, может быть, не столько сами по себе эти споры по частным позициям и формулировкам, отраженным в законопроекте, сколько то, что разработан был этот законопроект инициативной рабочей группой, созданной в Госдуме по итогам проведения круглого стола на тему «Российская власть и вопросы суверенитета». Прежде плодом работы этой группы стал закон, запрещающий российским чиновникам владеть собственностью за рубежом. Так что счесть инициативу депутата Федорова попыткой саморекламы невозможно, это реализация определенной стратегии, у которой есть свои сторонники во властных структурах. И мотив их приверженности этой стратегии депутат Федоров сформулировал предельно четко: «Это законы, направленные на защиту суверенитета»⁴. Имеется в виду, конечно, государственный суверенитет.

Через некоторое время в СМИ появилась информация, что законопроект отозван самими его разработчиками и Госдума не будет его обсуждать⁵. Как сообщили СМИ, законопроект был снят с повестки дня на пленарном заседании Госдумы по просьбе председателя профильного комитета по СМИ Алексея Митрофанова.

Казалось бы, назревавший конфликт интересов властных и медийных структур, один из ряда многих сегодня, исчерпан, и о нем можно забыть. Представляется, однако, что это конфликт знаковый и на него имеет смысл обратить более

пристальное внимание. Потому что речь, в сущности, идет именно о политическом суверенитете, о том, между кем (государством, медиаструктурами, институтами гражданского общества и т. д.) и в каких пропорциях этот суверенитет может и должен быть распределен с учетом новых внутривластных и глобальных тенденций. Если конкретнее, то речь идет о той части государственного суверенитета, которую можно назвать «информационным суверенитетом», и которая в современных условиях становится одним из ключевых факторов в информационной политике и в политике вообще. В условиях глобализации меняется структура информационного пространства, меняется состояние государственных институтов, включенных в информационный обмен. Соответственно, образуется связь между изменениями в состоянии информационного суверенитета и состоянии других компонентов государственного суверенитета. Можно констатировать, что акцент, который делается в развитых странах мира на коммуникативной стороне политики, свидетельствует о том, что именно информационный суверенитет рассматривается в качестве одной из ключевых характеристик общественно-политического устройства, от которой непосредственно зависит состояние всей системы государственного суверенитета.

Тот конфликт, пример которого был приведен выше, как раз обозначает тенденцию, обнаружившуюся в российской политике, что в центре политического конфликта государственной власти и медийных структур сегодня оказываются уже не частные интересы отдельных институтов, учреждений или лиц, а принципиальные вопросы состояния всей российской системы государственных и общественных отношений. Речь идет уже не о простом распределении (например между бюрократией и бизнесом) «дивидендов» от использования информационного ресурса политики, а о том, кто и в какой мере будет реальным носителем информационного суверенитета, то есть будет обладать реальными возможностями не только контроля над производством и распространением политически ценной информации, но и возможностями блокирования аналогичных претензий со стороны политических конкурентов.

Если рассматривать вышеприведенную конфликтную ситуацию с этих позиций, то вполне понятно, что есть некий новый симптом в российской информационной политике. Длительное время естественный политический конфликт медийных и государственных структур развивался в рамках либеральной парадигмы, то есть в рамках представления, что информационный суверенитет не может быть в принципе монополизирован кем-либо, ни структурами гражданского общества, ни структурами государства, и лишь СМИ выступают в этом важном вопросе в качестве профессиональных медиаторов во взаимоотношениях общества и власти. В соответствии с этой парадигмой был

выстроен и упомянутый закон «О средствах массовой информации», в который планировалось внести поправки, фактически сужающие такие медиативные полномочия российских СМИ. Теперь, по сути, была сделана пробная попытка со стороны государства того, чтобы сориентировать российскую информационную политику на другую парадигму, а именно на максимальное преобладание государственного информационного суверенитета в системе современной политики, на максимальное блокирование неподконтрольных непосредственно российскому государству каналов движения информации.

Заявка не прошла с первого раза. Но это не значит, что в других формах и другими средствами она не будет повторена (поскольку она логична в контексте того состояния политического процесса, которое мы имеем сегодня в нашей стране). Эта попытка, как представляется, есть симптом другой, может быть, даже более серьезной проблемы, для современной России, можно сказать, цивилизационной. Это проблема состояния гражданского общества. Не только в его институциональных характеристиках, а, прежде всего, в аспекте способности сообщества российских граждан консолидированно сформулировать, общественный запрос на свою долю информационного суверенитета, а сообщества российских исследователей этот запрос выявить и представить государственной власти в виде того политического обстоятельства, с которым власть должна считаться.

По многим другим критериям гражданское общество в нашей стране сегодня вроде бы формируется, но по информационному критерию оно отсутствует как таковое. Потому как ни граждане, ни специалисты, изучающие их мнение, не могут сегодня четко сказать, сколько и какой информации нужно людям, чтобы они ощутили себя гражданами, полноценными субъектами политики и при этом не переступили ту грань, после которой гражданская лояльность заканчивается и начинается политический экстремизм.

Примеров последнего сегодня множество и в Украине, и в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Собственно, именно эту грань контролировать и оберегать граждан от возможности ее переступания и планировали разработчики соответствующих поправок в российский Закон о СМИ. А естественным путем такое понимание и установление необходимого уровня информированности граждан о свойствах внутренней и внешней политики, особенно в отсутствие государственной идеологии, будет происходить мучительно долго и с непредсказуемым конечным результатом. Именно качество потребности политически активного человека в политической

информации определяет его и всего общества «градус гражданственности». Неопределенность с запросом общества на качество политической информации лишает большей части смысла и общественный запрос на информационный суверенитет. На это исчезновение смысла, собственно, и среагировали разработчики упомянутых выше поправок. Российское общество в нынешних политических, экономических и культурных условиях в лучшем случае может действовать по аналогии: хотим обладать информацией в том объеме и качестве «как на Западе», «как принято в демократической политике» и т. д.

В подтексте любого подобного запроса уже просматривается то «покушение» на государственный суверенитет, на которое институты власти неизбежно будут раз за разом реагировать, в том числе посредством законотворческих инициатив. Это ставит государство в выгодное положение в процессе взаимодействия с гражданским обществом: оно может не только отстаивать свой информационный суверенитет, но и навязывать обществу его формат и конкретные свойства в конкретных ситуациях, связанных с использованием в политике Интернета, печатных СМИ, каналов передачи учебной информации в системе школы и вуза. В перспективе – это естественная предпосылка к тому, что государство будет предпринимать шаги к превращению своего приоритетного обладания информационным суверенитетом в монополию, подобно тому, как ранее оно монополизировало финансовый, военный и правовой суверенитеты в структуре суверенитета государственного. Здесь, возможно, как раз и формируется сегодня канал выхода современных государственных систем из того кризисного состояния, в которое их повергают современные процессы глобализации: государственный суверенитет сталкивается с вызовами и рисками самого разного свойства, но при этом его реструктурирование и появление новых качеств повышает вероятность его адаптации к новым реалиям политической жизни современных обществ и государств.

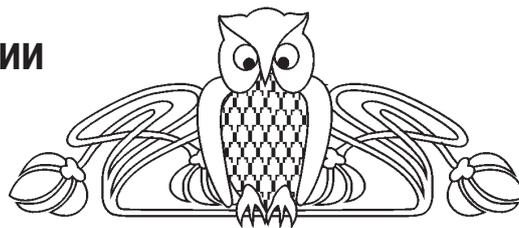
Примечания

- ¹ Агенты массовой информации. В Думу внесен «закон о правде», законопроект о средствах массовой информации – «иностранных агентах». URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/07/18_a_4685069.shtml (дата обращения: 20.01.2014).
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Отозван законопроект о СМИ – «иностранных агентах». URL: <http://news.mail.ru/politics/16575610/?frommail=1> (дата обращения: 20.01.2014).

УДК 32.001

ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ: К АНАЛИЗУ КОНЦЕПЦИИ РАВНОВЕСИЯ И ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

Б. Н. Карипов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: bkarirov@yandex.ru

В статье показано, что в основу модели политических изменений пореформенной России, сформулированной либеральными мыслителями и учеными, был положен концепт правового государства. С помощью правовой государственности либералы надеялись разрешить многочисленные коллизии между личностью и государством. Вместе с тем либеральные мыслители понимали, что теоретический анализ сущностных признаков проблемы взаимоотношений государства и личности недостаточен. Логика исследования требовала перехода к следующему неотъемлемому ее компоненту – поискам соответствующих условий для обеспечения данных взаимоотношений.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, личность, право.

Russian Liberals: to Analyze the Concept of Balance and Complementarity Between Civil Society and the State

B. N. Karipov

The article shows that the model is based on the political changes post-reform Russia, formulated by liberal thinkers and scientists, was based on the concept of law. With the help of legal state liberals hoped to resolve the numerous conflicts between the individual and the state. However, liberal thinkers have understood that the theoretical analysis of the essential features of the state and the problem of the relationship of personality is not enough. The logic of the study required a move to the next of its inherent component – the search for appropriate conditions to ensure that these relationships.

Key words: rule of law, civil society, personality, really.

Российские мыслители либеральной ориентации не только заложили философско-теоретический фундамент соответствующей модели политических изменений, но и разработали ряд системообразующих принципов, благодаря которым сама модель обрела целостностную и завершенную форму. Эти принципы можно представить как систему понятий, целевая установка которых сориентирована на ограничение произвола государства, а также на утверждение господства права. Идеальный архетип модели политических изменений, анализируемый в статье, являл собой теоретическое учение о правовом государстве. Содержание его составляли следующие концепты (т. е. принципиально значимые, системообразующие понятия): гражданское общество; правовая связанность государства; верховенство закона; принцип разделения властей; правовая защита личности.

В русской политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX в. сложилось два основных подхода к анализу идеи гражданского общества – политико-правовой и социально-философский. Первый основывался на концепции естественного права. Ее толкование представляли две школы – классического естественного права и «возрожденного» естественного права. Сторонники классицизма рассматривали естественное право как совокупность вечных и неизменных принципов и законов, вытекающих из природы человеческого разума и обязательных для всех времен и народов, предписывающих образцы поведения людей и запрещающих их нежелательные действия. Сущность права, с их точки зрения, состояла в упорядочении и гармонизации отношений между людьми. Каждому разделу права соответствовала определенная сфера общественной жизни и человеческих отношений.

Позитивное право и гражданское право, основанные на принципах естественного права, относились к двум важнейшим сферам правового регулирования – государству и гражданскому обществу. Гражданское право, одна из самых древних форм права, регулировало отношения между людьми как членами гражданского общества. Понятие «гражданское общество» впервые возникло для обозначения сферы приложения гражданского права. Гражданское право зафиксировало существенные признаки и конкретный состав гражданского общества. Поскольку право относится, прежде всего, к сфере внешней свободы людей, то последняя выступает в качестве необходимого атрибута гражданского общества. Таким образом, сторонники классического естественного права рассматривали свободу как смысл существования общества.

Представители «возрожденного» естественного права расходились с мыслителями традиционной школы естественного права как раз в понимании гражданского общества. В частности, для русского правоведа, философа, общественного деятеля П. И. Новгородцева гражданское общество являлось не только идеалом, который выражал свободу и разнообразие частной жизни, но и исторической формой сотрудничества, основанной на совместной деятельности и взаимных интересах людей, формой, утверждающей возможность достойного человеческого существования¹.

В этом позицию П. И. Новгородцева разделяли другие сторонники «новой» школы². Историческое развитие гражданского общества и его институтов сопровождается, с их точки зрения, сменой принципов естественного права.

Крупный русско-еврейский философ, религиозный мыслитель, психолог С. Л. Франк рассматривал гражданское общество в качестве самостоятельного объекта социально-философского анализа. Характеризуя организацию общественной жизни, ученый приходил к принципиальному выводу о ее расчлененности на два взаимосвязанных и противоположных начала (дуальности). С одной стороны, общество образуется под воздействием планомерности, выраженной в принудительной организации осуществления идеи; с другой стороны, оно выражает себя в спонтанности, означающей стихийное, непроизвольное взаимодействие отдельных индивидов и частей общества. Следовательно, общество создается как сознательно – планомерно и организовано, так и складывается стихийно, вырастает «само собой» из реального процесса жизни. Соответственно, «эти два необходимых и относительных начала общественного бытия» – сознательность и стихийность – «получают конкретное выражение в двух формах общественной жизни: в государстве и гражданском обществе»³.

В своей концепции гражданского общества С. Л. Франк пытался преодолеть как методологический индивидуализм, свойственный индивидуалистическим концепциям, так и телеологизм, характерный для социалистических учений. Он определял сущность гражданского общества с позиций своеобразного функционального подхода, рассматривая «индивидуалистический момент в структуре общества, – согласно которому общество должно являться расчлененным на ряд отдельных, не зависящих друг от друга, частных центров активных сил» не как «цель общественной жизни», а исключительно как необходимую функцию единства как «сверхиндивидуальной цели общества»⁴. Существенными чертами гражданского общества являлись, с точки зрения философа, свобода личности и сотрудничество между людьми.

Свободу личности С. Л. Франк понимал не как приращенное первичное право, вытекающее из естественных состояний общества, но как общественную обязанность, имеющую функциональную ценность. Не субъективное право личности вообще, а интересы служения обществу составляли для него содержание личной свободы и предопределяли ее функциональное назначение. В свою очередь, независимость членов общества, их самостоятельность представляла собой необходимую форму взаимной связи, общественного единства. Индивиды связывались между собой посредством свободного соглашения частных волей. Гражданское общество как сфера реализации личной свободы являлась одновременно системой

свободного взаимодействия и соглашения частных волей. Соответственно, свобода личности предполагала столь же свободное взаимодействие между членами гражданского общества. Многие в этом взаимодействии зависело от отношений между гражданами и властью.

Большинство либеральных российских мыслителей являлись сторонниками концепции равновесия и взаимодополнения в отношениях между гражданским обществом и государством, что позволяло сдерживать произвол последнего. По мнению русского правоведа, философа, историка, публициста Б. Н. Чичерина, общество как единое целое проявляло себя в деятельности общественных союзов. Государству как одному из этих союзов принадлежала верховная власть в обществе. Однако государственными формами не исчерпывалось все многообразие общественной жизни; «в пределах единства» всегда имелось необходимое «место для отдельных лиц и для частных союзов; и те, и другие требуют свободы и самостоятельности»⁵. Нарушение же такой самостоятельности со стороны государства и его органов вело к деспотизму. Следовательно, именно свобода являлась необходимым условием сосуществования гражданского общества и государства. Она предполагала одновременное развитие той и другой институциональных парадигм в принадлежащих им сферах деятельности.

Государству, выступающему в качестве субъекта законодательной деятельности, не следовало злоупотреблять своим исключительным положением. Напротив, устанавливая нормы и принимая законы, оно было обязано руководствоваться началами, лежащими в основе частных союзов и институтов гражданского общества. Государству принадлежала охранительная функция, назначение которой состояло в закреплении и защите гражданско-правовых институтов, в том числе институтов частной собственности, семьи, наследственности, обязательств и т. д. Б. Н. Чичерин являлся одним из первых русских мыслителей, искавших обоснование принципа органичности отношений государства и гражданского общества, суть которого сводилась к примирению «начала свободы с началом власти и закона»⁶. Такое понимание роли государства позволило исследователям общественно-политических, теоретических взглядов Б. Н. Чичерина впоследствии утверждать, что именно этому мыслителю, идеологу принадлежала определяющая роль в создании концепции так называемого «охранительного», консервативного, либерализма⁷.

Таким образом, потребности личности удовлетворялись как в государстве, так и в гражданском обществе. Последнее, с традиционной для либералов точки зрения, представляло собой союз, репрезентирующий «интересы всей совокупности граждан не только в области защиты внешней и внутренней, составляющей по преимуществу функцию государства, но и в области взаимного

пользования услугами граждан». Государство, продуцируя и охраняя права отдельных граждан, делало «это не на основании отвлеченных построений, выводимых из разума», но принимало «во внимание потребности и уровень культуры всей совокупности граждан»⁸. Иными словами, в гражданском общественном союзе закреплялся и утверждался социально-политический и правовой статус личности. Тем самым государству навязывались и важные для его эффективного функционирования ограничительные стандарты. К внутренним механизмам ограничения государственного произвола российские либеральные мыслители относили связанность государства правом – конституцией как средством формального ограничения пределов деятельности государства; установленными в конституции и других законах формами деятельности государственной власти; пределами, устанавливаемыми явлениями социально-психологической жизни; ограничениями, налагаемыми правовыми свободами.

Представитель «классической школы» государственстведения известный русский профессор права, публицист А. Д. Градовский видел предел государственной власти в конституции и считал, что именно конституцией должна ограничиваться государственная власть⁹. По его мнению, основным и общим признаком конституционной формы являлось «самоограничение» государственной власти, в силу чего эта власть не могла быть абсолютной, в чьих бы руках она ни находилась: в руках народа или монарха с народным представительством. Юридическим выражением такого самоограничения А. Д. Градовский считал основные законы, или конституции. В них, по мнению правоведа, содержались те необходимые юридические и политические положения, в пределах которых должны были действовать все государственные власти, в том числе и законодательная. Сама законодательная власть связывалась и ограничивалась конституцией. Законы, исходящие от нее, должны были быть конституционными; в противном случае они не могли иметь обязательной силы. Конституция являлась законом, поставленным над всеми факторами государственной власти, которые должны были соотноситься с высшим законом собственные действия в области законодательства, суда и управления.

Русский историк, писатель, правовед, политический деятель С. А. Котляревский уделял особое внимание исследованию *правового самоограничения* государственной власти на основании установленных в конституции и других законах форм деятельности. Термин «самоограничение» рассматривался им в двух вариантах. Во-первых, как самоограничение в пределах абсолютизма. С этой точки зрения власть самодержца, будучи источником любой другой власти в государстве, не могла не иметь пределов; эти пределы и являлись ее «самоограничением». Во-вторых, «самоограни-

чение» связывалось с переходом к конституционному строю: подобное ограничение не могло быть отменено односторонним актом монарха, что само по себе являлось юридическим ограничением его воли. Второй вид самоограничения получил отражение в основных законах от 23 апреля 1906 г., с введением в действие которых Россия, по мнению С. А. Котляревского, естественным образом превратилась в конституционное государство¹⁰.

Коренную предпосылку осуществления правового государства либеральный историк и правовед усматривал в принципе *относительной независимости права и государства друг от друга*. По его убеждению, правовое ограничение включало в себя нечто большее, чем простое упорядочение проявленной власти. Предпосылки подобного самоограничения, условия возникновения двусторонних норм обнаруживались в переходе к общим для всех подвластных нормам, в требовании одинакового повиновения от этих подвластных, хотя еще не наделенных какими-либо публичными правами. В этом уже заключалось признание со стороны власти известного принципа равенства, которым она должна была руководствоваться.

Многие российские мыслители и ученые связывали пределы государственной власти с явлениями социально-психологической жизни людей. Так, российский, украинский ученый-юрист и теоретик права Н. И. Палиенко, исходя из того, что государственная власть в основе своей есть явление коллективно-психологического характера, пришел к выводу, что в качестве мотивации поведения подвластных исключительно подавляющей принудительной силы, находящейся в распоряжении властителя, недостаточно. Согласно его взглядам, нормы в целом и законы в частности представляют собой не что иное, как «внешнеимперативные нормы». Поэтому их обязательность для государства должна была обуславливаться тем психологическим фактором, который в огромной мере сам обуславливал силу государства и его власть, – признанием со стороны подвластной моральной авторитетности, пользы, рациональной необходимости подчинения таким нормам¹¹. Таким образом, воля подвластных оказывалась не менее важной, чем воля властвующих. Именно первая из двух волей должна служить базисом для объяснения отношения права к государству.

Используя результаты психологического анализа права, Н. И. Палиенко дал формально-юридическое объяснение связанности государства правом. Властитель мог быть связан устанавливаемыми им нормами не только потому, что обязательность этих норм основывалась на его собственном убеждении и желании. Главной причиной являлось то обстоятельство, что в этой социальной массе, властителем которой он являлся, созревало сознание и признание обязательности и для него норм, декларируемых им самим. Тогда эти нормы отрешались в сознании подвластных от

воли властителя, объективировались и противопоставлялись властителю как связывающее его внешнее определение деятельности, независимо от его произвола, субъективных убеждений и воли. Таким образом, нравственные ограничители принимали форму юридических, формальных. В подданных государства и их нормативных убеждениях заключалось не нравственное, свободное самоопределение властителя, но правовое, внешнеимперативное его определение¹².

В либеральный дискурс следует вписать еще одну оригинальную позицию в объяснении правовой связанности государства – требование *ограничения государства правами гражданской свободы*. Так, русский ученый-юрист, философ права Н. М. Коркунов считал, что в отношении индивида и политической власти личность противопоставляет власти свои интересы, отстаивая и оберегая их, что приводит к созданию юридических норм, разграничивающих интересы власти и отдельных личностей. Государственная власть в своих проявлениях оказывается ограниченной правами гражданской свободы, среди которых он выделял следующие: индивидуальную свободу, свободу слова, свободу общения и религиозную свободу¹³.

Объяснение Н. М. Коркуновым правовой связанности государства было обусловлено его оригинальным пониманием государственной власти. Мету и границу власти он видел в степени сознания зависимости. В отличие от авторитетного во второй половине XIX в. немецкого правоведа Р. Иеринга, считавшего, что «для полного установления порядка необходимо содействие обеих сторон: той, которая руководит им, и той, которая соблюдает его»¹⁴, Н. М. Коркунов в теории, названной им теорией «субъективного реализма», абсолютизировал активность подвластного субъекта. Он видел объяснение явлений властвования исключительно в субъективном сознании зависимости. Смешивая власть государства с фактической зависимостью людей друг от друга, Н. М. Коркунов утверждал, что государственная власть является силой, обусловленной осознанием зависимости от государства. Исходя из подобного понимания государства и государственной власти, он приходил к выводу о том, что одним из оснований, побуждающих власть подчиняться началам права, является чувство законности, лояльности, которое может развиваться в гражданах только при условии, что власть в своей деятельности будет являть собой пример строгого уважения к праву.

Русские политические мыслители и ученые второй половины XIX – начала XX в. внесли значительный вклад в разработку идеи гражданского общества. В работах крупнейших представителей либерального направления впервые было сформулировано требование гражданских прав и свобод, их автономного существования по отношению к обществу и государству. Сфера гражданской жизни людей выделялась в качестве

предмета изучения, наряду с государством и его институтами. Российские ученые предложили рассматривать понятие «гражданское общество» в двух значениях: широком и узком. В широком смысле оно характеризовало конкретно-историческое состояние общества, в узком – выражало существенную сторону или сферу общественной жизни. Правоведение рассматривало гражданское общество как субъект гражданского права и как сферу правового регулирования, а зарождающаяся политическая наука – как целостный феномен социальной жизни в отношении к ее политическим структурам, и прежде всего к государству.

Таким образом, в основу модели политических изменений пореформенной России, сформулированной либеральными мыслителями и учеными, был положен концепт правового государства. С помощью правовой ответственности либералы надеялись разрешить многочисленные коллизии между личностью и государством. Вместе с тем либеральные мыслители понимали, что теоретический анализ сущностных признаков проблемы взаимоотношений государства и личности недостаточен. Логика исследования требовала перехода к следующему неотъемлемому ее компоненту – поискам соответствующих условий для обеспечения данных взаимоотношений.

Примечания

- 1 См.: *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 322.
- 2 См.: *Гессен В. М.* Возрождение естественного права. СПб.: Типография Санкт-Петербургского Общества Е. Евдокимова, 1902. С. 42; *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 328–330.
- 3 *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 36.
- 4 Там же. С. 142.
- 5 *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство: в 2 ч. Ч. 1. М.: Типо-литография Товарищества «И. Н. Кушнерев и К^о», 1882. С. 214.
- 6 *Чичерин Б. Н.* Различные виды либерализма // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3. С. 122.
- 7 См.: *Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2004; *Голиков А. К.* Личность и государство в русской социально-философской и политической мысли (XIX–начало XX века): дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2006. 392 с.
- 8 *Нечаев В. М.* Гражданское право и гражданское правоведение // Введение в изучение социальных наук: сб. ст. / под ред. Н. И. Кареева. СПб., 1903. С. 186.
- 9 См.: *Градовский А. Д.* Государственное право важнейших европейских держав. Ч. 2 // А. Д. Градовский. Собр. соч. в 9 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889–1908. Т. 5. 1902. С. 3, 4.

¹⁰ См.: Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М. : Изд-во : Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. С. 193.

¹¹ См.: Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков : Типо-литография «М. Зильберберг и сыновья», 1908. С. 339.

¹² Там же. С. 338–342.

¹³ См.: Коркунов Н. М. Русское государственное право. 3-е изд., перераб. : в 2 т. Т. 1. : Введение и общая часть. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. С. 419–423.

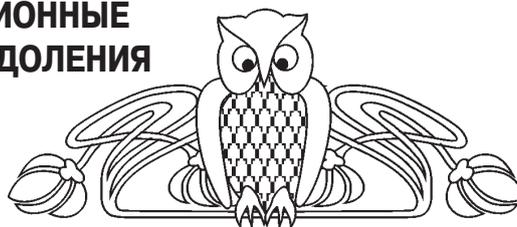
¹⁴ Иеринг Р. Цель в праве : в 2 т. ; пер. с нем. Т. 1. СПб. : Изд-во Н. В. Муравьева, 1881. С. 253.

УДК 321.01

КРИЗИС АВГУСТА 1998 ГОДА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВАРИАНТЫ ОБЪЯСНЕНИЯ И МОДЕЛИ ПРЕОДОЛЕНИЯ (в официальном дискурсе Б. Н. Ельцина)

М. В. Горбачев

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ktp@sgar.ru

В рамках статьи осуществлен анализ официального дискурса Б. Н. Ельцина относительно социально-экономического кризиса 1998 года. В статье систематизируются причины кризиса, последствия кризиса и модели его преодоления. Выявляются цивилизационные факторы, которые оказывают существенное влияние на государство и общество в условиях системного кризиса политических институтов.

Ключевые слова: цивилизационные факторы, цивилизационный дискурс, экономический кризис, политическая динамика, антикризисная политика, политические вызовы и угрозы.

Crisis of August 1998: Civilizational Variants of Explanations and Models Overcoming (in the Official Discourse of B. N. Yeltsin)

M. V. Gorbachev

In article the analysis of the official discourse B. N. Yeltsin on socio-economic crisis of 1998. The article systematizes the causes of the crisis, the consequences of the crisis and the model of its overcoming. Identifies civilization factors that have a significant impact on the state and society in the conditions of a systemic crisis of political institutions.

Key words: civilization factors, civilization discourse, economic crisis, political dynamics, the anti-crisis policy, political challenges and threats.

Социально-экономический кризис, разразившийся в России в августе 1998 г., называется экспертами одним из самых тяжелых в новейшей истории страны¹. Отечественные и зарубежные экономисты, политологи, социологи и другие ученые указывают на разные причины его возникновения. Одни аналитики считают, что главными причинами кризиса стали «огромный государственный долг России, кризис ликвидности, низкие мировые цены на сырье, составлявшее основу экспорта России»². Другие специалисты указывают «на негативные эффекты строительства финансовой пирамиды ГКО (государственные краткосрочные облигации), закономерно рухнувшей на определенном этапе своего развития»³.

Третьи полагают, что главное основание кризиса заложили неэффективные действия российского правительства, «которое не сумело консолидировать усилия по обеспечению устойчивости национальной валюты в фиксированном коридоре»⁴.

Помимо обозначенных, существуют иные позиции по поводу предпосылок финансового кризиса 1998 г. Ряд из них можно обнаружить в институциональных кризисных дискурсах представителей политической власти конца 90-х гг. XX в. В частности, экс-президент РФ Б. Н. Ельцин характеризовался достаточно интенсивным кризисным дискурсом. Он был представлен как на страницах официальной прессы («Российская газета»), так и в ряде его автобиографий и воспоминаний⁵. Цель статьи проанализировать специфику институционального кризисного дискурса президента РФ Б. Н. Ельцина за период 1997–2000 гг. Исследование данной проблемы тесно связано с выявлением типологических моделей выхода из кризисного состояния.

Социально-экономический кризис августа 1998 г. стал просматриваться в дискурсивном пространстве официальной власти начиная с осени 1997 г. До обозначенного периода времени глава государства в своих публичных выступлениях достаточно позитивно оценивал перспективы как российской экономики, так и финансовой политики ключевых правительственных министров. Например, правительство В. С. Черномырдина в ряде институциональных дискурсов называется как «правительство смелых проектов, благих пожеланий, хороших намерений»⁶. К данному дискурсивному тренду Б. Н. Ельцин осуществит возврат в августе 1998 г. В этот период в СМИ активно обсуждалась кандидатура нового премьер-министра, который сменил С. В. Кириенко на должности руководителя правительства.

Это нашло отражение в таких высказываниях, как «в 97-м году в экономике, наконец, наметилась тенденция к росту. Пусть первая, неустойчивая, но это была победа. Чубайсовская команда очень

четко формулировала свои цели: это были так называемые семь главных дел правительства»⁷. При этом Б. Н. Ельцин отмечает ключевые экономические преобразования, которые позволили сделать экономический рывок в этот период. В качестве одного из них он называет реформирование жилищно-коммунальной системы⁸. В частности, сохранение дотаций только для малоимущих – пенсионеров, многодетных семей и т. д., для всех остальных граждан медленное, но твердое повышение цены на содержание жилья⁹. Тем самым удалось сократить расходы на содержание нерентабельных экономических институтов.

Другой важнейший проект, по мнению президента, который позволил добиться определенного экономического роста, – реформирование социальной сферы. Так, президент многократно озвучивал в своих публичных выступлениях эффективность перехода от системы социальной помощи всем без разбору (даже тем, кто в ней не нуждался) к системе адресной социальной поддержки действительно нуждающихся¹⁰. В то же время уже в декабре 1997 г. Б. Н. Ельцин во многих публичных выступлениях отмечал, что проведенные реформы исчерпали свой полезный потенциал¹¹. Это нашло отражение в ряде дискурсивных трендов.

Так, Президент РФ отмечал, что «экономика, застряла между несформировавшимся рынком и перманентным политическим кризисом, нуждается в коренных преобразованиях, в абсолютно новых подходах¹². Или: «...социальную сферу считаю кризисной, невыплаты зарплат – это застарелая болезнь правительства»¹³. Кроме того, Б. Н. Ельцин неоднократно подчеркивал, что «только благодаря внутренним и внешним займам, торговле сырьем и металлом, благодаря громадному внутреннему потребительскому рынку и внезапно появившемуся классу торговцев, мелких, средних, крупных, которые создавали рабочие места, страна достигла так называемой стабилизации. Но в нашем случае стабилизация – не стабильность. Стабилизация – это фиксированный кризис»¹⁴.

Именно с зимы 1997 г. понятие «кризис» вошло в дискурсивный оборот институциональной власти: стало использоваться относительно систематически, применяться по отношению сначала к отдельным отраслям и сферам российской экономики, а затем ко всей экономической системе в целом. Это подтверждается рядом ключевых дискурсивных точек, которые затем сформировались в устойчивые тренды. Первыми из них были высказывания президента такого типа «снежный ком долговых обязательств, дефицит бюджета, тотальная задолженность всех и всем» или таких как, «невозможность государства выкупить продукцию даже у оборонных предприятий», «рабочие без зарплаты, местные бюджеты – без необходимых отчислений для врачей и учителей, для медицины»¹⁵.

Изучение институционального кризисного дискурса Президента РФ Б. Н. Ельцина позволило выявить комплекс причин, которые, по мнению лидера государства, способствовали возникновению кризиса 1998 г. В качестве осевой причины называлась политика «левой Думы», т. е. коммунистических депутатов, которые блокировали ключевые законы, необходимые для развития рынка и демократии в России. Как следствие, институциональная база рыночных преобразований опаздывала за ускоренным развитием «реального рынка и рыночных отношений». Также указывалось на частую смену «правил игры» в экономике самим правительством. То есть Б. Н. Ельцин утверждал, что младореформаторы пытались преодолеть несоответствие законов реальной экономической ситуации одним рывком. Как следствие, предпринимательские круги не смогли оперативно реагировать на меняющуюся институциональную реальность. Этим объяснялись многочисленные нарушения законодательства бизнесом, стремительное расширение «серого сектора» экономики.

Не менее важным основанием кризиса называлось сращивание финансового и политического капитала. Это явление в наиболее выраженном виде сформировалось после окончания вторых президентских выборов в новейшей истории России. Б. Н. Ельцин отмечал, что стремление банкиров непосредственно влиять на политические процессы в стране достигло критического уровня. В результате «большие деньги, которые пожирают друг друга и заодно государство»¹⁶, приобрели статус одного из центральных кризисных институциональных трендов, посредством которого объяснились причины социального-экономического кризиса 1998 г. Дополнением к указанной выше причине выступало такое явление, как отсутствие консолидации внутри экономической элиты: каждый крупный экономический субъект мыслил сугубо личными, краткосрочными экономическими интересами и целями. Поэтому совокупного поступательного развития экономики достичь так и не удалось. В качестве технической причины кризиса указывалось нежелание экономической элиты, в частности управленцев из правительства, пойти на плавную девальвацию национальной валюты еще в начале кризисного экономического года. Данный шаг, по мнению Президента РФ, позволил бы избежать как дефолта, так и серьезного спада в реальном секторе экономики.

Помимо обозначенных внутренних причин кризиса, в институциональном дискурсе Б. Н. Ельцина были намечены и обозначены внешние факторы кризисных явлений в российской экономике. Так, кризисные тенденции связываются с внешним инвестированием, а точнее, с его недостаточным объемом. В дискурсивных трендах отмечалось, что у России не было прямых инвесторов, которые бы обеспечивали минимальный уровень поддержки страны со стороны международного капитала. Также в качестве внешних

факторов экономического кризиса в России в институциональном дискурсе указывается политика «двойных стандартов». Проявлением этого тренда служат такие высказывания, как: «...складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, нам выделяют кредиты, поддерживают нашу финансовую стабильность. С другой стороны, возводят протекционистские барьеры на пути нашего экспорта»¹⁷. Отмечалось негативное влияние мировых финансовых институтов на российскую экономику, в частности, на товары, которые могли пользоваться успехом на внешних рынках. Кроме того, цикл спада российской экономики, согласно институциональным дискурсам официальной власти, совпал с очередным спадом всей мировой экономической системы (world-system в терминологии И. Валлерстайна и Д. Уилкинсона). В результате глобальное «сжатие» капиталистической системы совпало с «падением» российской экономики. Поэтому активной помощи со стороны международных финансовых институтов не последовало. Причем большая часть этой помощи оказывалась странам Юго-Восточной Азии, ситуация в которых стабильнее, чем в Российской Федерации.

Модель выхода из кризиса в дискурсе Президента РФ состояла из восьми-девяти направлений. Выдвигалась идея, согласно которой необходима жесткая вертикаль власти, идущая непосредственно от президента, а не от кого-то, кто претендует на влияние. В данном случае предполагалось изменить систему государственного управления РФ, в частности, усилить президентскую власть. Подчеркивалось, что без мощной политической фигуры, которая уравнивает всю сегодняшнюю катастрофу, ничего не получится. Предполагалось сократить расходы на содержание нерентабельных экономических институтов: в частности, не финансировать неконкурентоспособные предприятия, отслеживать прозрачность финансовых потоков, способствовать внедрению таких решений правительства, которые сделают невыгодными «теневые схемы» экономической деятельности¹⁸.

Отмечалась необходимость осуществить возврат к действенной политике протекционизма российских предприятий и активно вмешиваться в экономические процессы, если существуют реальные угрозы отечественным производителям. Также выдвигалась идея сформировать общий рынок товаров и услуг на постсоветском пространстве. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что интеграция постсоветского пространства стала рассматриваться как локомотив экономического подъема, как единственно возможный вариант эффективного и быстрого роста экономики и преодоления кризиса. Кроме того, обозначалась важность формирования долгосрочной стратегии социально-экономического и научно-технического развития страны с выделением территори-

ального разреза, предусматривающей комплекс мер по нормализации денежного обращения, преодолению долгового кризиса, устранению территориальных диспропорций и улучшению положения депрессивных регионов.

Помимо этого провозглашалась стратегия структурной перестройки и модернизации экономики на современной технологической основе. Подчеркивалась необходимость создания условий для кардинального повышения инвестиционной активности и устойчивого экономического роста, становления эффективного рынка труда и системы социальных гарантий. Показательно, что антикризисная модель Президента РФ, существовавшая в его официальном дискурсе на протяжении всего 1999 г., не включала в себя инструмента внешнеэкономической помощи, в частности, не предусматривала дополнительного кредитования РФ в международных финансовых институтах. Финансовые предпочтения и новые кредиты со стороны западных партнеров (центра world-system economy в терминологии И. Валлерстайна) Б. Н. Ельцин осенью 1999 г. уже не воспринимал как возможный элемент модели выхода из кризиса. Напротив, он называл их несвоевременными и опасными для российской экономической системы.

Примечания

- 1 См.: Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. М. : Время, 2009. С. 26.
- 2 Lowenstein R. When Genius Failed : The Rise and Fall of Long-Term Capital Management. N. Y. : Random House Trade Paperbacks, 2001. P. 31.
- 3 Степанова О. Предварительные итоги реконструкции ГКО – ОФЗ // Экономика и жизнь. 1999. № 6. С. 12.
- 4 Кувалин Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий : механизмы взаимного влияния. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 22.
- 5 См.: Ельцин Б. Н. Президентский марафон. М. : АСТ, 2000 ; Он же. Записки президента. М. : Огонек, 1994 ; Он же. Исповедь на заданную тему. М. : Вариант, 1990.
- 6 Ельцин Б. Н. Президентский марафон. С. 38.
- 7 Кох А. Ельцин служил нам! // Forbes. 2010. № 22. С. 29.
- 8 См.: Ельцин Б. Н. Президентский марафон. С. 12.
- 9 Там же. С. 79.
- 10 Там же. С. 12.
- 11 Там же. С. 7.
- 12 Там же. С. 77.
- 13 Там же. С. 73.
- 14 Там же.
- 15 Ельцин Б. Н. Записки президента. М. : Огонек, 1994. С. 43.
- 16 Ельцин Б. Н. Президентский марафон. С. 22.
- 17 Там же. С. 124.
- 18 Там же. С. 165.

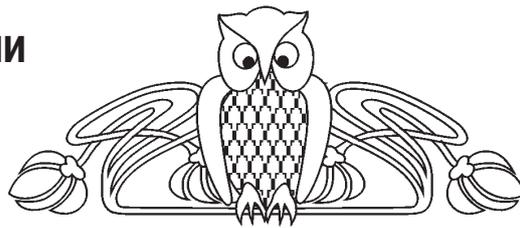

УДК 32: 316.346.32

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Богданов

Саратовский государственный университет
E-mail: selectedman@yandex.ru

В статье на основе теоретико-методологического анализа способов идентификации модернизационных и традиционных ценностных ориентаций российской молодежи выделяются типы исследований, проведенных отечественными учеными в этой области, дается характеристика данных типов. Автор выявляет противоречие в оценке роли молодых людей в процессе модернизации, которая обусловлена тем, что в работах отечественных исследователей прослеживается строгая взаимосвязь между результатами и той парадигмой исследования, которой придерживается конкретный автор.

Ключевые слова: традиционализм, модернизация, ценностные политические ориентации молодежи.

Modernization and Traditional Values and Political Orientations of Youth in Modern Russia

A. V. Bogdanov

In the article based on the theoretical-methodological analysis of ways to identify modernization and traditional value orientations of Russian youth in the types of research conducted by Russian scientists in this area, describes the data types. The author reveals the contradiction in the evaluation of the role of young people in the process of modernization, which is because in the works of Russian researchers traced the strict relationship between the results and the paradigm research, followed by a specific author.

Key words: traditionalism, modernization, values and political orientation of the youth.

Анализ способов идентификации модернизационных и традиционных ценностных ориентаций российской молодежи позволяет выделить несколько типов исследований в этой области.

К первому типу исследований можно отнести работы, в которых рассматриваются инновационные и традиционные компоненты российской политической культуры в целом. Эти работы используют в качестве эмпирических данных результаты отдельно проведенных исследований, статистические данные различных центров изучения общественного мнения (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр, Институт социологии РАН и т. д.)¹.

При этом молодежь чаще всего не выделяется в этом типе исследований в качестве самостоятельного объекта изучения. Тем не менее существует возможность выявить общие тенденции изменения российской политической культуры, ее характерные черты, которые в определенной степени присущи и подрастающему поколению.

В целом данным исследованиям политической культуры российского общества присущи следующие особенности. Во-первых, их выводы основаны на результатах отдельно проведенных опросов общественного мнения. Во-вторых, в этих исследованиях можно выделить четыре основных блока анализа ценностных суждений общества. Первый блок связан с выявлением представлений общества о политическом устройстве в государстве, рассматривается отношение общества к различным институтам российской политической системы, например, таким как институт разделения властей, институт президентства, выборов, отношение к политическим партиям, референдуму, протестным движениям, закону и т. д. При этом отмечается большое влияние, которое оказали традиционалистские установки общества на представления о политической системе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Выявляются тенденции к широкому распространению в обществе концептов «сильной руки, власти, лидера» и т. д., одобрение концентрации власти, иерархичность и т. д. Однако указывается на преобладание модернистских установок над традиционалистскими, указывается на начавшийся процесс «отмирания» традиционализма².

Следующий блок ценностных суждений населения исследователи связывают с выявлением особенностей взаимоотношения государства и общества. Основными концептами, характеризующими особенности этого взаимодействия, выступают «патернализм» и «подданничество». Здесь мы опять видим отсылку в целом к традиционалистскому характеру ценностных суждений общества, но при этом прослеживается кризис традиционализма, обнаруживающий себя в преобладании инновационных форм взаимоотношения между обществом и государством. Модернизация массового сознания, по мнению исследователей, просматривается в интерпретации обществом «закона, законности» как общедемократической нормы, суть которой заключается в подконтрольности власти гражданам и соблюдении закона всеми³.

Третий блок ценностных суждений российского общества исследователи связывают с рассмотрением места и роли России в мире, ее международного положения. Вновь в массовом сознании выделяется традиционалистская направленность на восприятие образа внешнего

мира, связанная с концептом «империя», центральное место в котором занимают тенденции к доминированию, военной силе и способности внушать страх.

Очередной блок анализа ценностных суждений российского общества составляют массовые представления об эталонных ориентирах и образцах поведения: исследователи рассматривают извечный вопрос, стоящий перед российском обществом, о направлении развития страны. Как известно, выделяются два – западный и особый – пути. В целом мы поддерживаем точку зрения ученых о том, что общественное мнение о перспективах развития России по западному пути высказывается «сдержанно позитивно».

Таким образом, в исследованиях авторов, использующих в своих работах социологические данные различных центров общественного мнения, можно выделить ряд особенностей.

Первая заключается в том, что традиции придается отрицательный оттенок, она воспринимается как основное препятствие на пути модернизации. Вторая – основная часть политических инноваций не прошла полный цикл институционализации, так как консолидация российского общества вокруг политических институтов происходит неравномерно и требует дополнительных временных затрат (ресурсов). Третья – массовое сознание российского общества становится более дифференцированным и реалистическим.

Основной вектор рассмотрения вопроса о взаимоотношении традиции и инновации в проанализированных исследованиях заключается в том, что традиционный подход должен быть исключен из повседневной практики взаимоотношения общества и государства. То есть в развитии государства следует ориентироваться только на процессы модернизации, исключающие и искореняющие прежние практики взаимодействия субъектов политической системы.

Следующие исследования, которые можно объединить в отдельный вид социологического анализа ценностных ориентаций молодых людей, представляют собой региональный опрос различных категорий граждан, в том числе и молодежи, центрами общественного мнения, университетами, академическими институтами⁴.

В ряде исследований проводимых в конце 2000-х гг. отмечается, что количество молодых людей, интересующихся политикой, является немногочисленным, а молодежи, непосредственно участвующей в политической жизни страны, еще малочисленнее. При этом большинство населения отмечает важность и необходимость участия молодого поколения в политике. Так, в опросе, проведенном ФОМ, отмечается: «Большинство опрошенных россиян (69%) признают важность того, чтобы молодежь – те, кому не более 25 лет, – участвовала в политической жизни страны»⁵.

Показательно, что старшее поколение, по данным социологических исследований, предъявляет

к современным молодым людям, участвующим в политике, весьма высокие морально-нравственные и профессионально-мировоззренческие требования.

Среди них выделяются такие, как определенный уровень образования (вуз), деловые качества личности (активность, целеустремленность, серьезность, амбициозность и т. д.), патриотизм, желание приносить пользу стране, обществу, стремление проявить, реализовать себя, профессиональный рост, расширение кругозора.

Такие высокие требования к личности молодого человека в политике можно объяснить компенсаторными свойствами политической культуры. Суть компенсации заключается в том, что большая часть взрослого населения ощущает дискомфорт, свою ответственность за отсутствие в предшествующие периоды соответствующей политической активности, направленную на изменение социально-политической ситуации в стране. Поэтому к молодежи предъявляются высокие требования не только личностного роста, но и деятельного характера (политической активности). На молодежь возлагаются большие надежды, связанные с осуществлением изменений, направленных на оптимизацию социально-политической ситуации в стране.

Третий тип исследований, посвященных современной российской молодежи, это работы, в которых анализируются социальные проблемы, менталитет, ценностные ориентации, жизненные установки современных студентов⁶.

В результате проведенных социологических исследований, отмечается, что события последних двадцати лет в России сказались на особенностях политического сознания большинства молодых людей. Суть этих особенностей проявляет себя в «мозаично-эклетическом псевдоменталитете, т. е. отсутствии какой-либо более или менее четкой картины мира, системы ценностей, норм и установок, существовании явных противоречий в сознании»⁷.

Изменение механизмов политической социализации, предоставление молодежи общественно-политической свободы в 1990-е гг. привело к определенной включенности молодого поколения в политическую сферу российского общества. Это воплотилось в создании большого количества молодежных организаций, формировании молодежных отделений в рамках основных политических партий.

Однако многие исследователи отмечают низкий уровень доверия представителей студенчества к действующим властным институтам, политическим партиям и большинству молодежных лидеров.

Это недоверие является следствием отсутствия реальных политических сил, отстаивающих интересы молодежи, нерешенности большинства насущных социальных проблем подрастающего поколения. Молодые люди критически относятся

к провозглашаемым политиками лозунгам, так как подвергают сомнению их осуществление на практике. Популистские лозунги отталкивают студенческую молодежь от участия в политике, способствуя росту нигилизма⁸.

Четвертый тип социологических исследований ориентирован в большей степени на выявление инновационного потенциала российского общества в целом и молодого поколения в частности⁹.

Одно из таких социологических исследований в 2010 г. провел ВЦИОМ. Оно было посвящено анализу социально-политического потенциала осуществления модернизации в России. В этом исследовании авторы отталкивались от понимания модернизации как национально-демократического проекта. В связи с этим процесс модернизации должен быть основан на демократических ценностях и проводиться с «опорой на народ и для народа»¹⁰.

Исследователи отмечают, что в стране существуют институциональный кризис, низкая экономическая и социальная активность большей части общества, отсутствует «обратная связь» между обществом и государством. Показатель активности общества в зависимости от возраста указывает на то, что по мере взросления уровень непосредственного участия респондентов в политике заметно снижается¹¹.

Данную тенденцию, на наш взгляд, можно объяснить тем, что наиболее активная часть общества, молодежь, проходя через институты социализации, постепенно, по мере своего взросления, начинает копировать принятую в данном обществе модель политического поведения. Российской политической культуре свойственна модель пассивного политического участия в политическом процессе, т. е. политический абсентеизм. В современном российском обществе наблюдается недостаток в информации о целях, задачах и способах модернизации. Значительная часть респондентов возлагает основные ожидания от социально-политических изменений в стране на федеральную власть, а не на собственные усилия. При этом большинство населения ориентировано на социальную составляющую модернизации, и понимает ее как раздачу социальных благ, а не как внедрение инновационных компонентов в экономику, политику и т. д.

Проведенный анализ социологических исследований дает понимание того, что их цели и задачи, а также и результаты опросов во многом зависят от той теоретической парадигмы, которой придерживается автор.

Так, в одних исследованиях авторы, выявляя политические установки молодого поколения, указывают на их схожесть с ценностными ориентациями западноевропейской молодежи. Тем самым в результатах своей работы они высказывают предположение о том, что современное российское общество, и в частности подрас-

тающее поколение, «либерализировалось» и готово к модернизации. Причем, оговариваясь о существовании в политических ценностных ориентациях молодежи традиционной составляющей, традиции не придается особого значения, и она мыслится как что-то прошлое, забытое, то, к чему не следует возвращаться.

В других работах исследователи выделяют как традиционные, так и инновационные компоненты политической культуры молодых людей. Однако традиция и все, что связано с ней, понимается как фактор, препятствующий развитию Российского государства, тормозящий процесс перехода к инновационному гражданскому обществу. Традиция видится основной причиной неудач в реформировании страны, ей придается значение тормоза на пути к прогрессу и она понимается отдельно от инновации. Исследователи стараются обосновать то, что развитие современного инновационного государства не может быть совместимо с существованием традиций в политической культуре общества, ее следует искоренять внедрением инноваций.

Третьи исследования полностью игнорируют сам факт существования традиции или придают ей несущественное значение. В политической культуре молодежи и населения в целом подчеркивается существование социального потенциала для проведения модернизации. При этом в качестве причин, препятствующих проведению изменений в стране, традиция не указывается, она не рассматривается как один из основных факторов, формирующих политическую культуру молодого поколения.

Таким образом, в современных исследованиях отечественных авторов, посвященных молодежной проблематике, возникает парадокс в оценке состояния политической идентичности молодого поколения. С одной стороны, ряд авторов считают, что подрастающее поколение уже полностью либерализировалось, т. е. его политическое сознание и направленность политической культуры несут модернизационный вектор развития. С другой стороны, ряд исследователей утверждают, что политическое поведение и политическое сознание молодых людей обременено традиционалистскими установками.

В результате такого противоречивого подхода к рассмотрению политической социализации молодежи возникает вопрос: является ли молодое поколение перспективным и самостоятельным субъектом модернизации или оно может выступать только в качестве спутника процесса преобразования политической системы?

На наш взгляд, такая ситуация противоречивой оценки роли молодых людей в процессе модернизации в значительной степени возникла из-за того, что в работах отечественных исследователей прослеживается строгая взаимосвязь между результатами и той парадигмой исследования, которой придерживается конкретный

автор. Если исследователь стремится выявить доминирование модернизационных политических установок в сознании молодежи, то в рамках анализа политической культуры молодого поколения он оперирует в своей работе концептами модернизационного плана. Данные концепты, в свою очередь, доказывают либо то, что российская молодежь либерализировалась, либо то, что политические установки сознания и поведения молодых людей носят явно антимодернизационный характер. Признавая существование в политических ценностных ориентациях подрастающего поколения традиционной составляющей, многие исследователи не придают ей особого значения, и она мыслится как что-то архаичное, не играющее существенной роли в политической культуре молодого поколения.

В других работах исследователи стремятся доказать значимость традиционных установок в политической культуре современной молодежи. При этом они оперируют концептами традиционалистского плана, опираясь на наследие русской политической консервативной мысли. Ключевой исходный тезис для них – либерализм не способен закрепиться в политической культуре российского общества. Соответственно, политическое сознание молодого поколения, независимо от попыток привить ему модернизационные ценностные ориентиры, остается традиционным по своему характеру.

Вместе с тем возникает ситуация, когда отсутствует целостная, согласованная позиция относительно методологии исследования процесса политической социализации молодого поколения. Она препятствует выработке синтетической модели анализа взаимодействия двух тенденций в развитии политической культуры российской молодежи – модернизационной и традиционной. Такая синтетическая модель могла бы стать основой практических рекомендаций по совершенствованию государственной молодежной политики в сфере социализации молодого поколения и формирования его политической идентичности. Существующая рассогласованность в методологии исследования процесса политической социализации и формирования политической идентичности подрастающего поколения препятствует выработке практических рекомендаций, адресованных непосредственно акторам политического процесса, с целью принятия наиболее эффективных политических решений.

Примечания

- ¹ См.: Грязнова О. С. Оценки прошлого, политическая символика и российская политическая культура // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. М. : РОССПЭН, 2008. С. 257–305 ; Зудин А. Ю. Массовое сознание и политические инновации : опыт последнего десятилетия // Там же. С. 306–344 ; Ковенева О. В. О старом и новом в практиках гражданского участия : динамика митинга наших дней // Там же. С. 344–409 ; Горюнова С. В. Инновационное и традиционное в сознании и поведении городского среднего класса // Там же. С. 211–238.
- ² См.: Зудин А. Ю. Указ. соч. С. 306–344.
- ³ Там же. С. 318–322.
- ⁴ См.: Молодежь в политике // База данных Фонда общественного мнения : [сайт]. URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения: 09.09.2010) ; Молодежь обустроивает Россию : материалы I Всерос. акции «Я гражданин России» / сост. В. П. Пахомов. Самара : Изд-во НТЦ, 2002 ; Молодежь Поволжья 97 : Аналитический доклад. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1997.
- ⁵ Молодежь в политике // База данных Фонда общественного мнения : [сайт]. URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения: 09.09.2010).
- ⁶ См.: Сорокин О. В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Социс, 2008. № 8 С. 45–50 ; Кулешова И. Н. Социально-психологические особенности политического мировоззрения студенческой молодежи (на примере провинциальных вузов центра России) : дис. ... канд. психол. наук. Иваново, 2006 ; Ефимова Е. В. Телевизионные новости как фактор формирования политической ориентаций студенческой молодежи // Культура & общество : Интернет-журнал МГУКИ / Мос. гос. ун-т культуры и искусств. М. : МГУКИ, 2006. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Efimova.pdf> (дата обращения: 09.10.2010) ; Тихонов В. Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи : методологические проблемы социологического исследования // Теория и практика общественного развития, 2011. № 7. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-7-2011/sociology/tihonov.pdf> (дата обращения: 04.07.2011) ; Ефимова Е. В. Воздействие средств массовой коммуникации на политические ориентации молодежи : материалы Всерос. науч. конф. «Современное российское общество : состояние и перспективы» (Первые казан. социол. чтения) : в 4 т. Т. 2. Казань : Центр инновационных технологий, 2006.
- ⁷ Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007. С. 195.
- ⁸ См.: Сорокин О. В. Указ. соч. С. 45–46 ; Кулешова И. Н. Указ. соч. С. 103.
- ⁹ См.: Федоров В. В., Дискин И. Е. Социальный потенциал российской модернизации (на материале Южного федерального округа). URL: www.wciom.ru (дата обращения: 02.02.2011) ; Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь в России // Приложение к журналу «Общая тетрадь», Левада-центр. М. : Моск. школа полит. исследований, 2011.
- ¹⁰ См.: Федоров В. В., Дискин И. Е. Указ. соч.
- ¹¹ Там же.

УДК 327(091)

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Б. Р. Асадов

Санкт-Петербургский государственный университет
сервиса и экономики
E-mail: asadovspb@mail.ru

Статья посвящена анализу одной из современных форм международной деятельности молодежи, которая представляет собой значимый механизм в формировании позитивного имиджа страны в молодежной среде. Автор обращается к истории появления термина «международная молодежная дипломатия» и предлагает авторскую версию вхождения данного термина в научно-публицистический обиход. Впервые представлена попытка описания роли молодежной дипломатии в организованной молодежной среде, определены некоторые проблемные аспекты, а также основные ее векторы развития в рамках деятельности организаций и институтов молодежи.

Ключевые слова: имидж страны, общественная дипломатия, международная молодежная дипломатия, внешняя культурная политика, международные молодежные организации, международное гуманитарное сотрудничество, международная деятельность молодежи, международная молодежная среда.

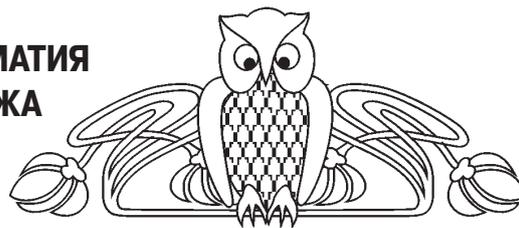
International Youth Diplomacy as Tool of Formation Image of the Country in Modern Conditions

B. R. Asadov

The article is devoted to the analysis of one of the modern forms of international activity of the youth, which is a significant mechanism in the formation of the positive image of the country in the youth environment. The author refers to the history of the term «international youth diplomacy» and offers the author's version of the occurrences of the term in scientific-journalistic practices. For the first time presents an attempt to describe the role of youth diplomacy in organized youth environment, identified some of the problematic aspects and the basic vectors of development in the framework of the activities of organizations and institutions of youth.

Key words: image of the country, public diplomacy, international youth diplomacy, foreign cultural policy, international youth organizations, international humanitarian cooperation, international activity of youth, international youth environment.

Многие государственные акторы международных отношений занимаются целенаправленным созданием, развитием и продвижением своего положительного имиджа, и сегодня это стало играть гораздо более важную роль, чем прежде. На международной арене существует понимание того, что позитивный образ страны – это широкий круг проблем, связанных местом и ролью государств во внешней (а также во внутренней) среде. Он является весомым фактором успешного существования и развития в условиях междуна-

родной конкурентной среды, а также важнейшим инструментом защиты национальных интересов.

Очевидно, что в современных условиях имидж государства формируется из разноплановых составляющих внутреннего и внешнего характера. Внешняя и внутренняя политика и другие сферы жизнедеятельности государства могут выступать объектами имиджа. Вместе с тем существуют сферы деятельности государства, которые заслуживают все более пристального внимания и играют значимую роль на международной арене. Сегодня планомерное создание позитивного имиджа государства требует осуществления комплексных мер, которые должны опираться, прежде всего, на научно обоснованные представления о предпосылках, факторах, условиях и механизмах формирования этого процесса.

Поводом для изучения формирования позитивного образа-имиджа государства в современных условиях послужила возрастающая роль и растущее внимание к деятельности неправительственных акторов и социальных институтов, которые рассматриваются как эффективный инструмент трансляции положительной информации на международной арене.

В связи с этим сегодня важно понять специфическую роль и влияние различных социальных институтов и групп в формировании имиджа. Наиболее значимыми в этом плане являются роль и потенциал, в том числе современной молодежи. В частности, многоаспектная международная деятельность современной молодежи стала занимать все более значимое место среди положительных факторов, оказывающих определенное влияние на формирование имиджа страны. Не случайно такая деятельность молодежи, сформулированная в современной литературе как международное молодежное сотрудничество, молодежные связи, характеризует основные формы ее институционального взаимодействия на международной арене. Кроме того, в международной среде наиболее важной формой деятельности молодежи становятся элементы традиционной дипломатии, направленные на выстраивание отношений сверстниками с помощью средств общественных организаций, культуры, науки, спорта и т. д.

Анализ материалов о состоянии международного молодежного движения в конце 80-х гг. XX в. позволяет отметить, что участие молодежи в народной дипломатии и создание собственной «молодежной дипломатии» рассматривались как

одни из самых актуальных задач в международной деятельности различных объединений молодого поколения¹. Однако широкое практическое применение данного термина произошло значительно позже. В частности, в последние десятилетия термин «молодежная дипломатия», применительно особенно к ее международной деятельности, не только стал все чаще употребляться в публикациях отечественных СМИ, но и становится востребованным инструментом, направленным на активизацию институциональной роли молодежи в международной среде. Между тем представляется возможным рассмотреть молодежную дипломатию как совокупность форм, средств и методов ведения международной деятельности молодежи.

Недостаточная теоретическая и практическая изученность одной из современных форм международной деятельности молодежи – молодежной дипломатии – требует рассматривать и учитывать не только множество факторов, которые непосредственно влияют на ее характер и развитие, но также понимание ее роли и влияния на формирование позитивного имиджа страны в молодежной среде.

В контексте вышеизложенного особого внимания заслуживают проблемы и перспективы пока хрупкой, еще формирующейся модели международного взаимодействия молодежи – «международной молодежной дипломатии» как формы народной дипломатии, которая в последнее время в научно-публицистической литературе чаще рассматривается в виде общественной или публичной дипломатии. Общественная дипломатия в России (перевод американского термина «public diplomacy») рассматривает выстраивание международных отношений не только на политическом уровне, но и средствами культуры, науки, деловых и общественных организаций. В отличие от официальной дипломатии, являющейся, прежде всего, прерогативой государств, общественная дипломатия привлекает своей открытостью, возможностью широкого участия в ней институтов общественности.

В условиях глобальных изменений в международной жизни официальная дипломатия не всегда должным образом эффективна, чтобы своевременно отвечать запросам ее разнонаправленных участников, а также соответствовать новым тенденциям, где наравне с государственными акторами международных отношений требуется непосредственное активное участие общественных институтов. Значительно расширяются масштабы общественной дипломатии, что, в свою очередь, говорит о неоспоримом факте ее присутствия на международной общественно-политической арене.

В новых условиях международные организации и движения, а также другие негосударственные акторы, имеющие давние традиции осуществления связей между странами и народами, по-прежнему активно формируют подходы в своих интересах и вырабатывают собственную

дипломатию. В этом плане особую роль в ее дальнейшем развитии должна сыграть организованная молодежная среда. Вместе с тем сегодня повышение роли общественной дипломатии в международной молодежной среде представляет неотъемлемый элемент деятельности молодежи в области международной молодежной дипломатии. С учетом того что в данной среде трансформируются различные образы в зависимости от отношения к участникам, в частности, процесса молодежной дипломатии, есть основания говорить о том, что постепенный рост ее влияния на формирование позитивного имиджа России в международной молодежной среде становится все более ощутимым, и это требует пристального внимания представителей научного и профессионального сообщества к ее изучению. В настоящее время в отечественной научной литературе уделено мало внимания комплексным исследованиям, посвященным новым формам международной деятельности молодежи и ее организаций и институтов в контексте их влияния на формирование позитивного имиджа России. Вместе с тем представляется, что интерес к этой проблеме в дальнейшем будет возрастать.

Возрастающий интерес к изучению затрагиваемых вопросов объясняется потребностью эффективного использования потенциала молодежи в международной среде как значимого направления внешней культурной политики России. С этой целью в Приложении № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что особое внимание целесообразно уделять более активному участию в международном культурно-гуманитарном сотрудничестве российских молодежных организаций, их взаимодействию с зарубежными молодежными партнерами. Кроме того, формирование объективного и благоприятного образа страны упомянуто в качестве одной из целей политики в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества².

Таким образом, международное гуманитарное сотрудничество все больше становится важнейшей сферой деятельности гражданского общества, общественной дипломатии. Определенный импульс этому процессу придало проведение в 2010 г. Международного общественного форума «Роль международной дипломатии в развитии международного гуманитарного сотрудничества», наметившего новые векторы развития народной дипломатии. Такое понимание этой проблемы, в частности, эффективное осуществление народной дипломатии, призвано гуманизировать международные отношения, быть инструментом «мягкой силы» государства и народа в продвижении интересов, укреплении своего образа и авторитета за рубежом³.

Между тем существующие проблемы, связанные с направленностью внешней культурной политики, неотъемлемым элементом которой является в том числе формирование позитивного имиджа

России (в частности предлагается «формировать инструменты воздействия на ее восприятие в мире»⁴), в последние годы активно обсуждаются как научным сообществом, так и политической элитой. Об этом свидетельствует сделанный на высоком уровне акцент на неэффективное формирование образа России на международной арене. В частности, выступая перед дипломатическим корпусом, Президент России В. В. Путин обращал внимание, что «пока надо признать, что образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает реальную ситуацию ни в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку и культуру»⁵.

Отметим, что в последнее время международные связи молодежи стали значимым элементом в системе российской внешней культурной политики. Ее реализация направлена на укрепление международных позиций и обеспечение благоприятных внешних условий для развития страны, и немалая роль в этом принадлежит институту международного молодежного сотрудничества, который по-прежнему не должным образом отвечает на запросы молодежи, и также неэффективно используется в продвижении имиджа страны в международной молодежной среде.

Международная молодежная среда в силу ряда характерных особенностей сегодня является не только объектом воздействия разнонаправленных глобальных тенденций, все более заметно ее влияние на социально-культурные, политические и гуманитарные процессы международной жизни. Всестороннее представление о ее состоянии и динамике становится необходимым в целях изучения и создания новых эффективных моделей международного взаимодействия молодежи с участием организаций и институтов молодежи России.

Вместе с тем следует отметить, что необходимость изучения новых форм международной деятельности молодежи весьма своевременна и актуальна на фоне существующего динамизма участия в ней молодежи, особенно в международном гуманитарном сотрудничестве, в котором определенное место отведено действиям международных молодежных организаций, включающим связи молодежи с широким спектром направлений гуманитарной сферы – образование, спорт, многосторонние культурные и общественные связи и т. д. Именно разнонаправленные связи в этой сфере предполагают, в первую очередь, деятельность этих организаций как субъектов международного гуманитарного сотрудничества по созданию условий и возможностей, направленных на осуществление интересов и успешного взаимодействия молодежи на международной арене.

В связи с этим фактор будущего в международной молодежной среде и эффективное ее использование требуют нового осмысления перспектив многосторонней роли влияния современного поколения, направленных, прежде всего, на утверждение в международной молодежной

среде объективного представления о современной России.

Как известно, современные тенденции на мировой арене вносят существенные изменения в характер и формы осуществления международного сотрудничества. Еще в начале 1990-х гг. тенденции гуманизации и демократизации международных отношений создали благоприятные предпосылки для распространения в молодежной среде общечеловеческих ценностей, расширения географии ее контактов. Вместе с тем сегодня создается более благоприятное поле для обмена информацией, опытом и идеями. На этом фоне меняются роль и место молодых людей в развитии международного сотрудничества, которое требует обладания определенными знаниями и потенциалом.

Молодежь выступает источником и проводником социальных изменений, инноваций. С постепенным возрастанием роли молодежи в обществе различные ее организации и институты становятся реальным фактором и полноценным субъектом международного гуманитарного сотрудничества.

Как свидетельствуют события прошлого, наиболее широкий и массовый характер в молодежной среде приобретала народная дипломатия, направленная, прежде всего, на защиту мира, против ядерной угрозы и вовлекающая в свою орбиту миллионы молодых людей. Однако в новых условиях подобные международные акции не только не утратили своей актуальности, но и приобрели особое значение на фоне разнонаправленных вызовов современности. Проблемы поиска новых форм и методов международного взаимодействия молодежи становятся актуальными для общественных организаций молодежи, которые стремятся не только выступать в качестве института самореализации и социализации молодежи, но осуществляют шаги в плане содействия, вовлечения ее в процесс международного молодежного сотрудничества.

Целью новых организаций стала способность не только удовлетворить потребности молодежи, но и внести вклад в развитие международных связей, следовательно, в формирование имиджа новой России среди представителей зарубежной молодежи. Для этого в России были созданы институты и организации, содействующие развитию международных молодежных связей. Обращает на себя внимание деятельность одной из них – Санкт-Петербургской общественной организации «Лига международной молодежной дипломатии», которая была создана по инициативе автора данной статьи в декабре 1991 г.⁶ Отметим, практическая деятельность автора в качестве руководителя (с 1991 по 2006 г.), а также проведенный анализ истории становления института международного молодежного сотрудничества позволяют полагать, что Лига, являясь одной из первых таких организаций, была создана с целью развития новых форм международного взаимодействия молодежи в

рамках международной молодежной дипломатии. Лига становится неким полигоном для освоения навыков самоуправления, лидерства, реализации проектов молодежи, с учетом существующих эффективных традиций народной дипломатии предлагает молодым участникам новые формы международного взаимодействия со сверстниками из других стран. Развивая новые формы взаимодействия, в рамках проводимых международных мероприятий Лига предлагала новые модели молодежного сотрудничества. Кроме традиционных форматов встреч молодежи, таких как Модели ООН, по сей день успешно реализованные проекты – молодежные саммиты Большой восьмерки, которые с 2006 г. ежегодно проводятся в стране проведения саммитов Группы восьми, а также в дальнейшем саммиты группы Большой двадцатки – стали признанными рядом авторитетных международных организаций.

В последние годы все отчетливее проявляются признаки стремления различных негосударственных акторов формировать и продвигать в международной среде собственные представления о развитии такой сферы, как формирование позитивного имиджа страны. Особая роль в этом в контексте использования потенциала молодежи принадлежит молодежной дипломатии, выражающейся в деятельности молодежных и других общественных организаций. Особенно многочисленны молодежные, студенческие организации, которые наравне с другими общественными объединениями, работающие с молодежью, составляя основу молодежной дипломатии, оказывают определенное влияние на развитие международных и межгосударственных отношений. Наблюдается расширение возможностей для реализации молодых людей, как в культурно-гуманитарной, так и других сферах общественной жизни.

Следует отметить, что для определения степени эффективности молодежной дипломатии на формирование позитивного имиджа не существует четких критериев. Процесс приобщения молодежи к молодежной дипломатии и, следовательно, вовлечения ее в политику формирования положительного образа страны происходит разными путями: международные образовательные, спортивные, культурные связи; участие в молодежных организациях; деятельность государственных и неправительственных институтов; информационное поле Интернет, СМИ и т. д.

Образ современного государства глазами молодежи достаточно фрагментарен и идеологически слабо дифференцирован. Это вполне естественно, так как формируется он в условиях быстро меняющегося глобального мира, переживающего время трансформации. Вместе с тем некоторые стороны международной деятельности российской молодежи позволяют отметить, что сегодня наблюдается рост международных молодежных контактов с участием молодежи из России, следовательно, она в последние годы

стремится стать более подвижной и инициативной на международной арене, чем в прежние годы. Очевидно, что во многом этому благоприятствует активизация роли России на международной арене, способствующая привлечению молодежи и негосударственных институтов к уже ставшим актуальными для российской молодежной среды традициям общественной дипломатии.

Подтверждением этому служит создание таких институтов, как Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, Российский совет по международным делам (РСМД). В развитии нового направления среди молодежи, молодежной дипломатии стали активно участвовать Россотрудничество, Росмолодежь, Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), Общественная палата РФ и др. Международной деятельности молодежи и ее влиянию на формирование имиджа страны определенное внимание уделяется такой организацией, как Фонд содействия развитию международного сотрудничества, который совместно с Общественной палатой РФ 21 декабря 2012 г. организовал Круглый стол на тему: «Международное молодежное сотрудничество как инструмент формирования имиджа России», проводимый под девизом «Новое поколение – новый имидж!»⁷.

О заметной деятельности Фонда содействия развитию международного сотрудничества в сфере общественной дипломатии с участием молодежи свидетельствуют и проведенные целенаправленные проекты. Один из таких проектов – Общественный Дипломатический Корпус (ОДК) – направлен на преодоление предрассудков и стереотипов о России и на развитие дружественных и партнерских отношений с другими странами и международными институтами через международную деятельность общественных организаций, т. е. общественную дипломатию. Сегодня проект ОДК получает признание на международном уровне. Об этом свидетельствует расширение географии его участников за счет государств-участников СНГ и стран Балтии и, следовательно, формата проекта в 2013 г., трансформирующегося в Общественный Дипломатический Корпус Содружества. Также о заметной роли данного проекта говорит то, что проект ОДК был включен в План действий сотрудничества России с Советом Европы⁸.

В развитие молодежной дипломатии заметный вклад вносит Московский государственный институт международных отношений (МГИМО (У) МИД России), который с 2009 г. проводит международные школы молодежной дипломатии, в том числе предоставляются возможности молодым принять участие в международных форумах, встречах и т. д.⁹ Подтверждением этого стала оценка ректором МГИМО А. В. Торкуновым роли молодежи в сфере общественной дипломатии: «Я вижу, что очень активно действует молодежная дипломатия»¹⁰.

В контексте вышесказанного можно отметить, что все популярнее становятся идеи общественной дипломатии среди молодых профессионалов в области международных отношений, дипломатии, истории и журналистики, выступающих за укрепление гуманитарного сотрудничества и общественной коммуникации России с зарубежными странами, в том числе по молодежной линии. Необходимость в механизмах общения и обмена мнениями молодых экспертов была продиктована созданием в 2010 г. некоммерческой организации «Центра поддержки и развития общественных инициатив “Креативная дипломатия” с целью развития и поддержки гражданских инициатив, направленных на создание атмосферы положительного восприятия образа России в общественном и медийном пространстве за рубежом путем развития общественной дипломатии¹¹.

Однако, несмотря на то что молодежная дипломатия сегодня – объективная необходимость, в качестве ресурса, направленного на формирование имиджа страны, она не всегда используется в должной мере. Формированием имиджа России за рубежом с помощью общественных организаций молодежи целенаправленно никто не занимался. Сегодня существующие профильные общественные организации молодежи, занимающиеся развитием международного молодежного сотрудничества, по-прежнему недостаточно обладают организационно-ресурсным потенциалом для активного участия в мероприятиях сферы общественной дипломатии.

Несмотря на то что активно развивается проектное направление, в рамках которого реализованные проекты во многом инициированы или предложены органами и структурами государственной власти, курирующими вопросы международного сотрудничества (включая молодежное) неправительственными организациями, говорить о качественных сдвигах в этой сфере не приходится. Для определения степени эффективности молодежной дипломатии необходимо обратить внимание на некоторые аспекты реализации подобных проектов. Во-первых, количество международных проектов значительно ограничено, с другой стороны, количество участников и их освещение в СМИ и т. д. дает повод усомниться в том, насколько эти проекты качественно охватывают широкую зарубежную молодежную аудиторию. Это необходимо для оценки их эффективности. Во-вторых, совершенно очевидно, что сегодня коммуникативные потоки оказывают колоссальное влияние на сознание подрастающего поколения, в том числе, на их восприятие других стран, культуры (т. е. сегодня трансляция собственных взглядов, ценностей и убеждений молодежи активно осуществляется через международно-признанные сети культурно-гуманитарного сотрудничества), и поэтому нужны интересные информационные молодежные площадки, особенно гуманитарные технологии,

которые, как известно, находят свое отражение не только в хорошо известных традиционных видах деятельности молодежи на международной арене, но и могут активно использоваться в новых направлениях. Необходимо эффективно использовать эти каналы для создания более благоприятных условий в деле укрепления позитивного имиджа России в международной молодежной среде. Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии четких целенаправленных программ и координаций действий в этой области.

Кроме того, активное включение молодежи в процесс формирования положительного восприятия своей страны в международной молодежной среде требует от участников обладания определенными навыками и уровнем подготовки. В связи с этим участие «небольшой» части молодежи страны в этом процессе свидетельствует об отсутствии на федеральном уровне конкретной программы действия молодежи в международной среде. Учитывая эти и другие аспекты молодежной дипломатии в контексте формирования имиджа страны, возникла необходимость расширения поля международной деятельности молодежи с участием организаций и институтов молодежи. Сегодня требуется выделение молодежной дипломатии в качестве приоритета международной деятельности профильных организаций и структур, реализация которой должна содействовать формированию имиджа страны в молодежной среде. Главным содержанием этой деятельности молодежи, дающей определенные практические результаты, является, прежде всего, разработка федеральной программы развития международного молодежного сотрудничества, с учетом накопленного опыта, традиции, широкого арсенала форм и методов осуществления, в том числе включая молодежную дипломатию.

Очевидно, что решение сложнейших проблем современности невозможно без молодежи, и молодежная дипломатия позволяет выстраивать системы взглядов на актуальные проблемы международных отношений.

Сегодня возникает необходимость формировать принципиально новую систему международной пропаганды положительного образа России. С этой целью молодежная среда рассматривается как важное поле для целей нашей страны. Как отмечает политолог А. Шатилов, международные молодежные мероприятия не утратили своей актуальности, с их помощью можно избавлять будущие поколения от негативных стереотипов. В качестве примеров рассматривается Германия, которая, по мнению политолога, во многом исправила свой отрицательный образ после Второй мировой войны через молодежный обмен со странами, с которыми прежде воевала¹². Предлагаются другие идеи, направленные на формирование позитивного имиджа России. В качестве таких мероприятий предлагаются проведение в 2017 г. Международного фестиваля молодежи и

студентов, подобного тем, что в 1957 и 1985 гг. проходили в СССР, увеличение числа российских центров науки и культуры, работа с соотечественниками и иностранной молодежью¹³.

Таким образом, молодежную дипломатию можно рассматривать как дополнительный инструмент, направленный на формирование положительного имиджа стран, который формируется не только в рамках обмена мнениями, диалогом молодежи, но и конкретными действиями ее участников.

Несмотря на то, что многообразие форм институциональной деятельности молодежи в международной среде и ее влияние на имидж страны находится за пределами исследовательского интереса, сегодня его дальнейшее изучение скорее может открыть новые горизонты дискурса относительно перспективы молодежного фактора с целью осуществления эффективной внешней культурной политики страны в целом. Перспективы этой политики будут зависеть не только от того, насколько на высоком уровне принимается во внимание роль и значимость многоаспектной международной деятельности молодежи, но и от целенаправленного конструктивного подхода, нацеленного на развитие этого направления. Учитывая тот факт, что молодежная дипломатия сегодня является востребованной формой международного взаимодействия молодежи, можно говорить о растущем потенциале молодежной дипломатии, что может стать эффективным средством продвижения положительного восприятия России во внешней среде. Использование ее в качестве одного из инструментов внешней культурной политики России отнюдь не означает, что нужно полностью отказаться от прежних, достаточно известных форм влияния на характер восприятия международной молодежной среды.

Примечания

¹ См.: Международное молодежное движение на рубеже 90-х годов (Аналитическая записка к XXI съезду ВЛКСМ). М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990. С. 3.

² См.: Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Приложение № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации от 18 декабря 2010 г. URL: <http://www.mid.ru/ns-psmak.nsf/processQueryB1?OpenAgent> (дата обращения: 20.09.2013).

³ См.: Мухаметишин Ф. Новый виток народной дипломатии // Известия. 2010. 16 дек.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Путин призывает дипломатов активнее осваивать новые технологии работы. РИА Новости, 25.08.2012. URL: <http://ria.ru/politics/20120709/695256662.html?id> (дата обращения: 20.09.2013).

⁶ См.: Санкт-Петербургская общественная организация «Лига международной молодежной дипломатии»: [сайт]. URL: <http://www.youthdiplomacy.com/about/> (дата обращения: 27.09.2013).

⁷ См.: Международное молодежное сотрудничество как инструмент формирования имиджа России. URL: <http://www.fondinter.ru/content/news/317/> (дата обращения: 01.09.2013).

⁸ Общественный Дипломатический Корпус // Фонд содействия развитию международного сотрудничества: [сайт]. URL: <http://www.fondinter.ru/content/project/44/> (дата обращения: 20.09.2013).

⁹ Международная школа молодежной дипломатии при МГИМО (У) МИД России: [сайт]. URL: <http://www.mgimo-school.ru/node/5> (дата обращения: 20.09.2013).

¹⁰ Рокоссовская А. Магистры мира. Ректор МГИМО Анатолий Торкунов рассказал «РГ» о будущем дипломатии // Рос. газ. 2012. 27 сент.

¹¹ См.: Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия»: [сайт]. URL: <http://www.picreadi.ru/portfolio.html> (дата обращения: 30.08.2013).

¹² См.: Россия ищет агентов влияния. Чиновники озаботились международным имиджем нашей страны. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/63267/> (дата обращения: 20.09.2013).

¹³ См.: Черненко Е. С позиции «мягкой силы». «Ъ» выяснил, как Россия будет улучшать свой имидж за рубежом // Коммерсантъ. 2013. № 6 (5037).

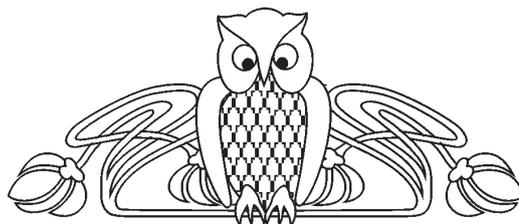
УДК 324:342.84

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» ВЫБОРОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

А. А. Казаков, Б. Н. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com, bord64@gmail.com

Статья посвящена возможностям использования количественных методов при анализе масштабов нарушений в ходе выборов. Ав-

торы критически оценивают методику, предложенную П. Климом, Ю. Егоровым, Р. Хэнелом, С. Тернером и опубликованную в «Известиях Национальной академии наук США».

Ключевые слова: количественные методы, выборы, электро-ральные нарушения, Россия.

Quantitative Methods of Evaluation of Election «Fairness»: Opportunities and Limits

A. A. Kazakov, B. N. Shestov

The article is focused on the opportunities of using quantitative methods for analysis of election irregularities. The authors critically evaluate an approach offered by P. Klimek, Y. Yegorov, R. Hanel, and Stefan Thurner and published in «Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America».

Key words: quantitative methods, elections, election irregularities, Russia.

Методы количественного анализа социально-политической реальности, на наш взгляд, имеют важное преимущество перед методами качественными. Они позволяют исследователю решить сложную задачу – при работе с большими массивами данных о состояниях объектов и процессов, каждый из которых в отдельности обладает трудноуловимой качественной спецификой и не менее трудно улавливаемым качественным сходством с другими ему подобными объектами и процессами, сделать эту качественную специфику и качественное сходство максимально очевидными. Иначе говоря, то, что прежде ощущалось лишь интуитивно, теперь, используя численные методы, становится возможным подкрепить точными расчетами. Во многом именно поэтому в современной российской и зарубежной политической науке количественные методы анализа реалий политической жизни пользуются весьма большой популярностью.

В этом отношении наше внимание привлекла статья П. Климека, Ю. Егорова, Р. Хэнела и С. Тернера «Статистическое выявление систематических нарушений на выборах», опубликованная в октябре 2012 г. в «Известиях Национальной академии наук США»¹. Данная публикация предлагает оригинальную и апробированную методику обработки и интерпретации больших массивов электоральных данных и потому может представлять значительный интерес для отечественных прикладных политологических исследований.

Для российской политики последних десятилетий проблема фальсификаций на выборах регионального и даже федерального уровней уже успела стать наболевшей. Однако произошло это не в силу того, что фальсификации на выборах приобрели какое-то особое, из ряда вон выходящее значение для динамики российской политики на фоне общеевропейского и мирового демократического процесса. Болезненность проблемы, на наш взгляд, объясняется тем, что на сегодняшний день в отечественной политической науке и практике явно недостает корректных методик выявления этих фальсификаций. В большинстве случаев используются механизмы (присутствие наблюдателей на избирательных участках, внедрение системы «ГАС – Выборы», установка веб-камер и т. д.), позволяющие зафиксировать

только сам факт наличия нарушений. В дальнейшем же происходит простое арифметическое сложение выявленных случаев фальсификации, которое может послужить мотивацией судебного иска стороны, проигравшей выборы, но при этом мало что дает для оценки реального масштаба искажения волеизъявления избирателей, для оценки возникающих при таких искажениях рисков для всей социально-политической системы и для прогнозирования политического процесса. Авторы же анализируемой статьи предлагают выйти за пределы элементарных арифметических расчетов и посмотреть на искажения в картине реальных электоральных процессов с позиций математического анализа.

Прежде чем рассуждать о степени применимости авторской методики к анализу российской электоральной практики, считаем необходимым кратко изложить суть модели, предложенной П. Климеком, Ю. Егоровым, Р. Хэнелом и С. Тернером. Государства, рассматриваемые в работе этих ученых, были отобраны ими по принципу доступности данных. Для каждой страны требовалось наличие хотя бы одного уровня агрегации, где среднее значение численности населения на территориальной единице $\bar{n}_{pop} \leq 5,000$. Такой предел для \bar{n}_{pop} был выбран для того, чтобы включить большое количество стран со сравнимым уровнем разрешения данных. Авторы использовали данные с недавних парламентских выборов в Австрии, Канаде, Чешской Республике, Финляндии, России (2011), Испании, Швейцарии, Польше, а также с президентских выборов во Франции, Румынии, России (2012) и Уганде. Итоги голосования были получены с официальных страниц выборов соответствующих стран.

Авторы проанализировали данные по явке и проценту голосов, отданных за победившую на выборах партию, и построили на основе этого статистические распределения и двухмерные гистограммы («отпечатки»). В результате ими была разработана модель, позволяющая сравнивать реальные результаты выборов в различных странах (в частности, в России, Уганде, Швейцарии, Финляндии, Канаде и др.) с разработанной авторами моделью, учитывающей параметры мошенничества.

Путем обратной разработки из электоральных данных П. Климека, Ю. Егоров, Р. Хэнел и С. Тернер получили параметры инкрементального и экстремального мошенничества f_i и f_e , а также доказали, что эти параметры не зависят от уровня агрегации данных и, следовательно, могут быть признаками фальсификаций на выборах. Инкрементальный механизм фальсификации означает, что в урну добавлено определенное число бюллетеней за одну партию и/или изъяты голоса за другие партии. Такой механизм присутствует в доле элементов f . На электоральных отпечатках такие элементы связаны со смазыванием к правому

верхнему краю. Экстремальный механизм соответствует заявленной полной явке и практически всем голосам, отданным за одну партию. Такой механизм наблюдается в области элементов f и формирует второй сгусток на гистограммах с показателями около 100% явки и 100% голосов за выигравшую партию.

Авторы обосновали тезис о том, что для определения возможности сфальсифицировать выборы недостаточно рассматривать приближительную нормальность распределений явки, голосов или логарифмические распределения голосов. Кроме того, в статье также был представлен метод выявления статистических аномалий в ходе выборов, заключающийся в использовании коэффициентов эксцесса и асимметрии для распределений, относящихся к избирательным кампаниям в разных странах. Было показано, что эксцесс распределений для России в два-три раза превышает эксцесс для любой другой страны на самом грубом уровне агрегации. Значения асимметрии логарифмических распределений голосов для России также устойчиво выше значений для любой другой страны. Вместе с тем коэффициент асимметрии и коэффициент эксцесса зависят от уровня агрегации данных и, следовательно, не могут быть использованы в качестве однозначных указателей на статистические аномалии. В результате авторы пришли к выводу, что распределения на выборах в России и Уганде значительно отличаются как от распределений для других стран, так и от распределений для честной модели выборов в этих странах.

Поясним, что все эти математические выкладки значимы применительно к электоральной практике. В идеале распределение голосов и явки должно следовать нормальному распределению (распределению Гаусса), так как и явка, и количество голосов за ту или иную партию являются случайными величинами. То есть отклонение от распределения случайной величины, к примеру в России, свидетельствует о том, что данная величина не является случайной и, предположительно, присутствует вмешательство в результаты выборов.

Распределение голосов в других странах, например в Швейцарии, схоже со случайным распределением и с распределением, смоделированным для этой страны с параметрами мошенничества, равными нулю. Иными словами, с этой точки зрения можно утверждать, что вмешательства в определение результатов волеизъявления граждан этого государства на данных выборах не было.

Коэффициенты эксцесса и асимметрии указывают на отклонения от нормального распределения: эксцесс иллюстрирует крутизну распределения, а асимметрия – несимметричность графика. Другими словами, с помощью этих коэффициентов мы можем узнать, насколько сильно конкретные распределения отличаются от распределений других стран с отсутствием механизмов мошенничества. Однако эти параметры

в большой степени зависят от уровня агрегации данных и, скажем, уже на уровне субъектов Федерации могут показывать относительно хорошие распределения. Следовательно, опираясь только на них, нельзя заявлять о наличии определенных статистических аномалий, т. е. о фактах вмешательства в результаты выборов. Авторы же вводят параметры f_i и f_e , которые указывают на конкретные инкрементальный или экстремальный механизмы мошенничества соответственно. Они больше подходят для определения присутствия фальсификаций, так как не сильно зависят от уровня агрегации данных и указывают на конкретный механизм вмешательства в результаты выборов.

В целом, мы полагаем, что предложенная П. Климеком, Ю. Егоровым, Р. Хэнелом и С. Тернером модель, безусловно, заслуживает внимания. Вместе с тем при внимательном знакомстве с ней возникает сразу несколько вопросов, которые обозначают естественные границы целесообразности применения такой методики в качестве универсального средства выявления погрешностей в российской электоральной статистике. Эти вопросы касаются, прежде всего, исходных условий расчетов, проведенных авторами, и итоговых интерпретаций полученных результатов.

В сжатом виде суть этих вопросов можно изложить следующим образом.

1. «Свободные и честные выборы – краеугольный камень каждого демократического общества. Основной характеристикой свободы и честности выборов является то, что голоса всех граждан учитываются в равной мере»². Полагаем, что в статье преобладает идеализированное представление о честных выборах, на которые не влияют никакие другие факторы, кроме волеизъявления граждан. Однако в данном отношении мы склонны считать, что абсолютно честных выборов в современных демократических обществах не существует, и потому при анализе результатов любых выборов нужно учитывать фактор возможной фальсификации. В определенных случаях вероятная фальсификация должна учитываться еще на этапе подготовки к выборам.

2. «Мы использовали данные с недавних парламентских выборов в Австрии, Канаде, Чешской Республике, Финляндии, России (2011), Испании и Швейцарии, Польше, а также с президентских выборов во Франции, Румынии, России (2012) и Уганде... Итоги голосования были получены с официальных страниц выборов соответствующих стран»³. Нам представляется, что чаще всего нарушения происходят на этапе голосования и подсчета голосов, публикуются же уже сфальсифицированные данные. В этом отношении опираться на размещенные в сети Интернет данные для определения масштабов нарушений не совсем оправданно.

3. В тексте отсутствует явное определение мошенничества или фальсификации, и к тому же

не совсем понятно, какой смысл вообще вкладывают в эти понятия авторы. Вброс бюллетеней или их намеренно неверный подсчет действительно является нарушением и потому это можно назвать мошенничеством. Однако при этом не ясно, считают ли авторы мошенничеством другие легальные и полулегальные манипуляции с голосами избирателей.

4. Авторы пишут: «Существует множество способов фальсификации результатов выборов (например, пересмотр границ районов, или отказ определенным слоям общества в их праве голосовать). Некоторые способы манипуляции с результатами выборов оставляют следы и могут быть выявлены с помощью статистических методов»⁴. Однако в дальнейшем любые статистические аномалии объясняются исключительно вбросом бюллетеней, а выборы с характеристиками, не подтверждающими искомым аномалий, называются честными.

Любое отклонение от ожидаемой по результатам модели картины принимается за мошенничество. Но при этом не учитываются морально нечестные, но, с точки зрения законодательства, легальные механизмы, либо же не разрешенные, но и не запрещенные законом той или иной страны приемы – например, принуждение избирателей отдать свои голоса конкретному кандидату в рамках рабочего коллектива (врачи, учителя, сотрудники госструктур, депутаты, чиновники). На наш взгляд, более корректно фальсификации на выборах 2011 г. в России анализирует Рубен Ениколопов – один из авторов статьи «Полевое исследование нарушений в ходе парламентских выборов в России»⁵: «...важно отметить, что мы смотрим только на результаты фальсификаций при подсчете голосов и не учитываем других нарушений при проведении выборов. Необходимо понимать, что фальсификации на этапе подсчета голосов являются последней и крайней мерой. На результаты выборов в гораздо большей степени влияют такие нарушения, как незаконный отказ в регистрации партии или кандидата, незаконная дисквалификация партий и кандидатов, незаконные ограничения на проведения избирательной кампании, неравный доступ к СМИ, принуждение к голосованию работодателем. Вот только измерить вклад этих нарушений в результаты голосования гораздо сложнее»⁶.

5. В рассматриваемой модели учитывается явка избирателей и процент голосов, отданных за победившую партию, а также осуществляется сравнение результатов для разных стран⁷. При этом без внимания остается вопрос о том, как влияет многопартийность на рассматриваемую модель, и могло ли мошенничество в пользу других партий повлиять на найденные аномалии.

6. На наш взгляд, в рассуждениях авторов присутствует определенная предвзятость и стремление подтвердить заранее сформировавшееся мнение. Кроме того, не учитываются факторы

многонациональности населения, размера стран (в частности России), а также различий между отдельными регионами в рамках одного государства. Судя по всему, имеет смысл несколько ограничить возможности применения данной модели. Безусловно, она может показать аномалии в результатах выборов, однако дальнейший анализ этих аномалий целесообразно проводить отдельно. Рубен Ениколопов, один из авторов упомянутой выше статьи, на портале forbes.ru пишет: «... в нашей работе мы детально проанализировали связь между явкой и долей голосов, полученных партиями. Крайне высокая корреляция между явкой и голосами за “Единую Россию” часто приводилась в качестве свидетельства наличия фальсификаций, но теоретически это могло объясняться и особенностью электората партии власти... В целом высокая связь явки и голосования частично объясняется фальсификациями, но частично она действительно является особенностью людей, проголосовавших за “Единую Россию”»⁸. Иными словами, автор этой статьи, более близкий к проблеме выборов в РФ, признает, что корреляция между явкой и голосами за «Единую Россию» в определенной степени объясняется не мошенническими механизмами, а особенностью электората.

7. В анализируемой работе в один ряд ставятся страны, различные по политическому режиму, особенностям законодательства, территории, составу населения, что, на наш взгляд, может привести к не совсем корректным выводам. Так, авторы рассматривают результаты разных российских выборов после 2003 г. и заявляют, что до этого периода таких нарушений выявлено не было⁹. Возможно, разумнее было бы сравнить результаты выборов 2003 г. и более поздних годов с выборами до 2003 г. и таким образом избежать разницы между государствами. На протяжении всего текста регулярно сравниваются между собой Уганда и Россия. На наш взгляд, страны несравнимы напрямую в силу значительно различающихся особенностей законодательства, состава населения и географических характеристик.

В целом же, можно сделать вывод о том, что разработанная авторами модель интересна для рассмотрения и полезна для нахождения определенных статистических аномалий в результатах выборов. Причем наличие таких аномалий не взято с потолка, а подкреплено параметрической моделью и наглядным объяснением. Но анализировать причины аномалий и делать выводы о мошенничестве на выборах необходимо только при условии более подробного рассмотрения каждой конкретной страны отдельно, каким бы заманчивым не представлялось одновременное сравнение большого количества государств. Вполне возможно, что анализировать полученные при помощи рассмотренной модели результаты и вовсе лучше политологам, специализирующимся на теоретических аспектах нашей науки.

Примечания

- ¹ Klimek P., Yegorov Y., Hanel R., Thurner S. Statistical Detection of Systematic Election Irregularities // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). 2012. Vol. 109, № 41. P. 16469–16473.
- ² Ibid. P. 16469.
- ³ Ibid. P. 16470.
- ⁴ Ibid. P. 16469.
- ⁵ Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field Experiment Estimate of Electoral Fraud

in Russian Parliamentary Elections // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). 2012. Vol. 110, № 2. P. 448–452.

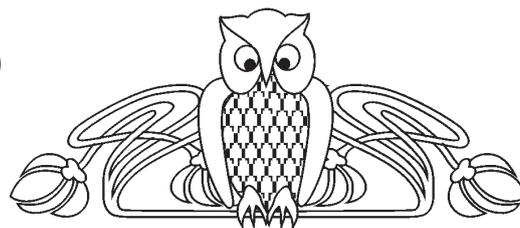
- ⁶ Ibid. P. 449.
- ⁷ См.: Klimek P., Yegorov Y., Hanel R., Thurner S. Op. cit. P. 16469–16471.
- ⁸ Ениколопов Р. Как доказать фальсификации на выборах. URL: <http://www.forbes.ru/sobytia-column/232000-kak-dokazat-falsifikatsii-na-dumskih-vyborah> (дата обращения: 10.03.2014).
- ⁹ См.: Klimek P., Yegorov Y., Hanel R., Thurner S. Op. cit. P. 16469.

УДК 323.212

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Н. И. Зверева

Фонд региональных социальных программ «Наше будущее»,
Москва
E-mail: zve_ni@mail.ru

В статье рассматривается такое, относительно новое для российской практики, явление, как социальное предпринимательство, под которым понимается бизнес в интересах смягчения социальных проблем. Автор предлагает новый для отечественной науки взгляд на данное явление как не экономический или социальный, а политический феномен. Изучение текстов Посланий Президента Федеральному собранию и программ политических партий позволяет сделать вывод о высокой значимости социальных вопросов в политической повестке дня. Социальное предпринимательство имеет ярко выраженные политические эффекты.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, политические эффекты, политические партии, Послания Президента, политическая сеть, социальные проблемы, повестка дня, политическая стабильность, политический имидж, выборы.

Political Effects Of Social Entrepreneurship

N. I. Zvereva

The article discusses a social entrepreneurship. Social entrepreneurship is a business in order to mitigate social problems. Social entrepreneurship is not only economic and social but also political phenomenon. The author has studied the text of the Address of the President to the Federal Assembly and the programs of political parties and has concluded that social issues is very important for the political agenda. Social entrepreneurship has strong political effects.

Key words: Social entrepreneurship, political effects, political parties, Address of the President, political network, social issues, agenda, political stability, political image, election.

Современное общество – открытая система, в которой причинно-следственные связи чаще всего являются нелинейными. Данное обстоятельство делает актуальными различные междисциплинарные области знания, где поиск ответов на острые вопросы ведется на стыке предметных

областей, затрагивающих подчас кажущиеся несоместимыми сферы общественной жизни. Таким образом, переплетаются, например, экономика с социальной сферой, в результате чего рождается, в частности, феномен социального предпринимательства, который уже невозможно полноценно изучать только с позиций социологической или экономической науки.

Понятие социального предпринимательства многогранно и отражает широкий спектр задач и особенностей, присущих ему. Уже само название указывает на то, что приоритетом для этого вида бизнеса является не извлечение прибыли, а решение или смягчение существующих социальных проблем. Социальный предприниматель ставит перед собой задачу внесения положительных изменений в инфраструктуру общественной системы, имеющих долгосрочный эффект. Решение общественно значимых вопросов непосредственно включено в бизнес-процесс компании, что существенно снижает вероятность нерационального расходования ресурсов, и поэтому именно социальное предпринимательство обладает наиболее высоким уровнем отдачи на единицу вложенных средств. Уникальной особенностью социального предпринимательства, выделяющей его из общей массы бизнеса, является стремление не просто извлекать прибыль из своей деятельности, но посредством нее развивать социальную инфраструктуру. Таким образом, социальный предприниматель оказывается субъектом, чрезвычайно выгодным для всех. Эта выгода заключается для потребителей в том, что он производит востребованные товары и услуги, для власти – в улучшении социального климата на конкретной территории, для бизнес-сообщества – в продвижении положи-

тельного образа предпринимателя в массовом сознании. Именно социальное предпринимательство может стать тем институтом, который изменит в общем-то негативное отношение значительной части наших сограждан к бизнесменам, то отношение, которое сложилось под влиянием историй о несправедливо нажитом богатстве. Наконец, социальный предприниматель, как и любой другой бизнесмен, руководствуется определенной бизнес-стратегией, основанной на знании сильных и слабых сторон продукта, поиске новых рыночных возможностей и определении угроз. Использование предпринимательского подхода позволяет в итоге резко повысить вклад в достижение долгосрочного социального эффекта¹.

Как и всякое масштабное общественное явление, социальное предпринимательство обладает ярко выраженными политическими эффектами, которым и посвящена данная статья. Под политическими эффектами мы понимаем те проекции, которые образуются в результате процесса и последствий действия института социального предпринимательства, курса государственных и муниципальных органов власти по продвижению социального предпринимательства либо противодействию данному институту. Основным политическим эффектом социального предпринимательства, по нашему мнению, является способность к использованию общественного капитала данного явления в политических целях. Список политических эффектов социального предпринимательства открыт, он постоянно будет дополняться новыми явлениями, поскольку сама политика является открытой системой. В предварительном порядке можно сказать, что к таковым, безусловно, относятся стабильность власти и устойчивость процедур ротации политической элиты, задействование напрямую не связанных с политикой агентов для проведения в жизнь той или иной политической линии, закрепление в политической повестке дня темы социальных вопросов как эффективно решаемых, создание позитивного политического образа партий и лидеров, позиционирующихся как проводники идеи социального предпринимательства.

Важнейшей предпосылкой, которая обуславливает возникновение политических эффектов социального предпринимательства, является важность социальной проблематики в политической повестке дня. Послания Президента РФ Федеральному собранию, программы политических партий, информационная картина дня наполнены социальной тематикой. В своем первом после возвращения на пост Послании Федеральному собранию Президент России В. В. Путин первостепенное внимание уделил социальным проблемам. В фокусе оказались вопросы демографии, здорового образа жизни, развития здравоохранения, физической культуры и спорта, расширения сети дошкольных учреждений, в том числе частных, строительство доступного жилья экономкласса

для молодых семей, специалистов социальной сферы (врачей, учителей, ученых), расселения жителей из аварийных домов. Не обошел стороной президент и такие проблемы, как повышение зарплат бюджетникам, увеличение качества медицинского обслуживания, развитие системы технического и художественного творчества детей и молодежи. Но что еще более примечательно, тема социального предпринимательства, пусть и косвенно, также нашла свое место в Послании. В. В. Путин подчеркнул, что «бизнес должен работать и на свой успех, и на страну, должен рожать талантливых, толковых организаторов, меценатов и патриотов, как это было в прежние времена в России. Именно тогда, и только тогда возможно утверждение широкого общественного уважения к предпринимательскому сословию»². По нашему мнению, в Послании приведен перечень тех сфер, которые могут и должны стать объектами приложения сил социальных предпринимателей. И стоит надеяться, что государство будет способствовать активному внедрению предпринимательского подхода к решению данных проблем. Безусловно, к активному модерированию этих процессов могут и должны подключаться не только соответствующие государственные или муниципальные структуры, бизнес и банки, но и различные формы трипартизма. Иными словами, социальное предпринимательство – это одна из реальных сфер, где государство и гражданское общество имеют значительный потенциал эффективного взаимодействия. Это будет не «игра с нулевой суммой», а полноценное взаимовыгодное сотрудничество.

Социальные проблемы в той или иной степени затрагиваются всеми участниками электоральных кампаний: от самых крупных и мощных партий и кандидатов до тех, чей потенциал пока недостаточен для серьезной конкурентной борьбы. Это вполне естественно, поскольку социальные темы наиболее близки и понятны самому широкому кругу избирателей. Они касаются каждого вне зависимости от пола, возраста, уровня дохода и образования, места жительства и рода занятий. Партии и политики хорошо почувствовали изменившийся тренд в общественных настроениях, социальная повестка дня вышла в политических программах на первый план. Обстоятельно эти вопросы были раскрыты в работе В. Глазичева «Социальное меню в программах российских партий». В ней он провел анализ партийных позиций середины 2000-х гг. по таким темам, как здравоохранение, образование, ЖКХ, жилищная политика, криминал и коррупция, миграционная политика, наука и культура и др.³ И в последующие годы данная проблематика не только не утратила своей актуальности, но с новой силой была политизирована различными акторами электоральной борьбы⁴. Так, предвыборная программа партии «Единая Россия» на президентских выборах 2012 г. фактически на две трети была посвящена

социальным проблемам. Об этом свидетельствуют даже названия соответствующих разделов: «Развитие человека – ключевая ценность»; «Достойная жизнь гражданам великой страны»; «Достойные зарплаты и пенсии. Эффективная система социальной поддержки»; «Семья – в центр государственной политики»; «Навести порядок в ЖКХ»; «Наша новая школа»; «Здоровье человека – наш приоритет»; «Инвалидам полноценную жизнь»⁵. Социальная проблематика обладает чрезвычайно мощным электоральным эффектом, поэтому неизменно присутствует во всех основных программных документах партий. И актуальная задача заключается в том, чтобы перейти от констатации социальных проблем и предложений, не отличающихся особой новизной по их решению, к действительно прорывным проектам

В своем программном обращении в преддверии парламентских выборов 2011 г. «Единая Россия» также поставила социальную проблематику в центр внимания. В частности, содержание разделов «Россия – социальное государство», «Качество жизни – образование, здравоохранение, жилье», «Справедливость – как безусловная ценность» не оставляют в этом никаких сомнений. В данном документе шла речь и о возможностях бизнеса в смягчении социальных проблем: «Российский бизнес должен быть социально ответственным. Жить в едином ритме и едиными заботами с нашей страной – с Россией. Активно инвестировать в образование и подготовку кадров, в новые социальные проекты, в российскую культуру. Помогать гражданскому обществу в развитии благотворительных и добровольческих программ»⁶. Однако, по нашему мнению, так называемая социальная ответственность бизнеса является устаревающей и малоэффективной парадигмой, прежде всего, потому что находится в определенном противоречии с законами и принципами рыночной экономики, оказывается не системным, а ситуативным явлением. Гораздо более надежной и перспективной формой выступает именно социальное предпринимательство, которое переносит бизнес-модели ведения дел в сектора, которые до этого были малопривлекательными для реализации деловой активности. Объективные противоречия социальной сферы и рынка усиливаются и культурными противоречиями российского и западного обществ. Современные способы ведения бизнеса, зачастую практически полностью в виде технологических и организационных механизмов перенесенные из иной хозяйственно-культурной среды, часто вступают в противоречие со слабой социальной инфраструктурой российского общества, низкой или недостаточной потребительской активностью, ограничивающей потенциал развития бизнеса. Более того, современный российский социум в значительной степени отличается и от западных, традиционных обществ, где сильны традиции социальной солидарности, которые заменяют подчас систему социального обеспечения.

В наших условиях солидарность сохраняется на уровне архетипов и фактически отсутствует в повседневной практике. В этих условиях социальное предпринимательство может стать тем инструментом, который соединит ментальные архетипы с рациональной природой человека-потребителя благ.

Наиболее зримым выражением значимости социальной сферы для современных политиков могут служить так называемые партийные проекты партии «Единая Россия». Официальный сайт партии прямо сообщает, что «в центре партийных проектов – человек с его интересами, проблемами, устремлениями и надеждами. В результате реализации проектов обеспечивается развитие социальной инфраструктуры, укрепляется гражданское общество. Жизнь людей меняется к лучшему. Социальные проекты направлены на гуманизацию общественной среды. Они затрагивают вопросы культуры, развития волонтерства, проблемы семьи и детства, вопросы образования и популяризации здорового образа жизни»⁷. Таким образом, то внимание политиков, которое оказывается социальным вопросам, утверждает нас в мысли, что проблематика социального предпринимательства будет все активнее входить в политическую повестку дня. Тема социального предпринимательства, вероятно, в скором времени станет предметом пристального внимания со стороны самых высоких властных структур.

Политические эффекты социального предпринимательства определяются не только тем значением общественного сектора, которое ему придается политическими структурами. Может быть, даже в большей степени политическая роль предпринимательства в социальной сфере определяется как минимум ограниченностью возможностей государственных и муниципальных органов по эффективному воздействию на наиболее злободневные проблемы повседневной жизни граждан. Эта ограниченность обусловлена, как правило, рамками бюджетных возможностей муниципалитетов, субъектов Федерации и государства в целом. Явно существует потребность поиска новых форм преодоления трудных мест общественного развития. «Переложение» части ответственности на наиболее активных представителей общества, создание им благоприятных условий, поддержка на уровне нормативного регулирования и текущего администрирования может стать по-настоящему инновационной социально-политической технологией в современной России. Выстраивание симбиотических отношений государства и бизнеса в социальной сфере, основанных на рациональном рыночном подходе, способно восполнить недостатки социальной солидарности в нашем обществе. Тем более что мировая политическая теория уже достаточно давно сформулировала возможные формы такого сотрудничества, которое может развиваться, например, в виде политических сетей.

Цитируя немецкого профессора Таню Берцель, Л. С. Сморгунов приводит такое определение политических сетей: «Политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений по природе не иерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей»⁸. По нашему мнению, при выстраивании системы социального предпринимательства в России политическая сеть может стать ключевой формой взаимоотношений между государственными и муниципальными органами, с одной стороны, бизнес-сообществом, с другой, и потребителями продукции социального предпринимательства, с третьей. Кооперативный, общий интерес, который таким образом формируется у всех участников сети, является одновременно и причиной, и результатом доверия между ними. В связи с этим доверие в глобальном, политическом смысле этого слова может стать основным политическим эффектом социального предпринимательства.

Недостаток доверия в российском обществе – одна из ключевых проблем, подрывающих легитимность органов власти, разрушающих веру в справедливое устройство социума, искажающих природу правового государства. Кризис доверия, грозящий перерасти в кризис легитимности, становится ключевой проблемой российской политической жизни. Недоверие и к публичной сфере, и нормативной системе государственного регулирования, сохраняющаяся подозрительность в искренности публично декларируемых элитой намерений способствуют активному разрушению коммуникации власти и общества. Выстраивание заново коммуникативных каналов – задача, которая должна решаться не только традиционными средствами, но и с опорой на инновационные модели, такие как социальное предпринимательство.

Следствием повышения общего уровня взаимного доверия между властью и обществом и вместе с тем еще одним политическим эффектом, который возникнет в результате расширения практики социального предпринимательства, будет ярко выраженное смягчение социальных проблем. Политический интерес власти состоит в том, чтобы минимизировать политизацию социальной проблематики со стороны оппозиционных кругов. И система социального предпринимательства выступает здесь как партнер власти, как механизм решения ряда злободневных проблем, в качестве дополнительного эффекта предполагающий повышение доверия к власти.

Конкретными политическими эффектами действия системы социального предпринимательства, по нашему мнению, являются три взаимосвязанных результата: повышение уровня

политической стабильности, расширение круга граждан, удовлетворенных работой власти, улучшение репутации административных структур. Одним из основных проявлений политической стабильности может в данном случае считаться отсутствие массовых протестных акций, посвященных социальной проблематике. Переход социальных вопросов в политическую повестку дня, как правило, в крайней форме может сопровождаться призывами к существенной трансформации текущего политического курса. Граждане радикализируются в своих взглядах и действиях, средства массовой информации охотно «подхватывают» популярные и понятные всем темы недовольства различных уязвимых слоев населения. Ограниченность бюджетных возможностей смягчения социальных проблем лишь усугубляет ситуацию. Власть оказывается в патовой ситуации, когда игнорировать требования протестующих политически опасно, а выполнить их экономически невозможно. В этом смысле социальное предпринимательство является достаточно эффективным средством предупреждения такого рода явлений.

Наконец, важным политическим эффектом будет улучшение репутации и имиджа тех властных и политических структур, которые первыми проявят инициативу в продвижении идеи социального предпринимательства и ее практической реализации. Популярность тематики разного рода инноваций может послужить здесь тем синергетическим фактором, который обеспечит резонансный эффект. Внимание средств массовой информации, создание образа прогрессивного управленца в глазах населения и вышестоящего руководства способно положительным образом отразиться и на карьере конкретных политических деятелей и чиновников.

В заключение можно отметить, что социальное предпринимательство и его политические эффекты могут разворачиваться на разных уровнях – от муниципального до федерального. Являясь по своей природе малым бизнесом, социальные предприниматели действуют локально, в масштабах конкретных поселений. Но меры по поддержке социального предпринимательства не могут быть ограничены только возможностями местных властей. Соответственно, и его политические дивиденды выходят далеко за пределы муниципальных образований. Региональные власти, так же как и федеральные, должны быть заинтересованы в выстраивании системной работы, в тиражировании результатов успешных бизнес-проектов. Политика и экономика – открытые системы, где переход явления с одного уровня на другой возможен в кратчайшие сроки и по заранее неизвестному сценарию. В связи с этим социальное предпринимательство может стать той политической инновацией, которая окажется отечественным ноу-хау в решении социальных проблем.

Примечания

- ¹ См.: Зверева Н. Социальное предпринимательство : взгляд в будущее // Новый бизнес. Социальное предпринимательство. URL: <http://www.nb-forum.ru/interesting/experts/sotsialnoe-predprinimatelstvo-vzglyad-v-budushee.html> (дата обращения: 17.09.2013).
- ² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 2012 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138990> (дата обращения: 18.09.2013).
- ³ См.: Глазычев В. Социальное меню в программах российских партий. М., 2005.
- ⁴ См.: Данилов М. В. «Неполитическая» повестка дня в программах российских партий : проблемы интерпретации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 5. С. 48–60.
- ⁵ См.: Предвыборная программа партии «Единая Россия» на выборах Президента Российской Федерации // Рос. газ. 2012. 8 февр.
- ⁶ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» на выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (Программное обращение Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» к гражданам России) // Единая Россия : [официальный сайт партии]. URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения: 17.09.2013).
- ⁷ Единая Россия : [официальный сайт партии]. URL: <http://er.ru/party/projects/> (дата обращения: 21.09.2013).
- ⁸ Государственная политика и управление. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. С. Сморгунова. М., 2006 С. 239.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асадов Б. Р. – кандидат политических наук, кафедра «Теория и практика туризма», Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики. E-mail: asadovspb@mail.ru

Бессчетнова О. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета. E-mail: sharon_oksana@rambler.ru

Богданов А. В. – кандидат политических наук, ассистент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: selectedman@yandex.ru

Бочарова Е. В. – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: iagpran@mail.ru

Валиахметов Р. М. – кандидат социологических наук, директор-организатор Башкирского филиала ИС РАН, директор Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, Уфа. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

Великий П. П. – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: iagpran@mail.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Гегедюш Н. С. – доцент кафедры государственного и муниципального управления, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: gegedush@rambler.ru

Горбачев М. В. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии, Саратовская государственная юридическая академия. E-mail: ussr-86@mail.ru

Дакирова С. Т. – младший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: dakirova-ne@mail.ru

Данилов М. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: super9999@yandex.ru

Ефанова Е. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Волгоградский государственный университет. E-mail: efanova8282@mail.ru

Зверева Н. И. – директор Фонда региональных социальных программ «Наше будущее», Москва. E-mail: zve_ni@mail.ru

Казаков А. А. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: champy@yandex.ru

Карипов Б. Н. – докторант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш. Ш. Уалиханова. E-mail: bkaripov@yandex.ru

Качур Н. В. – соискатель кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

Кошелев А. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: koshelev76@mail.ru

Лавренюк Н. М. – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Башкирского филиала ИС РАН, заведующая Сектором социального проектирования Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного университета, Уфа. E-mail: nmlavr@yandex.ru

Могилевич Б. Р. – доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский государственный университет. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Нагимов Р. М. – соискатель кафедры административного права, административной деятельности и управления органами внутренних дел, Казанский юридический институт МВД России. E-mail: nagram77@gmail.com

Нечаева И. В. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: irnech89@mail.ru

Огурцова Н. Н. – аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: ogur-natali@mail.ru

Панкратов С. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Волгоградский государственный университет. E-mail: s.pankratov@mail.ru

Россошанский А. В. – кандидат политических наук, доцент, Саратовский государственный университет. E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

Ручин А. В. – кандидат социологических наук, социолог социологического центра, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: alexey.ruchin@mail.ru

Смолина Е. С. – ассоциированный сотрудник социологического центра, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. E-mail: katesmolina89@gmail.com

Уфимцева Е. И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский государственный университет. E-mail: ufim75@mail.ru

Шавров А. В. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: softgreen777@mail.ru

Шахматова Н. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

Шестов Б. Н. – студент, Саратовский государственный университет. E-mail: bord64@gmail.com

Шилкина Н. Е. – кандидат социологических наук, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, Барнаул. E-mail: natali.shilkina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Asadov B. R. – candidate of political science, Chair of theory and practice of Tourism, St.-Petersburg State University of Service and Economics. E-mail: asadovspb@mail.ru

Besschetnova O. V. – PhD of sociology, associate professor of the Chair of social work, Balashov Institute (branch) of Saratov State University. E-mail: sharon_oksana@rambler.ru

Bocharova E. V. – candidate of sociological sciences, researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov. E-mail: iaggran@mail.ru

Bogdanov A. V. – candidate of political science, assistant professor, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: select-edman@yandex.ru

Dakirova S. T. – junior researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov. E-mail: dakirova-ne@mail.ru

Danilov M. V. – candidate of political science, associate professor, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: super9999@yandex.ru

Efanova E. V. – candidate of political science, associate professor, Chair of political science, Volgograd State University. E-mail: efanova8282@mail.ru

Gegedyush N. S. – associate professor of the Chair of public administration, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: gegedush@rambler.ru

Gorbachev M. V. – candidate of political science, assistant professor, Chair of theoretical and applied political science, Saratov State Legal Academy. E-mail: ussr-86@mail.ru

Kachur N. V. – PhD student, Chair of youth sociology, Saratov State University. E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

Karipov B. N. – postdoc candidate, Chair of history and theory of politics, of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, associate professor, Chair of Philosophy of the Kokshetau State University named after Sh. Sh. Ualikhanov. E-mail: bkaripov@yandex.ru

Kazakov A. A. – candidate of political science, associate professor, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: champy@yandex.ru

Koshelev A. A. – PhD of sociology, associate professor, Chair of youth sociology, Saratov State University. E-mail: koshelev76@mail.ru

Lavrenyuk N. M. – candidate of sociology, associate professor, senior researcher of the Bashkir Branch of the RAS IP, head of the Sector of social engineering of the Institute of Social and Political and Legal Studies of the Republic of Bashkortostan, associate professor of the Chair of applied and industrial sociology of the Bashkir State University, Ufa. E-mail: nmlavr@yandex.ru

Mogilevich B. P. – doctor of sociology, professor, Chair of English language for humanitarian directions and specialties, Saratov State University. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Nagimov R. M. – PhD-candidate of administrative law, administrative and management bodies of internal affairs Academic Department at Kazan Law Institute of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: nagram77@gmail.com

Nechayeva I. V. – candidate of sociological sciences, senior researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov. E-mail: irnech89@mail.ru

Ogurtsova N. N. – graduate student, Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: ogur-natali@mail.ru

Pankratov S. A. – doctor of political science, professor, Head of the Chair of political science, Volgograd State University. E-mail: c.pankratov@mail.ru

Rossoshansky A. V. – candidate of political science, associate professor, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

Ruchin A. V. – PhD of sociology, sociologist of Sociological center, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A. E-mail: alexey.ruchin@mail.ru

Shahmatova N. V. – professor of sociology, professor of the Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Shahmatova NV@info.sgu.ru

Shavrov A. V. – graduate student of sociology regions, Saratov State University. E-mail: softgreen777@mail.ru

Shestov B. N. – student, Saratov State University. E-mail: bord64@gmail.com

Shilkina N. E. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Chair of empirical sociology and conflictology, Altai State University, Barnaul. E-mail: natali.shilkina@rambler.ru

Smolina E. S. – associate officer of Sociological center, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. E-mail: katesmolina89@gmail.com

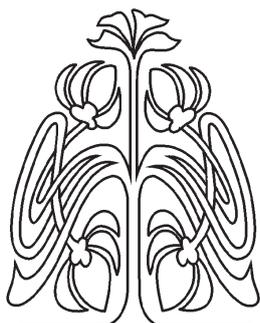
Ufimtseva E. I. – candidate of sociology, associate professor of the Chair of sociology social work, Saratov State University. E-mail: ufim75@mail.ru

Valiahmetov R. M. – PhD of sociology, organizing director of the Bashkir Branch of the RAS IP, director of the Institute of Social and Political and Legal Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

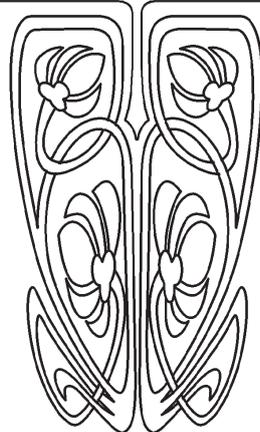
Velikiy P. P. – doctor of philosophic sciences, professor, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences. E-mail: iaggran@mail.ru

Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, Head of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Zvereva N. I. – Director of the Foundation of Regional Social Programs «Our Future», Moscow. E-mail: zve_ni@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2014 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».
Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: BegininalA@info.sgu.ru